

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1

1975

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. М. Сумарокова.</i> В. И. Ленин о Балканских войнах и об участии Сербии в первой мировой войне	3
<i>Г. М. Славин.</i> Об освещении народно-освободительной борьбы в Югославии советской печатью (1941—1942 гг.)	15
<i>М. Н. Черных.</i> Ю. Мархлевский о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши	24
<i>Любомир Е. Гавлик</i> (ЧССР). Ранняя стадия развития феодализма в Моравии (К проблематике ее общественной структуры в свете письменных источников)	37
<i>Л. Н. Будагова.</i> От литературы антифашистской к литературе социалистической	56

СООБЩЕНИЯ

<i>И. Я. Мараш.</i> Из истории изучения работ В. И. Ленина политзаключенными в буржуазно-помещичьей Польше	61
<i>Л. А. Зарубин.</i> Солнце и Зори в праславянском и славянском изобразительном искусстве	65

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>П. Ольшанский.</i> J. Kumaniecki. Po traktacie ruskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923	72
<i>И. Д. Павлушина.</i> Книга об Университете им. Адама Мицкевича в Познани	77
<i>А. Л. Ястребицкая.</i> Книга о политической борьбе на Балканах в начале XIII века	80
<i>С. П. Боброва.</i> В. П. Грачев. Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории «купной организации»)	82

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН

В 1965

ГОДУ

МОСКВА

<i>И. К. Горский.</i> Исследование высокого качества	84
<i>Н. Ф. Копытянская.</i> А. В. Волков. Драматургия Карела Чапека	87
<i>А. С. Львов.</i> Иван Добрев. Глаголический текст на Боянския палимпсест. Старобългарски паметник от края на XI век	90

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1974 г. (продолжение)	93
Содержание иностранных журналов	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. И. Злыднев.</i> Научная сессия, посвященная 30-летию социалистической революции в Болгарии	104
<i>Г. П. Клепикова.</i> Второе международное совещание по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»	105
<i>Н. М. Пашаева.</i> К 550-летию со дня смерти Яна Жижки	107
<i>И. А. Хренов.</i> <u>Александр Семенович Гундоров</u>	110
<i>Н. Г. Крикун, В. П. Чорный.</i> <u>Дмитрий Леонидович Похилевич</u>	111

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ.
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

М. М. СУМАРОВА

В. И. ЛЕНИН О БАЛКАНСКИХ ВОЙНАХ И ОБ УЧАСТИИ СЕРБИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В работах В. И. Ленина, написанных в период Балканских войн и первой мировой войны, содержится много мыслей, характеристик, оценок и выводов, имеющих определяющее значение для правильного понимания не только важнейших причин и сущности военных конфликтов на Балканах, но и основных этапов и закономерностей сложного процесса развития освободительного движения балканских, в первую очередь славянских, народов¹.

Балканский кризис В. И. Ленин рассматривал как «одно из звеньев той цепи событий, которая с начала XX века ведет повсюду к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям»².

Весть о войне на Балканах застала В. И. Ленина в Кракове. Здесь он жил свыше двух лет, с середины 1912 г. до начала мировой войны, выезжая в деревню Пороино на летние месяцы. Краков находился недалеко от русской границы. Газеты прибывали из Петербурга в Краков уже на третий день. Близость к России давала возможность поддерживать с ней тесные связи и направлять работу партийных организаций. Живя за границей, В. И. Ленин осуществлял идейное руководство «Правдой», вел оживленную переписку с ее редакцией, добивался, чтобы газета велась в боевом, революционном духе. Почти ежедневно на ее страницах появлялись ленинские статьи и заметки, посвященные наиболее актуальным проблемам общественно-политической жизни России и международных отношений.

Осенью 1912 г. В. И. Ленин считал самой злободневной темой, самым важным событием в мировой политике войну на Балканах³. Вместе с тем, он указывал на стремление правящих кругов воюющих стран скрыть от

¹ Эти вопросы уже освещались в советской и югославской историографии: В. В. Зеленин. В. И. Ленин о национальной революции южного славянства. «Советское славяноведение», 1969, № 2; Г. М. Славин, М. М. Сумарова. В. И. Ленин и сербская социал-демократия в период Балканских войн и первой мировой войны. «Советское славяноведение», 1970, № 2; Г. М. Славин, М. М. Сумарова. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.). В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973; S. Škok. Vladimir Ilič Lenjin o karakteru balkanskih ratova i prvog svetskog rata. «Vojnoistorijski glasnik», 1970, № 2.

Указанные исследования были использованы при подготовке настоящего доклада, который был прочитан на международном научном симпозиуме «Великие державы и Сербия перед первой мировой войной», проходившем в Белграде (СФРЮ) в сентябре 1974 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 135.

³ Там же, стр. 151, 198.

народов правду о войне. «Воюющие стороны изо всех сил скрывают от „посторонних“, т. е. от всего света, то, что происходит на Балканах, — писал В. И. Ленин. — Корреспондентов обманывают, задерживают и лишь много времени спустя после окончания битв пускают на поле сражения. Только исключительные обстоятельства позволяют поэтому изредка узнавать правду про войну»⁴.

Вот почему «Правда» была весьма заинтересована в том, чтобы иметь своего корреспондента хотя бы в одной из балканских стран. Нет нужды подчеркивать, что корреспондентом «Правды» мог быть лишь человек, разделяющий взгляды большевистской партии. В период Балканских войн корреспондентом ленинской «Правды» являлся видный деятель сербского революционного рабочего движения Филип Филипович⁵.

В связи с обострением обстановки на Балканах 22 сентября (5 октября) 1912 г. секретарь редакции «Правды» обратился к Ф. Филиповичу с письмом, в котором просил его по возможности регулярно присылать статьи в газету. «Было бы крайне важно следить за ходом событий на Балканах, — говорилось в письме, — читатели ждут такого материала, и мы обязаны со своей точки зрения осветить надвигающуюся войну»⁶.

Корреспонденции Ф. Филиповича печатались в «Правде» с октября 1912 г. по июнь 1913 г. Все они были посвящены балканскому вопросу. В. И. Ленин, черпавший фактический материал для своих работ из разнообразных источников и чрезвычайно дороживший достоверной информацией, разумеется, не мог пройти мимо статей белградского корреспондента «Правды».

Большевистская «Правда» внимательно следила за развитием событий на Балканах, информировала о военных приготовлениях, которые велись в Турции и в странах Балканского союза (Сербии, Болгарии, Греции и Черногории), о первых пограничных инцидентах. 26 и 27 сентября⁷ 1912 г. под рубрикой «Война началась» «Правда» опубликовала первые вести о начале войны. Затем материалы о ходе военных операций и дипломатических маневрах великих держав регулярно помещались в газете под рубрикой «Война».

В начале октября 1912 г. В. И. Ленин пишет воззвание Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии «Ко всем гражданам России»⁸. Этот документ был первым откликом вождя большевистской партии на известие о начале военных действий на Балканах. 10(23) октября В. И. Ленин направил воззвание секретарю Международного социалистического бюро (МСБ) II Интернационала К. Гюисмансу с просьбой ознакомить с его содержанием всех секретарей социал-демократических партий и опубликовать в социалистической печати. Вскоре воззвание «Ко всем гражданам России» было напечатано на немецком, французском и английском языках. Оно было также издано Комитетом заграничной организации РСДРП и специальным приложением к № 28-29 газеты «Социал-Демократ» от 5 (18) ноября 1912 г.

Воззвание ЦК РСДРП, принадлежавшее перу В. И. Ленина, было примером классового, подлинно интернационалистского подхода к оценке Балканской войны. В этом документе дан анализ международной обста-

⁴ Там же, стр. 159.

⁵ См. М. М. Сумарова. Новые данные о начале революционной деятельности Филипа Филиповича. «Советское славяноведение», 1967, № 1; М. М. Сумарова. Slanci Filipa Filipovića o balkanskim ratovima na stranicama «Pravde» (1912—1913). «Prilozi za istoriju socijalizma», knj. 8. Beograd, 1971.

⁶ П. Дамьянович. Филип Филиповић. Фрагменти за биографију. «Годишњак града Београда», књ. VI. Београд, 1959, стр. 191.

⁷ Даты выхода номеров газет даны по старому стилю.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 135—139.

новки в связи с балканским кризисом, определена позиция большевистской партии по отношению к начавшейся войне.

Разоблачая экспансионистские устремления правящих кругов России, Австрии, Италии, Германии и других стран, желавших «принять участие в событиях на Балканах», В. И. Ленин указывал на опасность возникновения общеевропейской войны⁹. В воззвании отмечалось, что в связи с обострением классовой борьбы и успехами рабочего движения буржуазные правительства «становятся все более склонными к отчаянным авантюрам»¹⁰.

В. И. Ленин, как и ранее¹¹, решительно выступал против вмешательства империалистических держав в дела балканских народов, гневно бичевал внешнюю политику царской России. К оценке роли России на Балканах В. И. Ленин подходил с классовой позиции, с точки зрения революционного российского пролетариата, перед которым стояла задача свержения самодержавия и уничтожения буржуазно-помещичьего строя. Он опровергал и высмеивал поддерживаемую и распространяемую буржуазными политическими партиями ложь о свободолюбивом царизме. В воззвании подчеркивалось, что не только правые партии, но и оппозиционная, либеральная буржуазия, прикрываясь лицемерными фразами, изо всех сил вела шовинистическую пропаганду, разжигала антиавстрийские настроения и защищала великодержавные интересы России.

Характеризуя социально-экономические отношения в Восточной Европе, В. И. Ленин отмечал, что на Балканах, в Австрии и России наряду с районами развитого капитализма имеются области, где сохраняются сильные остатки средневековья, угнетение масс феодализмом и абсолютизмом. «Разбойничьи династии Габсбургов и Романовых, — писал В. И. Ленин, — поддерживают этот крепостнический гнет, стремясь разжечь вражду между народами, чтобы усилить власть монархии, чтобы увековечить порабощение целого ряда национальностей»¹². Поэтому, указывал В. И. Ленин, только революционное низвержение царизма может обеспечить свободное развитие и России и всей Восточной Европы.

Центральный Комитет РСДРП призвал граждан России поддержать лозунг федеративной балканской республики, провозглашенный социалистами балканских стран. Осуществление права народов на самоопределение и претворение в жизнь лозунга федеративной балканской республики, отмечалось в воззвании, расчистило бы пути широкой классовой борьбе за социализм.

Центральный Комитет партии заявил, что российская социал-демократия присоединяет свой голос к голосам социалистов балканских и некото-

⁹ В сохранившихся письмах В. И. Ленина к родным, написанных им в Кракове осенью 1912 г., говорится о военной истерии, однако выражается сомнение в неизбежности перерастания военного конфликта на Балканах в то время в общеевропейскую или мировую войну. «Здесь все полно вестями о войне, как, впрочем, видно и из газет, — писал В. И. Ленин сестре М. И. Ульяновой. — Вероятно, придется уехать в случае войны в Вену (или даже в тот город, где мы виделись последний раз) (имеется в виду Стокгольм. — М. С.). Но я не верю, что будет война». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 329).

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 136.

¹¹ В статье «События на Балканах и в Персии», написанной осенью 1908 г., В. И. Ленин подчеркивал, что вмешательство правящих кругов крупных европейских государств в дела Балканского полуострова, диктуемое якобы их искренней заботой о «братьях-славянах», носит реакционный характер. «Эти „заботы“ всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм в тех или иных балканских странах, — писал В. И. Ленин. — Единственная искренняя „забота“ держав по отношению к балканским странам могла бы состоять в одном и только в одном: предоставить их самим себе, не портить им жизни иностранным вмешательством...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 230).

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 136.

рых других стран, осудивших войну, и обратился к трудящимся России с призывом усилить революционную борьбу против самодержавия.

Основные положения, содержащиеся в воззвании ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», получили свое дальнейшее развитие в ленинских статьях, опубликованных на страницах «Правды».

16 октября 1912 г. в «Правде» появилась статья В. И. Ленина «Балканские народы и европейская дипломатия». «Всеобщий интерес устремлен теперь на Балканы. И это понятно. Для всей Восточной Европы бьет, быть может, час, когда скажут свое свободное и решительное слово сами народы»¹³, — так начинает В. И. Ленин эту статью. В условиях острого политического кризиса, каким всегда является война, вождь российского пролетариата увидел потенциальную возможность для успешного выступления народных масс не только на Балканах, но и во всей Восточной Европе. Та же мысль с новой силой звучит в заключении статьи: «Передовые рабочие на Балканах и вся балканская демократия возлагают свои надежды исключительно на развитие сознательности, демократизма и самостоятельности масс, а не на интриги буржуазных дипломатов, какими бы либеральными фразами они себя ни прихорашивали!»¹⁴.

Следовательно, В. И. Ленин, как и прогрессивная общественность балканских стран, ставил дальнейшую судьбу народов на Балканах в прямую зависимость от размаха и силы массового народного движения, от степени сознательности и демократизма трудящихся масс.

В. И. Ленин неустанно подчеркивает, что буржуазная Европа, даже самая «либеральная», не несет Балканам ничего, кроме поддержки гнилья и застоя. «И враждебное и якобы дружелюбное вмешательство „держав“ Европы, — писал В. И. Ленин, — означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации»¹⁵.

Спустя два дня, 18 октября 1912 г., в «Правде» были напечатаны две новые ленинские статьи — «О лисе и курятнике» и «Позорная резолюция». Центральное место в них уделено вопросу об отношении буржуазно-помещичьих кругов России к Балканской войне. В. И. Ленин учил распознавать подлинные цели, видеть классовые интересы различных политических группировок, какой бы словесной завесой они ни прикрывались. Характеризуя позицию буржуазных партий России, начиная с крайне правых — черносотенцев и октябристов, кончая кадетами, В. И. Ленин доказывал, что все они, в сущности, проводили одну и ту же реакционную великодержавную политику. Причем наиболее опасным и вредным был более тонкий и хитрый национализм либералов, скрывавшийся за громкими фразами о свободе и демократии. В то время как печатный орган черносотенцев газета «Новое Время» выступала за протезирование славян Россией, кадетская «Речь» — за протезирование славян Тройственным соглашением (Антантой), иными словами, говорил В. И. Ленин, «Новое Время» за одну нашу лису в курятнике, а «Речь» за соглашение трех лис¹⁶. «Демократия вообще, а рабочие в особенности, — подчеркивал В. И. Ленин, — против всякого „протезирования“ славян лисами и волками и за полное самоопределение народов, за полную демократию, за освобождение славян от всякого протезирования „великими державами“»¹⁷.

Отдельные нюансы в подходе к балканской проблеме не помешали отъявленным реакционерам и либералам единодушно принять на заседании

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 142.

¹⁴ Там же, стр. 143.

¹⁵ Там же, стр. 142.

¹⁶ Там же, стр. 149.

¹⁷ Там же.

Петербургской городской думы 10 октября 1912 г. резолюцию, которая была адресована столицам воюющих балканских государств и призывала народы Балканского союза проливать кровь за «светлое будущее независимой свободы угнетенных народов»¹⁸. Назвав эту резолюцию позорной, образцом буржуазного шовинизма, В. И. Ленин писал: «Никогда и нигде „свобода“ не достигалась угнетенными народами посредством *войны* одного народа против другого. Войны народов только усиливают порабощение народов. Действительная *свобода* славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена *только* полной свободой внутри *каждой* страны и федерацией вполне и до конца демократических государств. И славянский и турецкий крестьянин на Балканах — братья, одинаково „угнетенные“ своими помещиками и своими правительствами. Вот где настоящее угнетение, вот где настоящая помята „независимости“ и „свободе“»¹⁹.

Мысль об общности коренных интересов трудящихся обеих воюющих сторон высказывается и в ленинской статье «Кадеты и националисты», напечатанной в «Правде» 24 октября 1912 г. В. И. Ленин подчеркивает, что истинные сторонники демократии не потерпят, чтобы противопоставлялся просто славянин турку. Нужно противопоставлять, указывал он, «славянского и турецкого крестьян *вместе* — славянским и турецким помещикам и башибузукам»²⁰.

В своих работах В. И. Ленин неустанно доказывал, что не междоусобная война, а глубокие демократические преобразования в каждой стране и создание федерации балканских государств откроют путь действительному освобождению трудящихся и угнетенных народов на Балканах. При этом В. И. Ленин не просто повторяет лозунг федеративной балканской республики, но и уточняет, какой должна быть эта республика. Она должна быть «федерацией вполне и до конца демократических государств»²¹.

Тем временем события на Балканах стремительно развивались. В Македонии сербские войска развернули мощное наступление против соединений турецкой армии, расположенных в районе Куманово — Ускюб (Скопле). 10 (23) октября началось большое сражение у Куманова, в ходе которого сербская армия нанесла тяжелое поражение турецким войскам. Значительных успехов добились и другие союзники — Болгария, Черногория, Греция. За короткий срок, в течение нескольких недель с момента объявления войны, основные силы турецкой армии, находившиеся на Балканском полуострове, были разбиты. «„Балканы — балканским народам“ — это *уже* достигнуто»²², — писал в те дни В. И. Ленин.

Анализ успехов стран Балканского союза позволил В. И. Ленину сделать важные теоретические обобщения относительно исторического значения происходивших на Балканах событий. В статье «Новая глава всемирной истории», опубликованной в «Правде» 21 октября 1912 г., В. И. Ленин отмечает, что несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий (Балканский союз), а не союз республик и осуществлен этот союз благодаря войне, а не революции, несмотря на это, сделан громадный шаг вперед к решению национального вопроса на Балканах, к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе²³.

¹⁸ Там же, стр. 151.

¹⁹ Там же, стр. 151—152.

²⁰ Там же, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 152.

²² Там же, стр. 155.

²³ Там же, стр. 156.

Возвращаясь к вопросу о причинах социально-экономической отсталости Австрии, России и балканских стран, поставленному в воззвании ЦК РСДРП «Къ всем гражданам России», В. И. Ленин вновь подчеркивает, что основным препятствием на пути развития этих стран являются «могучие остатки средневековья»²⁴.

К числу пережитков докапиталистической эпохи В. И. Ленин относил абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (земле-владение и привилегии крепостников-помещиков) и национальный гнет. Эти пережитки средневековья, задерживавшие развитие производительных сил, обусловили слабость демократических классов в балканских странах (пролетариат немногочислен, крестьяне забиты, раздроблены, безграмотны). Именно слабость рабочего класса и крестьянства, по мнению В. И. Ленина, привела к тому, что вместо экономически и политически необходимого союза балканских народов на деле были осуществлены союз монархий — Сербии, Болгарии, Черногории и Греции.

Обосновывая сделанный ранее вывод о прогрессивном характере процессов, развивавшихся на Балканах, в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед» («Правда», 7 ноября 1912 г.) В. И. Ленин на примере Македонии показал, что освобождение от турецкого гнета означает подрыв господства феодализма, «обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями»²⁵.

В то время как русская буржуазная пресса всех направлений делала упор на национальном освобождении, В. И. Ленин доказывал, что «только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян* всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения»²⁶. При сохранении помещичьего гнета и монархий, разъяснял он, неизбежно останется в той или иной мере и национальное угнетение.

В. И. Ленин особенно подчеркивал, что если бы освобождение Македонии совершилось путем революции, посредством борьбы и славянских и турецких крестьян против помещиков всех национальностей и монархических балканских правительств, то «освобождение было бы достигнуто неизмеримо более легкой ценой и было бы неизмеримо полнее»²⁷. Несколько позднее, в статье «Усердие не по разуму» В. И. Ленин ясно говорит, что «балканская революция стоила бы во сто раз менее жертв, чем балканская война, и дала бы в тысячу раз более широкие и прочные демократические результаты»²⁸. В статье «Ужасы войны»²⁹, рассказывая о кровопролитном сражении между болгарскими и турецкими войсками у Люле-Бургаса, завершившемся разгромом турецкой армии, он наглядно показал, какие огромные человеческие жертвы, бедствия и лишения несла с собой война.

В. И. Ленин вскрыл исторические причины того факта, почему насущные проблемы Балканского полуострова решались войной, а не революцией. Главную причину этого В. И. Ленин усматривал в слабости, раздробленности и недостаточной сознательности рабочего класса и крестьянства в балканских странах.

Позиция большевистской партии в отношении событий на Балканах определена в ленинских тезисах «Къ вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов». В. И. Ленин уделял большое внимание деятельности

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

²⁵ Там же, стр. 187.

²⁶ Там же, стр. 188.

²⁷ Там же, стр. 187.

²⁸ Там же, стр. 214.

²⁹ Там же, стр. 159—160.

большевистской фракции IV Государственной думы, учил рабочих депутатов использовать парламентскую трибуну для разоблачения антинародной политики самодержавия и фальшивой демократии буржуазных партий, для изложения взглядов большевистской партии по всем актуальным вопросам и пропаганды революционных лозунгов. В тезисах к выступлению представителей РСДРП в Думе, написанных В. И. Лениным в ноябре 1912 г., несколько строк посвящалось Балканской войне, этой, по словам В. И. Ленина, самой злободневной теме, которую обойти невозможно. В. И. Ленин настаивал, чтобы в первом же выступлении рабочего оратора с трибуны парламента прозвучал лозунг балканской федеративной республики. В тезисах подчеркивалось, что российская социал-демократия выступает против славяно-турецкой вражды, за свободу и равноправие *всех* народов на Балканах, против вмешательства в балканскую войну других держав³⁰.

Вышеуказанные тезисы легли в основу проекта декларации социал-демократической фракции, который также был подготовлен В. И. Лениным³¹. В проекте декларации говорилось: «Рабочие требуют мира. Рабочие протестуют против какого бы то ни было вмешательства в балканские дела. Только полная свобода и самостоятельность балканских народов, только федеративная республика балканская в состоянии обеспечить наилучший выход из теперешнего кризиса и действительное разрешение национального вопроса путем признания полного равноправия и безусловного права на политическое самоопределение за всеми без исключения национальностями»³².

Весной 1913 г., когда первая балканская война близилась к концу и центр тяжести вопроса, говоря словами В. И. Ленина, был перенесен с театра военных действий на театр грядущих и интриг так называемых великих держав³³, В. И. Ленин в статье «Балканская война и буржуазный шовинизм» подытожил результаты войны. Он указал, что историческая задача, стоявшая перед балканскими народами, заключалась в создании объединенных национальных государств, свержении гнета местных феодалов и окончательном освобождении крестьян всех национальностей от помещичьего ига. Эта задача могла быть решена революционным путем. — созданием федеративной балканской республики на основе полного и последовательного демократизма. Однако в силу объективных обстоятельств ее решение пошло по другому пути. В. И. Ленин считал необходимым дополнить перечень причин, обусловивших разрешение насущных проблем Балкан войной, а не революцией, и указал на реакционное влияние и давление могущественной европейской буржуазии, которая разжигала шовинизм и национальную вражду на Балканах.

Анализ результатов первой балканской войны, в первую очередь с точки зрения национального и социально-экономических аспектов, позволили В. И. Ленину поставить эту войну в одну цепь с другими мировыми событиями, знаменующими крах средневековья в Восточной Европе и в Азии.

В более поздних своих работах В. И. Ленин неоднократно возвращался к вопросу о Балканских войнах. Он отмечал, что XX век на Балканах ознаменовался обострением национальной борьбы и развитием буржуазно-демократических национальных движений³⁴. Революции в России, Персии, Турции, Китае и войны на Балканах, указывал В. И. Ленин, поло-

³⁰ Там же, стр. 198.

³¹ Там же, стр. 202—206.

³² Там же, стр. 202—203.

³³ Там же, т. 23, стр. 38.

³⁴ Там же, т. 27, стр. 260.

жили начало эпохе буржуазно-демократических революций в Восточной Европе и в Азии³⁵. «И в этой цепи событий, — писал В. И. Ленин в работе „О праве наций на самоопределение“, — только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств»³⁶. В полемике с Р. Люксембург В. И. Ленин, ссылаясь на пример балканских стран, доказывал, что наилучшие условия для развития капитализма создаются как раз по мере образования самостоятельных национальных государств³⁷.

Суммируя высказывания В. И. Ленина о первой балканской войне, мы можем констатировать, что вождь большевистской партии признавал в целом ее прогрессивный характер, несмотря на то что монархи и буржуазия балканских стран преследовали в этой войне свои династические, захватнические цели. В ходе освобождения от турецкого ига был нанесен удар по остаткам крепостничества, ускорился процесс образования независимых национальных государств на Балканах, создались более благоприятные условия для развития капитализма в Балканских странах. Огромное принципиальное значение имеет ленинская оценка этой войны как одного из звеньев в цепи буржуазно-демократических революций, развернувшихся в Восточной Европе и в Азии в начале XX в.

Вместе с тем, в ленинских работах неоднократно подчеркивается незавершенность буржуазно-демократических преобразований на Балканах. Летом 1913 г., мотивируя необходимость сохранения в программе РСДРП параграфа о самоопределении наций, В. И. Ленин, в частности, отмечал, что во всей Восточной Европе (Австрия и Балканы) «либо не закончено либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведущее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом»³⁸. В статье «Статистика и социология», написанной в январе 1917 г., В. И. Ленин, указывая на значительный процент инационального населения в малых балканских странах (Румыния, Болгария, Греция, Сербия, Черногория и Албания), а также на наличие громадного количества, например, румын и сербов, живущих вне пределов «своего» государства, делает вывод о том, что «государственное строительство» на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось в ходе Балканских войн³⁹.

Как известно, Балканские войны не разрешили полностью всех проблем национального освобождения югославянских народов, значительная часть которых оставалась под гнетом Австро-Венгрии. Но они дали толчок дальнейшему развитию национально-освободительного движения, имевшего целью окончательное освобождение от чужеземного порабощения и воссоединение всех югославянских народов. Национально-освободительное движение югославянских народов вступило в новый этап в годы первой мировой войны и подъема революционного движения после Октябрьской революции в России.

Мировая война не была неожиданностью для пролетариата, ее предвидели, к ней готовились. Вопрос о военной угрозе и тактике социалистических и рабочих партий в случае развязывания империалистами войны неоднократно обсуждался на конгрессах II Интернационала. Чрезвычайный международный социалистический конгресс в Базеле (ноябрь

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 269.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 262—263.

³⁸ Там же, т. 23, стр. 314.

³⁹ Там же, т. 30, стр. 355.

1912 г.), созданный для решения вопроса о борьбе с надвигающейся опасностью мировой империалистической войны, угроза которой еще более возросла вследствие военного столкновения на Балканах, принял манифест о войне. В этом документе подчеркивалась империалистическая сущность грядущей мировой войны и перед рабочим классом всех стран выдвигалась задача борьбы против шовинизма и использования экономического и политического кризиса, создаваемого войной; в целях ускорения свержения капитализма. Базельский конгресс ясно говорил об империалистической войне, более того, предвидел, что предлогом к конфликту послужит Сербия⁴⁰.

Летом 1914 г. международная обстановка в Европе накалилась до предела. Достаточно было малейшей искры, чтобы вспыхнул мировой пожар. Этой искрой оказались выстрелы в Сараеве. 10 (23) июля 1914 г. Сербии был вручен ультиматум, а спустя пять дней Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

16 (29) и 17 (30) июля в Брюсселе происходили заседания Международного социалистического бюро. Большинство выступавших на заседаниях МСБ убаюкивали себя надеждой, что война ограничится австро-сербским конфликтом. Ни в решении последнего заседания, ни в речах делегатов ничего не говорилось о революционных средствах борьбы против войны⁴¹. Один из лидеров австрийской социал-демократии В. Адлер уверял, что война против Сербии очень популярна в Австрии и что социалистам трудно противостоять этим настроениям⁴². Когда мировая война стала свершившимся фактом, Виктор Адлер писал Карлу Каутскому: «...было бы предательством и несчастьем прежде всего для партии взять на себя смелость хоть чем-нибудь, хотя бы морально ослабить империю»⁴³.

22 июля (4 августа) 1914 г. самая крупная партия II Интернационала — Социал-демократическая партия Германии в лице своей парламентской фракции, изменив постановлением международных социалистических форумов и своих партийных съездов, проголосовала за предоставление правительству военных кредитов. Не лучше австрийских и немецких руководителей повели себя социалистические лидеры другой воюющей группировки, уверявшие, что державы Антанты ведут справедливую оборонительную войну.

Измена лидеров II Интернационала привела к его развалу. «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом»⁴⁴, — говорил В. И. Ленин. Дезорганизованные предательством вождей, социалистические партии многих стран оказались неспособными занять правильные позиции по отношению к войне, дать отпор натиску буржуазного национализма и шовинизма. Международный социализм оказался в состоянии глубокого кризиса.

Мужественное выступление В. И. Ленина и руководимой им большевистской партии против войны представляло разительный контраст трусливому поведению социал-демократических лидеров на Западе. Еще задолго до начала войны большевики вели последовательную борьбу против милитаризма, за прекращение мировой войны. В партийной печати публиковались многочисленные факты о гонке вооружений в империалистических государствах и об огромных ассигнованиях на подготовку

⁴⁰ Там же, т. 26, стр. 25.

⁴¹ Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия 1914—1917. М., 1968, стр. 21.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 28.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 41.

к войне, объяснялись причины растущей международной напряженности. В одной из статей о Балканской войне, напечатанной в «Правде», говорилось: «Тем и опасна эта война, что она может явиться как бы прелюдией к грандиозной европейской войне»⁴⁵. «Демократия не хочет войны, — писала „Правда“, — она опасна для нее во всех отношениях. Не говоря о том, что всей тяжестью война ляжет на плечи народа и потребует от него неизмеримых жертв кровью и деньгами, она может явиться огромным тормозом для достижения тех задач, которые стоят перед демократией»⁴⁶.

Накануне мировой войны политический кризис в России достиг небывалой остроты. Уже в первой половине 1914 г. политических стачек в России было больше, чем в 1905 г. Забастовки распространились по всем промышленным центрам страны. Во время визита французского президента Р. Пуанкаре в Петербург летом 1914 г. для переговоров с царским правительством о военных приготовлениях массовые политические выступления питерских рабочих переросли в вооруженные баррикадные бои⁴⁷. «Революционное движение против царизма, — отмечал В. И. Ленин, — вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры»⁴⁸. Он выражал опасение, что мировая война может отсрочить революционное низвержение самодержавия⁴⁹.

Объявление войны рабочие ряда городов России встретили антивоенными выступлениями — демонстрациями, митингами и собраниями. Большевики в своих листовках призывали рабочих положить конец братоубийственной войне и повернуть оружие против своих угнетателей, против царского самодержавия. 26 июля (8 августа) 1914 г. на экстренном заседании IV Государственной думы большевистские депутаты проголосовали против военных кредитов.

В. И. Ленин узнал об объявлении Германией войны России в Поронине. Вскоре он был арестован австрийскими властями. Продержав В. И. Ленина около двух недель в тюрьме, австрийские власти вынуждены были его освободить. Получив разрешение покинуть Австрию, В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской выехал из Кракова через Вену в Швейцарию. 23 августа (5 сентября) 1914 г. они прибыли в Берн.

В первые же дни пребывания в Швейцарии В. И. Ленин пишет тезисы о войне «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». В этом документе содержится научная оценка начавшейся войны, подчеркивается ее захватнический, империалистический характер. «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»⁵⁰, — говорилось в первом тезисе. С предельной четкостью были охарактеризованы подлинные цели обоих враждующих блоков — Центральных держав и Антанты, ничуть не уступавших друг другу, по словам В. И. Ленина, в жестокостях и варварстве войны⁵¹. Вскрывая истинные цели, преследуемые блоком Центральных держав, В. И. Ленин, в частности, писал: «...на деле ав-

⁴⁵ «Правда», 1913, 20 марта.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, стр. 1.

⁵¹ Там же, стр. 6.

стрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии»⁵².

1 ноября 1914 г. в газете «Социал-Демократ» был напечатан написанный В. И. Лениным манифест «Война и российская социал-демократия». В нем развивалось и уточнялось содержание ленинских тезисов о войне. Была несколько изменена и дополнена формулировка о целях, преследуемых группой наций, возглавляемой немецкой буржуазией. В манифесте говорится: «На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...»⁵³. Таким образом, видимо учитывая подчиненное положение австро-венгерской монархии по отношению к Германской империи, В. И. Ленин написал вместо «австрийская буржуазия» «немецкая» и добавил обобщенную формулу «национальная революция южного славянства». В формуле «национальная революция южного славянства» содержалась наиболее общая характеристика национально-освободительного движения югославянских народов, развернувшегося с особенной силой в начале XX в. Тем самым В. И. Ленин хотел также подчеркнуть национально-освободительный характер войны Сербии против Австро-Венгрии. Эта мысль проводится и в других ленинских произведениях. «Национальный элемент в теперешней войне представлен *только* войной Сербии против Австрии...», — писал В. И. Ленин в работе „Крах II Интернационала“. — Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы „народных масс“ охватывающее национально-освободительное движение, „продолжением“ которого является война Сербии против Австрии»⁵⁴. Для Сербии, указывал В. И. Ленин в той же работе, ее война против Австрии является «продолжением политики буржуазно-освободительного движения»⁵⁵. В реферате «Пролетариат и война», прочитанном В. И. Лениным в Лозанне 1 (14) октября 1914 г., отмечалось, что из всех воюющих стран одни сербы борются еще за национальное существование⁵⁶. Будь эта война изолирована, говорил В. И. Ленин, т. е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и других держав Антанты, «тогда все социалисты *обязаны* были бы желать успеха сербской *буржуазии*»⁵⁷.

В письме к видной деятельнице революционного движения России А. М. Коллонтай В. И. Ленин писал: «Я считаю ошибочным теоретически и вредным практически *не* различать типов войн. Мы не можем быть против национально-освободительных войн. Вы берете пример — Сербии. Но будь сербы *одни* против Австрии, разве мы не были бы за сербов?»⁵⁸.

Летом 1916 г., когда Сербия была уже оккупирована, в работе «Итоги дискуссии о самоопределении», критикуя взгляды некоторых немецких и польских левых социал-демократов⁵⁹, которые начисто отвергали лозунг защиты отечества для эпохи империализма, В. И. Ленин указывал, что марксисты должны поддерживать всякое восстание против главного врага — буржуазии крупных государств, если это, разумеется, не восстание реакционных сил⁶⁰. «...Отрицать то, что аннектированная Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут свое „восстание“ против аннектировавшего

⁵² Там же, стр. 5.

⁵³ Там же, стр. 16.

⁵⁴ Там же, стр. 240—241.

⁵⁵ Там же, стр. 241.

⁵⁶ Там же, стр. 29.

⁵⁷ Там же, стр. 241.

⁵⁸ Там же, т. 49, стр. 118.

⁵⁹ Речь шла о представителях группы «Интернационал» — революционной организации, образованной в начале мировой войны К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Иогихесом (Тышка) и В. Пиком.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 30.

„защитой отечества“ и *назовут правильно*, едва ли кто решится»⁶¹, — писал В. И. Ленин.

Неоднократно отмечая справедливый характер борьбы Сербии против Австро-Венгрии, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что национальный момент (национальный элемент) сербско-австрийской войны носит «побочный характер», имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны. Он не раз напоминал, что Сербия являлась союзницей Антанты, следовательно, ее участие в войне нельзя рассматривать в отрыве от политики империалистических кругов держав Тройственного соглашения. В статье, посвященной разбору брошюры Юниуса (Р. Люксембург) «Кризис социал-демократии», В. И. Ленин, в частности, писал: «Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние „империалистической обстановки“ в данной войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, „за сербским национализмом стоит русский империализм“...»⁶².

Державы Антанты, торжественно провозгласив одной из своих задач в войне защиту Сербии, на деле использовали Сербию, как и другие югославянские земли, в качестве разменной монеты при расчетах с другими империалистическими хищниками. И на эту сторону вопроса обращал внимание В. И. Ленин. «Тройственное согласие, — писал В. И. Ленин, — „освобождая“ Сербию, *продает* интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии»⁶³.

Следует отметить, что и сербские социалисты, о чем свидетельствуют некоторые документы⁶⁴, при определении позиции своей партии учитывали подчиненное значение австро-сербского конфликта в мировой империалистической войне, захватнические цели, преследуемые Антантой, а также антинародную сущность политики «своего» правительства.

Способность социалистов Сербии противостоять натиску буржуазного шовинизма, сохранить верность решениям международных социалистических форумов и с первых дней войны стать на классовые антивоенные позиции была высоко оценена В. И. Лениным. В своей речи на реферате Г. В. Плеханова «Об отношении социалистов к войне» 23 сентября (11 октября) 1914 г. В. И. Ленин говорил: «Только тогда социал-демократы исполняют свой долг, когда борются с шовинистическим угаром своей страны. И лучшим примером этого выполненного долга являются сербские социал-демократы»⁶⁵.

В. И. Ленин считал выработку правильной позиции по отношению к той или иной войне делом весьма сложным и всячески предостерегал от поспешных выводов и легковесных решений, оторванных от реальной действительности. Он учил, что к выяснению характера войны необходимо подходить исторически, анализировать конкретную обстановку данной войны, объективные условия, соотношение классовых сил в отдельных странах. «Нужно оставить эту войну, — указывал В. И. Ленин, — в ту историческую обстановку, в которой она происходит, и только тогда можно определить свое к ней отношение»⁶⁶. Блестящим образцом марксистского, диалектического подхода к оценке Балканских войн и первой мировой войны являются труды В. И. Ленина.

⁶¹ Там же, стр. 29.

⁶² Там же, стр. 4—5.

⁶³ Там же, т. 26, стр. 241.

⁶⁴ См., например, письма и статьи Д. Поповича, опубликованные в сборнике «Српски социјалистички покрет за време првог светског рата» (Београд, 1958), доклад Т. Кацлеровича Международной социалистической комиссии (Т. K a t z l e r o w i t c h. Bericht aus Serbien. «ISK zu Bern. Bulletin», № 4, 22 IV 1916) и другие материалы.

⁶⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 25.

⁶⁶ Там же, стр. 27.

Г. М. СЛАВИН

ОБ ОСВЕЩЕНИИ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ, БОРЬБЫ В ЮГОСЛАВИИ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТЬЮ (1941—1942 гг.)

Советская печать в годы Великой Отечественной войны обстоятельно освещала антифашистскую борьбу народов Югославии. Поэтому советская пресса может служить одним из источников для изучения народно-освободительного движения, во главе которого стояла Коммунистическая партия Югославии. Несмотря на недостаточную иногда информацию, на неизбежные в условиях военного времени погрешности, газеты и журналы СССР в целом правильно отображали ход народно-освободительной войны и революции, приведшей к победе над фашизмом и реакцией и созданию новой, Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Братское, проникнутое духом пролетарского интернационализма отношение советской общественности к освободительной борьбе народов Югославии против фашистских оккупантов и их пособников охарактеризовано в ряде работ, вышедших в СССР и Югославии¹. Здесь автор хотел бы показать, как в советской прессе освещалась народно-освободительная борьба в Хорватии в 1941—1942 гг.

Известно, что сразу же после нападения на Югославию фашистские державы приступили к осуществлению плана ее ликвидации как самостоятельного государства. Составной частью этого плана было провозглашение так называемого «Независимого государства Хорватии».

Советский Союз осудил раздел Югославии. По поводу появления «Независимого государства Хорватии» заместитель народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовский на пресс-конференции в Москве заявил, что захватчики создали это марионеточное государство, преследуя собственные интересы, что Анте Павелич является слугой двух господ — Гитлера и Муссолини².

В советской прессе неоднократно подчеркивалось, что раздел Югославии — разбойничий акт. «Фашистские мясники раскромсали живое тело Югославии», — писали «Известия»³. В вышедшей в июле 1941 г. брошюре

¹ «История Югославии», т. II. Москва, 1963; V. V. Zelenjin. Odnos sovjetske javnosti prema narodno-oslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma (1941—1942). В сб. «Prvo zasjedanje AVNOJA». Bihać, 1966; Г. М. Славин. Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии. «Советское славяноведение», 1969, № 3; Л. Я. Гибанский, В. В. Зеленин. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945). «Советское славяноведение», 1970, № 6; Г. М. Славин. Совјетска јавност и народни устанак у Југославији 1941 године. В сб. «Устанак у Југославији 1941 и Европа», Београд, 1973.

² «Труд», 1941, 29 августа.

³ «Известия», 1941, 30 июля.

З. Липатова указывалось, что хорватский народ по существу не участвовал в образовании «Хорватского государства», и так пазываемая «независимость» Хорватии — фикция. «...Хорватия — вассальное государство, угнетаемое фашистскими завоевателями. Хорватский народ находился под гнетом двойной эксплуатации и террора — своих собственных фашистов и гитлеровцев»⁴. Автор отмечал, что усташи — хорватские фашисты — выслуживались перед гитлеровцами, проповедуя ненависть к сербскому населению, чиня над ним кровавую расправу. Вместе с тем автор показал, что иноземные захватчики не достигли своей цели — результатом их политики было сплочение живущих под фашистским ярмом хорватов и сербов⁵. В брошюре говорилось и о судьбе Далмации. После заключенного в мае 1941 г. соглашения между Муссолини и Павеличем значительная часть Далмации и Адриатического побережья с портами Котор и Сплит оказалась в руках Италии. Подписанное Павеличем соглашение расценивалось как предательство интересов хорватского народа⁶. О прочих территориальных захватах, учиненных Германией, Италией и их сателлитами, автор писал: «Фашистский раздел Югославии является гнуснейшим издевательством над национальными стремлениями народов Югославии. Расчленение этой страны по произволу банды преступников представляет собой акт чудовищного национального угнетения и экономического ограбления»⁷.

Можно привести еще ряд выступлений советской печати, а также общественных деятелей СССР, свидетельствовавших о глубоком возмущении советских людей, которое вызвал раздел Югославии фашистами. Известный историк, акад. Н. С. Державин, отметив, что фашисты ведут войну, рассчитанную на захват чужих территорий и порабощение других народов, говорил: «Вопреки антиславянской человеконенавистнической агитации советская наука со всей убедительностью доказала, что славянские народы на занимаемой ими сейчас европейской территории не какие-нибудь пришельцы, а древнейшее население, искони занимавшее эти территории»⁸.

Разделив Югославию, фашистские оккупанты и их пособники установили в стране так называемый «новый порядок». Советские газеты и журналы публиковали информацию, показывавшую, что собой представлял этот «порядок» в Югославии вообще и в Хорватии в частности. Сообщались факты, свидетельствовавшие о зверствах усташей, о гибели от их рук десятков тысяч ни в чем не повинных людей, о введении системы заложников⁹. При этом советская печать отмечала, что, хотя Павелич и его клика обязались поставлять солдат на Восточный фронт, хорватский народ был против антисоветской политики фашистских правителей.

«В стране царит массовый политический террор, — так описывали положение в Хорватии „Известия“. — Тюрьмы переполнены. Ежедневно усташи расправляются с десятками сербов и хорватов, подозреваемых в сочувствии к СССР...»¹⁰. О большой симпатии хорватского народа к СССР говорилось в заметках, опубликованных 23 июля и 18 августа 1941 г в «Правде».

⁴ З. Л и п а т о в. Растерзанная и разграбленная Югославия. М., 1941, стр. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 16.

⁸ Акад. Н. С. Д е р ж а в и н. Фашизм — злейший враг славянства. М., 1942, стр. 42.

⁹ «Красная звезда», 1941, 19 июля, 27 сентября, 14, 30 октября.

¹⁰ «Известия», 1941, 19 июля.

Среди сообщений из Югославии, помещенных в советской прессе 1941 г., значительное место занимали известия об антифашистской борьбе хорватского народа. Вооруженное восстание в Хорватии началось в Лике 27 июля 1941 г. и вскоре распространилось на ряд других районов. К партизанам Лики присоединились патриоты из Далмации, Кордуна, Бании и других областей Хорватии. В те дни в советских газетах появились сообщения, озаглавленные «Партизанское движение в Хорватии»¹¹. В них говорилось о том, что во многих районах Хорватии действуют отряды партизан, с которыми очень трудно бороться, так как они опираются на помощь населения¹².

Сведения об ударах, которые наносили общему врагу югославские партизаны, в частности, хорватские, регулярно появлялись в сообщениях Советского Информбюро. Так, например, Совинформбюро сообщило 21 сентября 1941 г. о партизанской диверсии в порту Дубровник¹³. О партизанской борьбе хорватов против чужеземных поработителей писал журнал «Большевик»¹⁴.

Одним из важных источников информации о народно-освободительной борьбе, разгоравшейся во всех краях Югославии, были Всеславянские митинги. На первом Всеславянском митинге в Москве (10—11 августа 1941 г.) хорватский народ представлял Джуро Салай, видный деятель Коммунистической партии Югославии. Он заявил в своем выступлении, что хорватский народ питает глубокое чувство солидарности с великим советским народом в борьбе против гитлеровских орд. Джуро Салай охарактеризовал положение в Хорватии, сказал, что тысячи лучших сынов хорватского народа брошены в концентрационные лагеря, сотни отважнейших бойцов расстреляны. Свободолюбивый хорватский народ, — подчеркнул Д. Салай, — не потерпит гитлеровского гнета. Тысячи храбрых бойцов хорватов находятся в партизанских отрядах¹⁵.

Д. Салай и другие представители народов Югославии вели активную работу в созданном в Москве Всеславянском комитете. Следует особо отметить роль, которую он сыграл в ознакомлении советской общественности, а также общественности стран антигитлеровской коалиции с боевой деятельностью югославских партизан. Статьи Д. Салая публиковались в советской и зарубежной прогрессивной печати, он выступал перед микрофоном московского радио, а также по радио «Свободная Югославия».

Коммунистическая партия Югославии использовала в своей пропагандистской деятельности опубликованные в советской прессе материалы Всеславянского митинга. И. Броз Тито 17 августа 1941 г. рекомендовал деятелям Коммунистической партии Хорватии Р. Кончару и В. Поповичу размножить Обращение митинга многотысячным тиражом¹⁶. 4 сентября 1941 г. Тито снова пишет Р. Кончару и В. Поповичу о необходимости шире использовать материалы Всеславянского митинга в партизанской пропаганде, связывая вопрос об антифашистском единстве с борьбой за братство и единство народов Югославии.

Давая оценку статье, напечатанной в органе Коммунистической партии Хорватии газете «Виесник», генеральный секретарь КПЮ указывал: «В „Виеснике“ нужно больше популяризовать Всеславянский митинг

¹¹ «Правда», 1941, 14 августа, 5 сентября.

¹² «Известия», 1941, 3, 11 сентября.

¹³ «Сообщения Советского Информбюро», т. 1. М., 1944, стр. 270.

¹⁴ «Большевик», 1941, № 17, стр. 7.

¹⁵ «Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на Всеславянском митинге». М., 1941, стр. 32.

¹⁶ «Зборник докумената и података о народно-ослободилачком рату југословенских народа», т. II, књ. 2. Београд, 1949, стр. 9.

в Москве и необходимость укрепления братства и связей между всеми славянами, а особенно братское единство сербов, хорватов и словенцев в борьбе против оккупантов. Не следует ни на минуту переставать писать о том, как немецкие и итальянские фашисты всеми силами стремятся к тому, чтобы все южные славяне сами истребили друг друга, как направляют их друг на друга»¹⁷.

Интересно отметить, что в московских газетах появилась информация об откликах в Хорватии на Обращение Всеславянского митинга, о размножении этого Обращения в подпольных типографиях¹⁸.

Осенью 1941 г. народно-освободительная борьба в Хорватии продолжала развиваться — в одних районах интенсивней, в других — медленней.

Все более широкие размеры приобретали саботаж, диверсии и другие антифашистские акции. Особенно активно выступали коммунисты и скоевцы (комсомольцы) Загреба. «Репрессии не могут сломить волю хорватского народа, не могут заставить его отказаться от борьбы с итальянскими оккупантами и хорватскими предателями», — писала «Красная звезда»¹⁹.

Об антифашистской деятельности хорватских патриотов мы находим сведения в брошюре И. Влаховича²⁰. В ней подчеркивалось, что хорватский народ, столетиями борющийся против иноземных поработителей, не имеет ничего общего с фашистскими прихвостнями — Павеличем, Будаком, Кватерником, Лорковичем. Автор говорил о смелых и эффективных действиях хорватских партизан: взрывах железнодорожных и шоссежных мостов, узлов связи, нападениях на гитлеровцев и усташей.

О точности информации, содержащейся в брошюре, можно судить по следующим фактам: в ней упоминалось о том, что 14 сентября 1941 г. хорватские партизаны устроили взрыв в здании Загребской почты и телеграфа, 30 сентября 1941 г. на улице Звонимира в Загребе совершили вооруженное нападение на германских летчиков. В городе Сплит далматинские партизаны бросили гранаты в отряд оккупантов. Фашистские палачи в отместку расстреляли в Сплите и Шибенике заложников²¹. Теперь, спустя 30 с лишним лет, мы находим упоминание об этих же фактах на страницах научного издания «Хронология народно-освободительной борьбы в Югославии»²².

Уже во второй половине 1941 г. хорватские партизаны, несмотря на многочисленные трудности и неравномерный охват восстанием отдельных краев и районов, сумели нанести серьезные удары усташскому режиму Павелича. Значительная часть Хорватии к югу от Савы и Купы находилась под контролем партизанских отрядов, а в освобожденных районах Лики, Кордуна и Бани действовали народно-освободительные комитеты. В Далмации, Хорватском приморье, Горском которе и Славонии партизанские отряды, ударные и боевые группы становились все более многочисленными. Газета «Правда», отмечая, что оккупация Далмации итальянскими войсками вызвала негодование хорватского народа, сообщала о росте рядов хорватских партизан, о сопротивлении далматинцев, о чрезвычайных мерах оккупантов в Далмации²³.

Разгром фашистских армий под Москвой зимой 1941—1942 гг. и переход советских войск в наступление вызвали искреннюю радость и воодушевление у югославских партизан, способствовали развитию народно-

¹⁷ Архив за раднички pokret Jugoslavije. Ст. сигн., 1774/II 1—26/41.

¹⁸ «Известия», 1941, 16 августа.

¹⁹ «Красная звезда», 1941, 19 сентября.

²⁰ И. В л а х о в и ч. Югославия в огне партизанской войны. М., 1942.

²¹ Там же, стр. 30—31.

²² «Hronologija oslobodilačke borbe naroda Jugoslavije». Beograd, 1964, s. 105, 106.

²³ «Правда». 1941, 17, 19 сентября.

освободительного движения. Несмотря на слабое вооружение и большую нужду в самом необходимом для ведения боевых действий, героические югославские партизаны смело вступали в бой с врагами по всей стране.

В первой половине 1942 г. усилилась народно-освободительная борьба в Хорватии. Боевые действия в Лике и Кордуне привели к расширению освобожденной территории, создали предпосылки для объединения с освобожденной территорией в Боснийской крайне. В партизанские отряды пришло новое пополнение. Увеличилось число партизанских отрядов в Далмации, активную борьбу с фашистами и их пособниками вели партизаны Славонии, Горского котора, Хорватского приморья.

Газета «Правда» регулярно публиковала информацию, а также обзорные статьи о положении в Югославии. 16 марта 1942 г. «Правда» отмечала, что в Югославии идет упорная и ожесточенная борьба против немецких и итальянских захватчиков, что тысячи сербов, черногорцев, хорватов, словенцев присоединились к партизанам. В «Правде» в статье «Югославия в огне партизанской войны» говорилось о больших трудностях, которые приходилось преодолевать народно-освободительному движению, и подчеркивалось, что, несмотря на это, партизаны Югославии одерживают победы над вооруженным до зубов врагом. Среди доблестных партизан Югославии в статье назывались и хорватские партизаны. «В Хорватии партизанское движение также неуклонно растет, несмотря на отчаянные попытки Павелича удержать хорватский народ от участия в партизанском движении»²⁴.

Оценивая ситуацию на далматинском побережье Хорватии, руководитель итальянских коммунистов П. Тольятти писал, что в захваченных областях быстро развивалось партизанское движение, превратившееся в «весьма опасный для фашистского господства центр открытой вооруженной борьбы против фашистских оккупантов»²⁵.

Успехи народно-освободительного движения в Югославии, в частности, в Хорватии, были отмечены на Втором Всеславянском митинге²⁶. Из выступления на митинге Дж. Салая явствовало, что за год, минувший со времени фашистской оккупации Югославии, захватчикам не удалось заставить ее народы покориться. Несмотря на жестокий террор, на попытки посеять национальную вражду, хорватский народ становился в ряды борцов против поработителей. Дж. Салай призвал хорватов пополнять партизанские отряды, усиливать борьбу против захватчиков, устраивать диверсии, уничтожать коммуникации врага, превратить партизанскую войну во всепародную войну против фашистских оккупантов²⁷.

Материалы Второго Всеславянского митинга, и среди них речь Дж. Салая, были опубликованы в советских газетах, переданы по радио, переведены на иностранные языки и отправлены в Соединенные Штаты, Англию, Австралию, латино-американские и другие страны²⁸. Это способствовало распространению правды о героической партизанской борьбе народов Югославии, и среди них хорватского народа, во всем мире.

В ходе Великой Отечественной войны и освободительной войны в Югославии дружба между братскими народами обеих стран крепла. Сокрушительные удары Красной Армии по немецко-фашистским полчищам сыграли немалую роль в активизации партизанской войны Югославии, — писал в июле 1942 г. журнал «Славяне». — Чем сильнее бьет Красная Армия

²⁴ «Правда», 1942, 23 марта.

²⁵ «Коммунистический интернационал». М., 1942, № 1—2, стр. 35.

²⁶ «Второй Всеславянский митинг в Москве 4 апреля 1942 г.». М., 1942, стр. 11.

²⁷ Там же, стр. 43.

²⁸ Центральный Государственный архив Октябрьской революции, ф. 6646, оп. 1, ед. хр. 1, л. 39; ед. хр. 4, л. 44.

немецких захватчиков, тем сильнее и энергичнее выступают югославские партизаны. Партизаны Югославии считают своим священным долгом помогать своему родному брату — доблестной Красной Армии²⁹.

Боевые действия югославских партизан, как уже упоминалось, находили систематическое отражение в сообщениях Советского Информбюро. Например, в сводке от 2 мая 1942 г. говорилось о нападении партизанского отряда на полевой итальянский аэродром³⁰.

Следует иметь в виду, что лаконичные сообщения Советского Информбюро должны были охватывать события на огромном фронте, и право на несколько строк в этих сводках приобретали только самые отважные борцы.

Советская печать знакомила с героями освободительной войны в Югославии. Сведения о них поступали в Москву от Верховного штаба народно-освободительной партизанской армии. На страницах газет и журналов упоминались югославские герои, отличившиеся в боях с фашистскими оккупантами — Пеко Дапчевич, Миле Перуничич, Джоко Павичевич, Владо Зечевич, Сава Орович и многие другие. Особенно популярным было имя Косты Наджа. Журнал «Славяне» писал в августе 1942 г., что Константин Надь (так тогда транскрибировали по-русски эту фамилию. — Г. С.) — в прошлом воин югославской армии, капитан испанской республиканской армии, раненный в боях в Испании, «является грозой для итальянских оккупантов и павеличевских бандитов-ушастей. Константин Надь является командиром крупного соединения народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии в Западной Боснии. Многие села, города и районы очистил Константин Надь от ига оккупантов»³¹.

Советская общественность знала также и о тяжелых жертвах, которые народы Югославии приносили на алтарь победы. Были опубликованы сообщения о том, что ушасты казнили выдающихся борцов за свободу Отокара Кершовани, Огнена Прицу и многих других патриотов³². Стало известно, что от рук фашистских палачей погиб секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Хорватии Раде Кончар³³.

После серьезных испытаний, которым партизанская армия подверглась в первой половине 1942 г., группа пролетарских и ударных бригад во главе с Верховным штабом прорвалась в Западную Боснию. Этот прорыв ускорил дальнейшее развитие освободительной борьбы в Хорватии. Был освобожден ряд городов и сел. Сложились условия для связи свободных территорий Лики, Кордуна и Бани с Боснийской Краиной, Западной и Центральной Боснией. Создавались новые партизанские соединения в Далмации. «Приморские партизаны не дают итальянцам укрепляться на югославской земле», — говорилось в журнале «Коммунистический Интернационал»³⁴. «Итальянские фашисты напуганы ростом партизанского движения в Югославии», — писала «Красная звезда»³⁵.

За наступлением партизанских сил в Боснии, Герцеговине, Далмации, Хорватии пресса следила очень внимательно. «Операции отрядов партизанской и добровольческой армий развиваются успешно, — писал журнал „Славяне“. — После занятия Коница, после крупных успехов, которые партизаны имели между городами Сараевом и Мостаром, теперь достигнуты новые успехи: герцеговинские партизаны заняли город Любушки, а

²⁹ «Славяне», 1942, № 1, стр. 38.

³⁰ «Сообщения Советского Информбюро», т. 2, стр. 263.

³¹ «Славяне», 1942, № 3, стр. 35.

³² «Известия», 1941, 22 августа.

³³ И. В л а х о в и ч. Там же, стр. 45.

³⁴ «Коммунистический Интернационал», 1942, № 7, стр. 58.

³⁵ «Красная звезда», 1942, 15 июля.

партизанские батальоны Боснийской Краины во время успешного ночного удара — город Приедор»³⁶.

Журнал подчеркивал, что население Боснии и Герцеговины оказывает всемерную помощь партизанским частям и помогает очищать деревни и города от оккупантов, усташских и четнических изменников. «Красная звезда» сообщала о жестоких боях между итальянскими оккупационными войсками и партизанскими отрядами в Далмации, в районе Плитвицких озер и в Лике³⁷.

Летом и осенью 1942 г. на Восточном фронте развернулись ожесточенные сражения. Используя отсутствие второго фронта в Европе, фашистское командование сосредоточило на юге СССР огромные силы и стремилось прорваться к Волге, к Сталинграду. В этих условиях активизация партизанских действий в Югославии связывала находившиеся там оккупационные войска, мешала переброске дополнительных немецких и итальянских дивизий на Восток. «Правда» регулярно сообщала о партизанских боях в Югославии, напечатала карту, на которой были обозначены районы действия партизанских частей³⁸.

Особого внимания заслуживает летнее наступление югославской партизанской армии, — подчеркивал профессор В. Т. Дитякин в статье «Борьба югославских партизан против итало-фашистских захватчиков», опубликованной в сентябре 1942 г.³⁹ В советской прессе было отмечено, какое влияние оказывала самоотверженная борьба югославских партизан на союзника Германии — Италию. Приводилось заявление фашистского офицера «Джорнале д'Италия» от 20 августа 1942 г., который с нескрываемой тревогой писал о том, что действия югославских партизан ставят под вопрос итальянское господство в оккупированных областях Югославии. Советская печать сообщала в то время об освобождении ряда далматинских городов, о диверсиях на железных дорогах, а также на путях, ведущих к побережью Адриатики.

Стремясь не допустить дальнейшего роста народно-освободительного движения, в частности в Далмации, фашистские войска уничтожали партизанские села, расстреливали и вешали патриотов, с помощью зверского террора пытались «умиротворить» непокорных. В прессе этого времени мы находим сообщения о зверствах и преступлениях фашистских оккупантов в городе Ливно, в районах Риеки и Сплита, Дувно и Имотски⁴⁰.

Но ничто не могло сломить боевой дух югославских патриотов. Оценивая значение их борьбы, журнал «Славяне» писал: «Слава югославским партизанам, которые, несмотря ни на что, ни на какие пытки и мучения, делают свое большое, историческое дело, вносят свой громадный вклад в великое дело разгрома фашизма»⁴¹.

К осени 1942 г. в результате освободительной борьбы народов Югославии были очищены от врага значительные территории, партизанские силы выросли. Продолжались успешные боевые действия в ряде районов Хорватии и Далмации. «Массовые сражения разгораются с врагами в прекрасных хорватских городах и богатых лесах, в полях и деревнях, на берегах рек и пристанях Адриатики... Хорватские крестьяне, рабочие и интеллигенты во главе с храбрым сыном Лики — Рукавиной — уничтожают итальянских оккупантов и павеличевских бандитов»⁴².

³⁶ «Славяне», 1942, № 3, стр. 58.

³⁷ «Красная звезда», 1942, 23, 26 июля.

³⁸ «Правда», 1942, 8 августа.

³⁹ «Славяне», 1942, № 4, стр. 18.

⁴⁰ «Красная звезда», 1942, 20 октября.

⁴¹ «Славяне», 1942, № 4, стр. 20.

⁴² Там же, № 5—6, стр. 51.

«В условиях непрерывной, тяжелой и неравной борьбы, которую мы ведем сейчас с оккупантами и их прислужниками в Югославии, — говорится в приветствии югославских партизан по поводу 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, адресованном командованию Красной Армии, — мы с напряженным вниманием следим за героической борьбой Красной Армии и всего советского народа... Постараемся задержать здесь как можно больше вражеских дивизий и уничтожить живую силу врага»⁴³. Такое же мужественное обязательство брали на себя хорватские партизаны, которые тогда же, в ноябре 1942 г., писали: «Хорватский народ и его партизанская армия вместе с героической Красной Армией будут продолжать беспощадную борьбу против фашистских оккупантов и всех их прислужников до окончательного их уничтожения, до полного освобождения всех народов от фашистского рабства»⁴⁴.

Эти обязательства подкреплялись боевыми делами. «Правда» и другие газеты писали о беззаветно храброй борьбе югославских патриотов за освобождение родины от чужеземного фашистского ига.

Народы Югославии боролись не только за национальную независимость, но и за повый, справедливый социальный порядок, за освобождение трудящихся от эксплуатации. В борьбе за эти цели под руководством Коммунистической партии Югославии они сумели добиться единства. Как отмечал впоследствии И. Броз Тито, на платформе борьбы против всех оккупантов, за братство и единство, за национальное освобождение и общественное преобразование народно-освободительное движение в ходе войны объединило и активизировало широчайшие народные массы — рабочий класс, миллионное крестьянство, молодежь и народную интеллигенцию, все трудовые и патриотические слои общества⁴⁵.

В конце ноября 1942 г. в освобожденном городе Бихаче собралась первая сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии. В советской печати было отмечено, что одна из основных задач АВНОЮ — дальнейшее укрепление единства усилий народов Югославии для достижения конечной цели — освобождения Югославии от захватчиков и создания свободного, независимого государства на основе братства и дружбы народов. Образование АВНОЮ способствовало дальнейшему развертыванию народно-освободительной борьбы во всех краях Югославии, в том числе в Хорватии. В статье «Усиливается борьба хорватского народа против оккупантов» отмечалось, что последние события на Восточном фронте, победы Красной Армии нашли живейший отклик среди хорватских партизан, усиливших свои удары по врагу. При этом приводились данные о большом ущербе в живой силе и технике, который понесли в боях с партизанами фашистские оккупанты и их пособники — усташи и четники⁴⁶. Журнал «Коммунистический Интернационал» отмечал серьезные успехи далматинских партизан. «Они держат под постоянными ударами дороги, ведущие от Сплита в глубь страны, и нередко завязывают здесь крупные бои с итальянскими частями. Все попытки ликвидировать партизанские отряды на побережье оказались безуспешными»⁴⁷.

К концу 1942 г. в Хорватии действовало 18 бригад и 4 дивизии, около 10 партизанских отрядов и батальонов и значительное число небольших партизанских групп⁴⁸.

⁴³ Там же, № 7, стр. 34.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Политика», 1973, 1 XII.

⁴⁶ «Славяне», 1943, № 1, стр. 55.

⁴⁷ «Коммунистический Интернационал», 1943, № 1, стр. 65.

⁴⁸ «Komunistički pokret i socijalistička revolucija u Hrvatskoj». Zagreb, 1969, s. 231.

В 1942 г. Красная Армия разгромила среди прочих так называемые «легионерские» соединения, которые фашистское командование и Павелич посылали на Восточный фронт⁴⁹. В то же время хорватские партизаны наносили мощные удары оккупационным войскам и их пособникам. В этой обстановке гитлеровское командование вынуждено было отказаться от посылки «легионеров» на Восточный фронт.

Усташская пропаганда в 1942 г. распространяла лживые утверждения о том, что рост партизанского движения в Хорватии якобы вызван притоком в его ряды «нехорватских элементов». Разоблачая эту выдумку, журнал «Славяне» подчеркивал, что хорватский народ не поверил фашистской демагогии и не испугался фашистских угроз, что ряды партизан растут именно за счет коренного хорватского населения, ненавидящего павеличевскую клику⁵⁰. Московские газеты сообщали, что усташки жестоко преследуют хорватскую интеллигенцию, которая враждебно относится к режиму⁵¹.

Зимой 1942/43 г. фашистское командование начало новую крупную операцию против партизанских сил, известную под названием «Четвертое вражеское наступление». В Хорватии военные действия развернулись на территории Лики, Кордуна и Бании. Партизанские войска мужественно сражались против превосходящих сил противника, нанося ему серьезный урон, отстаивая и расширяя освобожденные территории. Во время наступления противника партизаны Хорватии стремились прервать его коммуникации. В Москву поступали и становились достоянием общественности сведения о диверсиях на железной дороге Белград — Загреб, о боях вдоль линии Сараево — Мостар, о военных действиях на побережье Адриатики⁵².

Журнал «Большевик», констатируя неудачу очередного крупного наступления оккупантов в Югославии, называл Восточную Хорватию и Далмацию, Западную Боснию и Герцеговину «партизанскими краями»⁵³. Отмечая провал фашистского похода против партизан Югославии, журнал «Коммунистический Интернационал» писал: «Народно-освободительная армия еще раз доказала, что она прочно закрепила свои позиции в стране»⁵⁴.

Подводя итоги борьбы на фронтах второй мировой войны в 1942 г., советская общественность выражала уверенность в том, что югославский народ, борющийся за свою свободу и независимость, нанесет новые мощные удары по фашистским захватчикам⁵⁵.

⁴⁹ «Правда», 1942, 19 октября.

⁵⁰ «Славяне», 1943, № 1, стр. 88.

⁵¹ «Труд», 1943, 17 февраля.

⁵² «Славяне», 1943, № 4, стр. 41.

⁵³ «Большевик», 1943, № 7—8, стр. 59.

⁵⁴ «Коммунистический Интернационал», 1943, № 4, стр. 43.

⁵⁵ «Правда», 1942, 31 декабря.

М. Н. ЧЕРНЫХ

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ О ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

В последнее время вышло немало работ, посвященных жизни и деятельности Ю. Мархлевского¹. Однако в них все еще недостаточно освещены взгляды этого выдающегося деятеля польского и международного революционного движения на ряд коренных проблем периода после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В частности, в этих работах не представлена точка зрения Ю. Мархлевского по такому вопросу, как значение Октябрьской революции для восстановления независимости Польши. Вместе с тем, вышедшие в Советской России труды польского революционера позволяют говорить о наличии у него продуманной концепции по этому вопросу. Ее рассмотрение со многих точек зрения представляет несомненный интерес.

Эта концепция прежде всего отражает взгляды Ю. Мархлевского на важную в научном и политическом отношении проблему, касающуюся основных причин восстановления польского государства в конце второго десятилетия XX в. Она лежала в основе его активных выступлений в печати и дипломатических действий, связанных с советско-польскими отношениями, определяла его позицию в вопросе о национальной независимости Польши в условиях капитализма, а также его отношение к ленинской постановке и решению национального вопроса применительно к Польше.

При знакомстве с публицистикой других польских революционеров в период первых лет существования вновь воссозданного польского государства обращает на себя внимание тот факт, что в ней первоначально не поднимался вопрос о причинах восстановления независимости Польши, а позднее, начиная, главным образом с 1920 г., когда польские имущие классы выступили против Советской России, угрожая ее революционным завоеваниям, получил трактовку в самой общей форме². Хотя главным и решающим фактором в деле возрождения Польши и назывались революции в России и Германии, однако, мы не встречаем развернутого обо-

¹ Н. Schumacher, F. Tych, J. Marchlewski. Warszawa, 1966; В. Неволина, И. Яжборовская. Ю. Мархлевский. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5; J. Marchlewski. W 100 rocznicę urodzin. Materiały sesji naukowej. Warszawa, 1966; X. Шумахер, Ф. Тых. Ю. Мархлевский. М., 1969; Julian Marchlewski. Ludzie, czasy, idee. Przedmowa N. Michty. Warszawa, 1973.

² См. А. Волинский. Польские политические партии и образование Польского государства. М., 1920; S. Budzyski. Współczesna «Niepodległa» Polska. М., 1920; E. Brand, H. Waletski. Le communisme en Pologne. Trois ans de combats à l'avant-garde. Paris, 1922.

снования этого тезиса, а также дифференцированного подхода к определению значения каждой из этих революций.

Как известно, Октябрьская революция в России была восторженно принята польскими социал-демократами. Что же послужило препятствием для разработки вопроса о значении Октябрьской революции для возрождения Польши? Ответ на него можно получить, если выяснить, каково было отношение польских коммунистов к провозглашению независимости Польши. Опубликованные в этот период статьи показывают, что они встретили это событие, как факт, противоречащий историческому развитию общества. Свою точку зрения они обосновывали тем, что образование новых капиталистических государств происходит «в эпоху создания социалистического хозяйства», когда «империализм, конкуренция и борьба между капиталистическими странами находятся на пути к полному исчезновению»³. Они считали, что условия для восстановления польского государства, сложившиеся к ноябрю 1918 г., представляли собой чрезвычайно благоприятную в политическом отношении «оказию», «но исторически она появилась слишком поздно»⁴. Это означало, что они видели в социальной революции единственное средство для полного уничтожения не только классового, но и национального гнета⁵. Эти выступления свидетельствовали о том, что польские революционеры в большинстве своем продолжали придерживаться тех установок, которые они выдвигали, отстаивая тезис о неосуществимости самоопределения наций при капитализме в спорах по национальному вопросу с большевиками.

Как известно, В. И. Ленин во многих своих работах, начиная с 1903 г., подверг всестороннему анализу это ошибочное положение, видя в нем «теоретическую базу всего спора»⁶. Он убедительно доказал, что вопрос о независимости страны должен рассматриваться как элемент политической демократии, которая способствует развитию классовой борьбы, и отношение к нему должно определяться интересами последней⁷. Он также отмечал, что при определенных обстоятельствах возможно выдвижение национального вопроса на авансцену политической борьбы, что при известных комбинациях и польская буржуазия может стать на сторону независимости⁸. В работе «Итоги дискуссии о самоопределении», написанной в 1916 г., говорилось о том, что революция в России и Германии может привести к национальному освобождению Польши⁹.

Однако процесс преодоления польскими революционерами ошибок в национальном вопросе потребовал длительного времени, в масштабах партии он завершился к 1923 г., когда состоялся II съезд КРПП. В рассматриваемый период польские коммунисты были еще склонны считать, что у польского буржуазного государства отсутствуют исторические перспективы для существования. Убежденность в правоте такой позиции укреплялась также и верой в неизбежность победы мировой революции. Думается, что именно такого рода отношение к польскому государству привело к тому, что польская революционная публицистика не уделила должного внимания проблеме значения Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши. То,

³ «Trybuna», № 225 (253), 24 XI 1918.

⁴ Ibid.

⁵ См. T. R a d w a ń s k i. Sprawa polska w świetle nauk Róży Luksemburg. Moskwa — Kijów — Smoleńsk, 1920; R. L u k s e m b u r g. Krok za krokiem. Przyczynek do historii klas burżuazyjnych w Polsce. Z przedmową S. Bolińskiego. Moskwa — Kijów — Smoleńsk, 1921.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 23.

⁷ В. И. Ленин. Там же, т. 27, стр. 252—266.

⁸ В. И. Ленин. Там же, т. 7, стр. 238—239.

⁹ В. И. Ленин. Там же, т. 30, стр. 48.

что эти вопросы находятся в непосредственной связи убедительно подтверждают труды Ю. Мархлевского.

Спустя два месяца после образования самостоятельного польского государства Ю. Мархлевский опубликовал статью «Будущее Польши в экономическом отношении»¹⁰. Ее первая фраза: «Польша сейчас свободна от чужеземного ига и останется свободной» несет, на наш взгляд, большую, принципиально важную смысловую нагрузку. Содержащаяся в ней констатация факта об освобождении Польши и утверждение, что она останется свободной, свидетельствуют о признании Ю. Мархлевским восстановления независимости Польши в условиях капитализма. Это означает, что он относился к национальной независимости и социальному освобождению польского народа как к событиям, при определенных условиях разделимым во времени, т. е. что национальное освобождение может предшествовать социальному. В свое время В. И. Ленин отмечал, что польские социал-демократы в силу глубоко неверного отрицания принципа самоопределения наций при капитализме и даже при социализме «ни о границах государства, ни даже вообще о государстве... думать не желают»¹¹. Ю. Мархлевский же ставит вопросы о границах польского государства и о возможностях его существования как самостоятельного организма в экономическом отношении. На основе демократических принципов он предложил такие границы Польши, которые почти полностью соответствуют современным. Рассматривая экономическое развитие трех частей Польши, находившихся под иноземным господством, Ю. Мархлевский показал, что они, несмотря на определенную специфику, обладают всеми данными для слияния их в единое целое. Говоря о необходимости сохранения экономических связей страны со своими соседями, а также участия в мировом хозяйстве, он тем самым разграничивал понятия о государственной самостоятельности и экономической зависимости¹².

Думается, что такая постановка вопроса явилась результатом прежде всего диалектического подхода к обобщению фактов конкретной действительности как в Польше, так и на международной арене к концу 1918 г., затем революционной практики Советской России, подтвердившей правоту ленинской теории по национальному вопросу и оказавшей заявлениями своего правительства в отношении Польши влияние на формирование взглядов по польскому вопросу, и наконец, прежних воззрений Ю. Мархлевского на принцип самоопределения наций, отличавшихся от общепринятой в СДКПиЛ точки зрения по этому вопросу, но никогда не противопоставлявшихся ей, как, между прочим, и в рассматриваемой статье.

Ю. Мархлевский говорит об объективных факторах, способствовавших восстановлению независимости Польши. В качестве важнейшего из них он выделил коренное изменение политики России по отношению к Польше, которое произошло в результате Великой Октябрьской социалистической революции: «Советская Россия отказалась от всякого насилия над народами и из принципа не может идти на завоевания. Даже если бы коммунистический строй в России рушился, то и тогда Россия, при каком бы то ни было строе, не будет в состоянии силой оружия поработить Польшу, Литву, Латвию. То же повторится по отношению к Австрии и Германии»¹³. Политика России изменилась не потому, что она была занята своими внутренними делами и не могла воспрепятствовать восстановле-

¹⁰ «Экономическая жизнь», 1919, 10 января.

¹¹ В. И. Ленин. Там же, т. 30, стр. 19.

¹² См. М. Н. Черных. Статьи Ю. Мархлевского о перспективах германской революции и польском вопросе. В кн. «Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения». М., 1968.

¹³ «Экономическая жизнь», 1919, 10 января.

нию Польши, а потому, что характер совершившейся в России революции был несовместим с насилием над другими народами.

Однако значение Октябрьской революции для Польши не исчерпывалось принципиальным изменением внешней политики России. Ю. Мархлевский отметил здесь и другой аспект этой проблемы. Благодаря революции международная обстановка настолько изменилась, что полностью исключался возврат к прошлому устройству Европы, т. е. к расчленению Польши, либо к подчинению ее другому государству.

В этой статье он первый из польских коммунистов сформулировал тезис о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши, считая его чрезвычайно важным для определения перспектив в развитии нового польского государства. Выдвижение этого тезиса свидетельствовало о поддержке Ю. Мархлевским национальной политики Советского правительства¹⁴.

Связь польских проблем с империалистической войной, роль мировой войны в восстановлении независимости Польши рассматриваются в брошюре «Польша и мировая революция»¹⁵.

Ю. Мархлевский осветил изменения в трактовке польского вопроса на трех этапах войны: в начале ее, во время оккупации Польши австро-венгерскими войсками и в период, связанный с русскими революциями. Постановка и решение польского вопроса во многом определялись взаимоотношениями между польскими политическими буржуазно-помещичьими партиями и правительствами трех империй, вступивших в войну.

Анализ событий показал, что в военных условиях ни одно из правительств не имело серьезной программы по восстановлению независимости Польши. Однако польские политические партии, за исключением СДКПиЛ и ППС-левицы, оказали им в войне полную поддержку и проявили к ним исключительную лояльность, в определенной мере забыв «про ненависть к чуждому игу».

Особое внимание автор уделит позиции пилсудчиков и партии Дашиньского, которые в первые дни войны с согласия австрийского Генерального штаба создали польский легион для борьбы с Россией, надеясь с его помощью поднять национальное восстание в русской части Польши. Ю. Мархлевский отметил внутреннюю противоречивость идеи формирования польских легионов для участия в войне на стороне Австрии, а по сути дела на стороне Германии. Противоречивость состояла в том, что полякам предлагалось связать свои надежды на освобождение со странами, которые уже зарекомендовали себя как закоренелые враги и угнетатели польской нации. Этой двойственностью Ю. Мархлевский объяснял слабый успех пропаганды среди польского населения в пользу легионов. Малочисленность легионов привела к тому, что они в военном отношении не имели почти никакого значения. Автор указал также на политическую бесперспективность и близорукость пилсудчиковской ориентации на Австрию. Война показала, что Австрия, более слабая по сравнению с Германией, не была способна самостоятельно осуществить на практике объединение даже двух частей Польши под скипетром Габсбургов. В результате выступления польских политических партий на стороне Австрии решение судьбы Польши находилось в руках явно ей враждебной Германии.

¹⁴ Однако ранее в противоположность Ю. Мархлевскому в польской социал-демократической печати раздавались голоса о том, что в задачу пролетариата не должно входить оживление национального движения ни там, где история еще не произвела его на свет, ни там, где оно уже изжило себя. В последнем случае имелись в виду национальности, населявшие территории с сильно развитым капиталистическим хозяйством. Именно к ним была отнесена Польша. См. «Трубуна», 24 II 1918.

¹⁵ «Польша и мировая революция». М., 1920. Статья под этим названием была опубликована еще в сентябре 1919 г. в журнале «Коммунистический Интернационал».

Выявив характерные черты польского вопроса на первом этапе войны, Ю. Мархлевский показал, что реального, перспективного решения этого вопроса в начале войны не существовало ни у польских политических партий, в том числе и у пилсудчиков, ни тем более у правительства, которых они поддерживали. Наряду с этим он обратил внимание на тот факт, что война всколыхнула идеи национального объединения.

Развитие военных действий привело к оккупации русской части Польши австро-германскими войсками. Только в этих условиях, когда вся Польша силой оружия была подчинена Германии и Австрии, но еще не ясно было, в чью пользу будут развиваться события, «польский вопрос приобрел для победителей всю остроту злободневности». Однако его решение вылилось в форму «позорного торга», в котором наряду с Австрией и Германией приняли участие «польские патриоты, не исключая господина Дашиньского и его партии». В результате появился акт, изданный правительствами Германии и Австрии 5 ноября 1916 г., о создании «самостоятельного польского государства» из польских областей, находившихся под русским господством.

Ю. Мархлевский рассмотрел этот искусственно созданный организм в трех аспектах: политическом, экономическом и национальном. Представление о политическом характере нового образования давали прежде всего органы власти, назначаемые оккупационными властями — Регентский совет и Совет министров. В них оказались случайные люди, не связанные с основными политическими группировками в стране. Автор охарактеризовал их как «первых попавшихся аристократов» и «ничтожных политических интриганов». Таким образом, созданная политическая власть не представляла собой серьезной самостоятельной силы, способной к руководству страной. В ее возможностях было только проведение политики, угодной оккупантам. Поэтому на практике «всем распоряжались занявшие Польшу державы, поделившие между собой страну».

В основе проводимой центральными державами экономической политики лежало использование страны «в интересах ведения войны». Ю. Мархлевский определил это целенаправленное хозяйствование Германии и Австрии как грабеж, не знавший границ. Так, германские власти применяли все виды «военного порабощения». Они не только изымали все технические средства и сельскохозяйственные продукты, но и угоняли поляков на работу в Германию. Все эти моменты указывали на угрозу истощения экономических ресурсов страны и превращения ее в экономический придаток Германии.

В национальном отношении образованное «государство» не отвечало интересам польской нации. Национальные чувства народа не получили удовлетворения. Наоборот, они обострились. Не могло быть и речи об установлении в стране национального мира, поскольку политико-экономические действия центральных держав усилили «в населении ненависть ко всему немецкому». Польских буржуазных политиков также не устраивало произведенное по воле Германии определение территории Польши. Они продолжали замышлять новые политические комбинации в рамках прежних отношений с Германией. Политика Германии означала, что ее победа в войне исключает возвращение Польше таких земель, как Познань, Верхняя Силезия, Западная Пруссия. Однако такое положение вещей несколько не смущало польских деятелей. Как отмечал Ю. Мархлевский, «их пресса, в том числе и краковский орган ППС, не видела никакого национального позора в этом „самоотречении“, обрекавшем свыше четыре миллиона поляков в жертву прусской истребительной политике»¹⁶.

¹⁶ Там же, стр. 20.

Главной заботой политиков было частичное восстановление Польши «в составе прежней русской Польши и Галиции».

Таким образом, выявленные Ю. Мархлевским тенденции социально-экономической жизни польского народа после акта от 5 ноября 1916 г. указывали на отсутствие каких-либо демократических начал в организации политической власти, экономики страны и национальной политики. Не были отменены привилегии господствующих наций, не были созданы условия для равноправия и не был устранен национальный гнет. Поэтому образованное Австрией и Германией польское «государство» не означало возрождения национальной независимости.

Но не только внутренняя политика центральных держав в Польше служила основанием для таких утверждений. Их внешнеполитические действия также представляли немало доказательств этому. Так, германское правительство, с одной стороны, требовало от поляков благодарности за освобождение от «московского ига», а, с другой стороны, рассматривало Польшу как разменную монету в переговорах с царским правительством о сепаратном мире. Этот мир оно готово было заключить «даже на условиях возвращения ему освобожденной Польши и заодно уже и переуступления ему Галиции»¹⁷. Германия не внесла принципиальных изменений в свою польскую политику на международной арене. Она считала возможным по-прежнему распорядиться судьбой Польши, исходя из собственных интересов, не останавливаясь перед нарушением акта от 5 ноября 1916 г. и своего союзнического долга по отношению к Австрии. Ю. Мархлевский обратил внимание читателей на взаимоотношения Австрии и Германии как на фактор, способный нанести ущерб интересам польской нации. Германия в противовес австрийским намерениям объединить под скипетром Габсбургов русскую часть Польши и Галицию начинает подготавливать создание «буферного государства» из русской Польши, но с измененными границами и более чем сомнительной автономией. Намерения германского правительства вызвали недовольство, с одной стороны, у Австрии, приведя к дальнейшему обострению отношений между ними, с другой стороны, у польских политических деятелей. Февральская революция с ее лозунгами о независимости Польши еще больше скомпрометировала прусскую и проавстрийскую ориентации. Под воздействием Февральской революции польские политические партии начали пересматривать свои прежние позиции, но вызвано это было, главным образом, политическими соображениями — прежде всего желанием сохранить свое влияние на массы¹⁸.

Тезис о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши здесь по сравнению с предыдущей статьей получил дальнейшее развитие в виде большей конкретизации уже ранее отмеченных аспектов этой проблемы. Ю. Мархлевский писал, что Октябрьская революция совершенно четко и конкретно поставила вопрос о независимости Польши: «Русское пролетарское правительство провозгласило в польском вопросе, как и следовало ожидать, следующий принцип: революционный пролетариат отказывается от угнетения какой бы то ни было национальности и предоставляет польскому народу

¹⁷ Там же.

¹⁸ Так, об отказе от активистской ориентации свидетельствовал XIII съезд ППС (июнь 1917 г.), а также линия поведения Ю. Пилсудского, который отдал приказ легионам не принимать присяги, обязательной при вступлении в «*Polnische Wehrmacht*», и в июле 1917 г. вышел из состава Временного государственного совета. Подобные явления происходили и в других политических партиях. См. H. Zieliński. *Opinia publiczna w Polsce a rewolucje rosyjskie 1917 roku*. В сб. «*Z badań nad wpływem i znaczeniem rewolucji rosyjskich 1917 roku dla ziem polskich*». Wrocław, 1968.

самому решить свою судьбу»¹⁹. Это высказывание, определяя значение Октябрьской революции для судьбы польского народа, отражает и теоретические воззрения Ю. Мархлевского по национальному вопросу. Он подчеркивал, что большевистская национальная политика основана на марксистском принципе. В. И. Ленин в свое время отмечал, что польские социал-демократы, отрицая самоопределение наций, забывали об этом²⁰. Слова Ю. Мархлевского: «как и следовало ожидать», думается, свидетельствуют о том, что он не только относился положительно к соблюдению названного принципа Советским правительством, но и руководствовался им в своих воззрениях на самоопределение наций еще и до Октябрьской революции.

Далее, Ю. Мархлевский считал необходимым отметить, что Советское правительство не ограничилось провозглашением права польского народа на самоопределение. В сложных условиях внутренней обстановки в стране и взаимоотношений с Германией, в условиях оккупации Польши Германией оно перешло к закреплению этого принципа на практике, в международных отношениях. По этому поводу в статье говорилось: «Русские уполномоченные в Бресте сделали все, что могли, чтобы вырвать и у Германии признание за Польшей этого права»²¹. Какова же была реакция германского правительства на это предложение русских? Ю. Мархлевский писал: «Но германское правительство отказывалось признать „право народов на самоопределение“; оно крепко держало добычу в своих когтях и собиралось распорядиться с „освобожденной“ Польшей по своему собственному усмотрению»²². Итак, Октябрьская революция заставила Германию окончательно признаться в том, что в ее намерения не входило создание самостоятельной независимой Польши.

«Революция в Австрии и Германии, — отмечал Ю. Мархлевский, — освободила Польшу от цепей чужого господства». При этом он подчеркнул своеобразие в объективном и субъективном плане освобождения, которое несла с собой буржуазно-демократическая революция в этих странах. С одной стороны, оно состояло в том, что приближение революции, а затем и сама революция способствовали ослаблению оккупационного режима, относительно быстрому разоружению оккупационной армии, солдаты которой бежали домой с польских территорий, вследствие чего польская буржуазия довольно легко захватила власть и провозгласила независимость. С другой стороны, новые правительства этих стран, образовавшиеся в результате революций, не сделали никаких заявлений по польскому вопросу. «Правительство Эберта — Шейдемана и не думало последовать примеру русского пролетарского правительства, признавшего за поляками право на самоопределение; напротив, оно заняло явно враждебную к полякам позицию...»²³. Таким образом, Ю. Мархлевский в одной из самых первых работ отметил, что роль Октябрьской революции и революций в Австрии и Германии в деле восстановления польской независимости неоднозначна. Только Октябрьская революция в полной мере содействовала освобождению Польши.

В рассматриваемой статье не оставлен без внимания вопрос о том, какова была позиция в польском вопросе стран, победивших в мировой войне. Ю. Мархлевский писал, что страны Антанты только на определенном этапе войны пошли на признание за народами права на самоопределение. В принятии окончательных решений по польскому вопросу, пока

¹⁹ «Польша и мировая революция», стр. 21—22.

²⁰ В. И. Л е н и н. Там же, т. 30, стр. 38.

²¹ «Польша и мировая революция», стр. 22.

²² Там же, стр. 22.

²³ Там же, стр. 24.

существовала империалистическая Россия, они заняли осторожную и выжидательную позицию. «Президент Вильсон провозгласил «право народов на самоопределение». Франция и Англия официально также приняли эту точку зрения, но мудрые заправилы капиталистической политики по отношению к Польше продолжали хранить молчание, якобы ожидая решения верховного ареопага»²⁴. Но после установления Советской власти в России у западных держав появилась прямая заинтересованность в восстановлении Польши. Она была связана с тем, чтобы вовлечь Польшу в борьбу против революционной России, использовать ее в новом качестве — как орудие своей внешней политики. Такие возможности для включения Польши в орбиту политики стран Антанты открывала проблема установления границ Польши, особенно восточных. За это они требовали от Польши лишь одного — «борьбы против социалистической России». Одновременно западные державы оказывали всяческое содействие восстановлению власти контрреволюционных сил в России. Так, в мае 1919 г. «они признали адмирала Колчака главою русского государства». Этому факту Ю. Мархлевский придавал большое значение и считал, что он должен был бы послужить предостережением для варшавских политиков, поскольку «ни Колчак, ни другой какой-нибудь представитель империалистической России никогда не согласится отказаться от западных владений царской России», в связи с чем «в случае свержения Советской республики новому польскому государству предстоит борьба на смерть с империалистической Россией»²⁵.

Таким образом, политика стран Антанты по отношению к Польше во многом определялась развитием событий в России и прежде всего победой пролетарской революции. Вместе с тем эта политика, будучи далеко не бескорыстной, носила на себе печать опасной для независимости Польши двойственности. Стремясь реставрировать капиталистический строй в России, западные страны тем самым способствовали возрождению сил, активно враждебных восстановлению независимой Польши, и уничтожению тех сил, которые выступали за освобождение польской нации.

Ю. Мархлевский пришел к выводу, что империалистическая война не была решающим фактором ни в постановке вопроса о действительном восстановлении польского государства, в котором были бы объединены все три части польских земель, ни тем более в его практическом осуществлении. Но автор не оставил без внимания ту область национальных идей и чувств, где война оставила свой след и которая имела отношение к решению польского вопроса. Война всколыхнула идеи о независимости, обострила национальные чувства поляков, тем самым подготовила почву для оживления идеи о возрождении самостоятельного польского государства. На процесс овладения массами этой идеей оказали влияние также и русские революции.

Весь 1919 г. и первые месяцы 1920 г. проходили под знаком поисков советской стороной возможностей для мирного урегулирования советско-польских отношений. Польская же сторона вела политику на развитие конфликтной ситуации.

Ю. Мархлевский уделял постоянное и пристальное внимание советско-польским проблемам, приобретшим чрезвычайно большое значение в международных отношениях и повлиявших на разработку им вопроса о значении Октябрьской революции для судеб польского народа. В 1920, 1921, 1922 гг. выходят его наиболее крупные работы, посвященные этим вопросам.

²⁴ Там же, стр. 26.

²⁵ Там же, стр. 30.

В статье «Польская республика и Советская Россия»²⁶ тезис о значении Октябрьской революции для польской независимости обосновывался путем сравнения результатов Октябрьской революции с возможными последствиями для Польши Февральской буржуазной революции. Думается, что обоснование такого рода не было случайным. Скорее всего оно было продиктовано желанием выяснить, какова была позиция русской буржуазии в польском вопросе, если ей оказывала прямую помощь своим отказом от мирного решения спорных вопросов с пролетарской республикой польская буржуазия. В статье говорилось, что «буржуазная революция в России не могла иметь таких результатов» для Польши, как Октябрьская революция. Связано это прежде всего с природой буржуазии как класса, поскольку «русская буржуазия, освободясь от царизма, отнюдь не стала менее захватнической и империалистической»²⁷. Действительно, заявления правительства Керенского об участии России в войне до ее победоносного завершения на стороне Антанты как нельзя более свидетельствовали об этом. Следовательно, Февральская революция не могла внести принципиальных изменений во внешнюю политику России, в частности и по отношению к Польше. Далее, не отрицая возможность той или иной постановки польского вопроса русской буржуазией, Ю. Мархлевский рассмотрел возможную ситуацию участия русской буржуазии в мирных переговорах с побежденной Германией. Он пришел к выводу, что в этом случае «русская буржуазия стремилась бы к тому, чтобы сберечь Германию как союзника на будущее и поэтому освобождение земель прусского захвата было бы архисомнительно»²⁸. По поводу же частичного восстановления Польши в статье говорилось, что если бы оно произошло, то Польша в этом случае «могла бы выгладеть в лучшем случае, как небольшое „буферное“ государство из обрезанного Королевства и Западной Галиции». Но при этом отмечалось, что «даже и это сомнительно, поскольку империалистическая Россия не могла бы допустить того, чтобы независимое государство отделяло ее от Германии»²⁹.

Эти рассуждения Ю. Мархлевского заслуживают внимания, поскольку они учитывали особенности развития капитализма в эпоху империализма.

Имея в виду историческую и классовую логику поведения русской буржуазии, Ю. Мархлевский проводил мысль о том, что империалистическая буржуазия России в случае своей победы распорядилась бы судьбой Польши в зависимости от своих политических комбинаций, а не интересов польской нации.

Доказывая, что в отношении Польши русская буржуазия выступила бы наследницей политики царизма, Ю. Мархлевский одновременно с этим поставил вопрос об отношении польской буржуазии к независимости на разных этапах. Ю. Мархлевский отмечал: «Польские буржуазные политики при царизме соглашались на концепцию создания из Польши „политического организма“ под скипетром царя, а во времена керенщины отнюдь не выступали с требованиями независимости». Иными словами, только смена ориентаций, а не активная, решительная борьба за независимость были свойственны польской буржуазии до Октябрьской революции. В новой ситуации, создавшейся как в России, так и на международной арене в результате победы Октябрьской революции, польская буржуазия выступила против молодой Российской республики под флагом восстановления границ 1772 г., стремясь захватить украинские, белорусские и ли-

²⁶ «Kalendarz komunistyczny na rok 1920». М., 1920.

²⁷ Ibid., s. 129.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

товские земли, а также разгромить революционное движение в стране и в Советской России, которая являлась оплотом мирового революционного движения. Для прикрытия этих узкоклассовых интересов, отнюдь не тождественных национальным интересам польского государства, польское правительство пошло на активную пропаганду «национальной» идеологии и выдвижение широкой программы в вопросе о восточных границах. Таким образом, Ю. Мархлевский, устанавливая соотношение политического прошлого польской буржуазии с ее настоящим в национальном вопросе, указывал на определенное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на ее программу в польском вопросе.

Далее в статье отмечалось воздействие Октябрьской революции на завершение мировой войны. Слова «пролетарская революция в России затем определила судьбу войны» означали, что она оказала влияние на ход мировой войны. Революции в Германии и Австрии, «которые являлись неотделимым последствием» Октябрьской революции, способствовали военный крах центральных держав. В этом смысле Ю. Мархлевский называл окончание войны революционным и считал, что оно наложило отпечаток на политику стран Антанты по отношению к трем революционным странам и к Польше. Он писал: «Лишь это революционное окончание войны привело к тому, что империалистические страны-победительницы, заинтересованные равным образом как в разрушении Австрии и ослаблении Германии, так и в сжатии в тисках России, этого очага революции, согласились на создание польского государства, внешне „независимого“, а в действительности являющегося пешкой в их руках на политической шахматной доске»³⁰. Здесь Ю. Мархлевский отметил две, принципиально отличающиеся политики в решении польского вопроса — политику социалистического государства, руководящегося в отношениях с другими народами демократическим принципом самоопределения наций, и политику империалистических стран, в основе которой находилась борьба за передел мира.

В брошюре «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией»³¹ Ю. Мархлевский обратил внимание на новый аспект общей проблемы — на связь решения польского вопроса с внутренним содержанием Октябрьской революции. Он выявил своеобразие этой связи, состоявшее, с одной стороны, в том, что «польский вопрос не играл в этой революции никакой роли», т. е. что польский вопрос как национальный вопрос не стимулировал революционного движения в России; в основе русской революции лежали классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией. С другой стороны, социалистическая революция не могла осуществить своих принципов, не расчистив для них почвы — не уничтожив остатков царизма во всех сферах общественно-политической жизни, в частности во взаимоотношениях наций. Указывая на это своеобразие, Ю. Мархлевский тем самым определял объективный характер связи между Октябрьской революцией и независимостью Польши и устанавливал, что независимость Польши не противоречила классовым интересам русского пролетариата.

Придавая большое значение пропаганде идеи о решающей роли Октябрьской революции в деле возрождения Польши, Ю. Мархлевский в 1922 г. вновь опубликовал статью «Польская республика и Советская Россия», добавив к ней лишь анализ событий в советско-польских отношениях после апреля 1920 г.³²

³⁰ Ibid.

³¹ «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией». Перевод с польского. М., 1921.

³² «Kalendarz komunistyczny na rok 1922». М., 1922.

В 1923 г., в год пятой годовщины победы Великой Октябрьской социалистической революции вышел специальный номер общесоюзного журнала «Жизнь национальностей», целиком посвященный решению национальных проблем в России и в других странах в связи с Октябрьской революцией. Написанная Ю. Мархлевским для этого номера статья «Польский вопрос и Октябрьская революция» занимает особое место среди рассмотренных выше его трудов и выполняет роль обобщающей работы, подводящей итоги всем его предыдущим высказываниям по рассматриваемому вопросу. Здесь он более подробно раскрыл и отношение нового польского государства к своим восточным соседям: «Насмешкой истории является то обстоятельство, что польская буржуазия, чуть только она освободилась от чужого ига, стала проявлять захватнические стремления, пожелала навязать свое иго украинцам и белорусам, и с этой целью стала воевать с пролетарской Россией, с той Россией, которая сделала возможной независимость Польши»³³. Это замечание в некоторой степени указывало на определенную схожесть исторических ситуаций в прошлом и настоящем в плане узко-классовой политики господствующих классов, направленной на завоевание земель на Востоке. В связи с этим возникала мысль о том, соответствует ли эта политика укреплению независимости Польши, какими могли быть последствия захвата украинских и белорусских земель, если, как показало прошлое, территориальное увеличение государства не равнозначно упрочению его независимости.

Захват украинских и белорусских земель в данное время означал выступление против Советской России в трудный период ее становления, что в свою очередь ставил под угрозу существование главного источника польской независимости и ее самого надежного союзника, потому что вся внешнеполитическая деятельность Советского правительства свидетельствовала именно о такой роли пролетарской России в решении польского вопроса. Кроме того, захват украинского и белорусского народов вело к включению в состав неокрепшего государства центробежных сил, поскольку эти народы, познав свободу от гнета помещиков и капиталистов в Советской России, были враждебно настроены по отношению к буржуазному польскому правительству и стремились выйти из состава Польши. Таким образом, внешняя политика нового польского правительства была чревата опасностью для независимости Польши, поскольку она не учитывала того, что «пролетарская революция в России положила конец национальной неволе польского народа, она сделала возможным восстановление польской независимости; этот факт, конечно, отрицают польские буржуазные патриоты»³⁴.

Если суть этого тезиса нам уже известна по другим произведениям, то сказанная в конце фразы позволяет отметить тот факт, что Ю. Мархлевский интересовался постановкой вопроса о независимости Польши в буржуазной польской литературе и что у него уже сложилось представление о ее главной тенденции, которая исключала Октябрьскую революцию из условий, способствовавших восстановлению независимости Польши. Анализ буржуазной историографии по этой проблеме, произведенный советскими историками, главным образом после второй мировой войны, и историками Польской Народной Республики, подтвердил правоту оценки Ю. Мархлевским основной тенденции буржуазной историографии³⁵.

³³ «Жизнь национальностей», кн. I, 1923, стр. 230.

³⁴ Там же, стр. 230.

³⁵ См. «История Польши», т. III. М., 1958; А. Я. Манусевич. Польская историография Великой Октябрьской социалистической революции и ее роль в восстановлении в 1918 г. Польского государства. В кн. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961, стр. 65—93; Ю. К о в а л ь с к и й. Польша и Октябрь-

Большинство буржуазных авторов отрицали решающее значение Октябрьской революции для освобождения Польши, подменяя его преувеличением роли войны и той или иной группы ее участников.

Верно ориентируясь в этой общей направленности польской буржуазной литературы, Ю. Мархлевский не случайно во всех рассмотренных нами работах выяснял вопрос о значении империалистической войны для Польши. В последней работе он доказывал, что империалистическая война по логике своего развития не предполагала возрождения Польши в тех масштабах (а не вообще), которые оказались возможными в ноябре 1918 г., после победы Октябрьской революции. Не допуская категорического отрицания роли тех или других факторов, связанных с войной, в восстановлении Польши, он указывал, что все они (и прежде всего политика стран Антанты) были в той или иной мере связаны с победой пролетарской революции в России.

Далее в статье не без учета сложившейся обстановки после подписания Рижского мира, когда польское правительство продолжало оказывать помощь белоэмигрантским соединениям, расположившимся на территории Польши и все еще не отказавшимся от надежды свергнуть Советскую власть, Ю. Мархлевский добавил несколько новых штрихов, по сравнению с предыдущими работами, к характеристике позиции русской буржуазии в польском вопросе. Он писал: «Временное правительство Милюковых, Керенских и др., у которых хватало времени заявлять о своих стремлениях к новым завоеваниям (Константинополь, Дарданеллы), не нашло досуга высказаться по „польскому вопросу“». Ю. Мархлевский отмечал неизменность позиции русской буржуазии в польском вопросе и в новых условиях, в условиях провозглашения независимости Польши. «До сих пор „искренние русские демократы“ вплоть до „сменоховцев“ не могут отказаться от „единой неделимой“ и мечтают об уничтожении „украинных“ государств»³⁶. Эти факты заставляли читателя осознавать, сколь безрассудными являлись поддержка польским правительством русских контрреволюционных сил, а также его враждебность к новой России в то время, как «только русский пролетариат, который знает, что господство над народами несовместимо с собственной свободой, поставил вопрос ясно и определенно: „самоопределение вплоть до отделения“»³⁷.

Итак, в заключительной статье, как и в прошлых, Ю. Мархлевский рассмотрел проблему значения Октябрьской революции для восстановления польской независимости как проблему комплексную. Ее исследование включало изучение политики по отношению к Польше не только Советской России, но и царской России, русской буржуазии и стран Антанты, причем последними на различных этапах — до социалистической революции в России и после нее. На этой основе в статье закреплён тезис о решающей роли русской революции в деле возрождения Польши. Одновременно Ю. Мархлевский, установив противоположность буржуазной точки зрения в этом вопросе марксистской, указал на превращение проблемы восстановления польской государственности в объект идеологической борьбы и в связи с этим на важность ее разработки историками-марксистами.

Знакомство со всеми приведенными выше публицистическими работами Ю. Мархлевского, написанными «по горячим следам» событий, позволяет установить, что один из крупнейших представителей польского коммунистического движения имел совершенно ясную, глубоко продуманную

революция (Некоторые проблемы периода 1917—1919 гг.). М., 1957; «Rewolucja Październikowa a Polska», Warszawa, 1967; H. J a b ł o ŋ s k i. «Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski». Warszawa, 1967 и др.

³⁶ «Жизнь национальностей», стр. 229.

³⁷ Там же, стр. 230.

манную концепцию о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши и уделял большое внимание ее пропаганде.

В основе формирования этой концепции лежало марксистско-ленинское понимание принципов национального вопроса, а именно — о возможности национального освобождения в условиях капитализма и о необходимости провозглашения русским пролетариатом лозунга о самоопределении наций вплоть до отделения. В 1918—1922 гг. эти принципы еще не были освоены большинством польских коммунистов.

Другим исходным пунктом концепции являлось понятие о польской независимости как о самостоятельном политическом объединении всех трех частей польских земель, границы которого должны определяться на основе демократических и этнографических принципов и исторического развития польской нации. Такое представление о польской государственности не было выработано и не популяризировалось в польской марксистской литературе и отличалось от буржуазного понимания независимости Польши, сводившего ее в период до Октябрьской революции либо к частичному воссоединению польских земель, либо к объединению их всех под чьим-нибудь скипетром.

Рассмотрение событий с 1914 по 1923 год привело Ю. Мархлевского к выводу о том, что Октябрьская революция, осуществив демократические и социалистические принципы, оказала глубокое воздействие на всю мировую систему межгосударственных отношений, чем способствовала признанию польской независимости не только в двусторонних отношениях с Советской Россией, но и в отношениях с другими странами. Октябрьская революция по сравнению с другими факторами (империалистическая война, Февральская революция, революции в Австрии и Германии) имела решающее значение для возрождения Польши.

Помимо научного значения концепция Ю. Мархлевского в период своего формирования имела большое практически-политическое значение. Базируясь на том положении, что независимость Польши явилась своеобразным производным от Октябрьской революции, она открывала польским коммунистам путь через признание Октябрьской революции к правильной оценке национального освобождения Польши в условиях капитализма, и на основе ее к развитию революционной активности масс и укреплению их солидарности с Советской Россией. Тем самым концепция была важна для польской компартии в связи с пересмотром взглядов по национальному вопросу.

Данная Ю. Мархлевским оценка Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления Польши служила ориентиром для формирования польской внешней политики по отношению к Советской России в целях укрепления польской государственности. Она подсказывала, что именно новая Россия является оплотом и искренним союзником польской независимости. Учет основного тезиса концепции играл большую роль в развитии польско-советских отношений.

Содержащиеся в трудах Ю. Мархлевского основные положения концепции о значении Октябрьской революции для освобождения Польши от национального гнета позволяют считать Ю. Мархлевского родоначальником польской историографии по этому вопросу, полностью оценившим его научное и политическое значение.

ЛЮБОМИР Е. ГАВЛИК

РАННЯЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В МОРАВИИ

(К проблематике ее общественной структуры в свете
письменных источников)

В истории европейского средневековья Моравское государство, расположенное на северной окраине античного Рима и на пересечении культурных влияний в Подунавье, известно в большинстве случаев под названием Великая Моравия, или Великоморавская держава, т. е. под названием, которое относится к периоду его наибольшего развития во время правления короля Святоплука. Государство Святоплука впервые назвал ἡ μεγὰλὴ Μοραβία византийский император Константин Багрянородный в середине X века; первым старославянским источником, в котором встречается название «Велика Морска», является легенда «Успение Кирилла»¹. В письменных источниках того времени встречаются названия regnum (или regna) Maravorum (так же Margorum, Marahensium и т. д.), Marawa или Morava, Murava, Moravia, Моравская земля или Моравская область, князьнак(а) Морска(зи) или князьини Морск(а) государства и страны и названия Marharii, Margi, Margenses, Marahenses, Marvani, Marawani, Marawi, Морскальне, Морскови народности мораван². Но само название гораздо древнее, хотя его связь с названиями Maravan, Margi(ani), Μαραβιοι, встречающаяся в евразийской индоиранской среде в I—IV вв. н. э. и в середине первого тысячелетия до н. э. проблематичная³.

Широкие археологические исследования последних десятилетий значительно углубили наши знания об этом государстве, в частности о его социально-экономической структуре и материальной культуре, уточнили многие данные письменных источников и привели к их дальнейшей дешифровке и интерпретации. Письменные источники по истории Великой Моравии были опубликованы в издании «Magnaе Moraviae fontes historici»⁴. На основании этих источников, количество которых достигает нескольких сотен, можно не только дать картину политического развития державы Мораван, но и попытаться, используя социальную терминологию источников, с помощью семантико-компаративного аналитического метода

¹ «De administrandō imperio — Πρὸς τῶν Ἰδιῶν εἰς τὸν Ρωμαίων», гл. 13, 38, 40, в гл. 41, 42 говорится только о Моравии (Μοραβία). Magnae Moraviae fontes historici Brno, 1969 (далее — MMFH), t. III, s. 384, 393, 396, 398, 401. Успение светого Кирилла Философа. MMFH, t. II, s. 249.

² L. E. Havlík. K otázce národnosti na území Velké Moravy. «Historický časopis», 1957, t. 5, s. 497—500.

³ L. E. Havlík. Gens Maravorum — Poznámky k vývoji gentes u Slovanů. «Strážnice 1946—1965». Brno, 1966, s. 141; Herodotos. Ἱστορία, I. Κλειώ, § 125.

⁴ MMFH, t. I—IV, Brno, 1966, 1967, 1969, 1971.

осветить социальную структуру, политическую и государственную форму, определить значение и место Моравии в европейской истории⁵.

Проблемы возникновения феодализма у славян и одновременно образования у них государственности чрезвычайно актуальны в современной прогрессивной историографии. Не удивительно, что эти проблемы были предметом исследования и в чехословацкой историографии. Дать ответ на основные вопросы этого круга проблем пытался В. Гуса, который включал Великую Моравию в дофеодальный период⁶. И. Бем же пришел к выводу, что Великая Моравия была государством, организованным на феодальных принципах, хотя и недостаточно еще развитых⁷. Эту точку зрения поддерживал затем и В. Гуса⁸. З. Фиала в своих последних работах говорит о Моравии как государственной организации больших масштабов⁹.

Гораздо более конструктивным по сравнению с вышеуказанным является критический анализ проблематики возникновения феодальных отношений, касающийся области сегодняшней Словакии сделанный П. Раткошем, первым предпринявшим попытку обосновать с определенным успехом раннефеодальный характер Великой Моравии на основании письменных источников¹⁰. Некоторые исследователи ошибочно считали Великую Моравию особым переходным типом к феодальной государственной организации¹¹. В. Прохазка склонялся к компромиссному решению вопроса. По его мнению, Великоморавская держава не была еще раннефеодальным государством, хотя и было к нему близко по своим примитивным феодальным элементам¹². При этом он не делал различия между державой в целом и ее ядром — Моравией. Другие же исследователи в области истории права (например, Я. Главса, В. Ванечек) не сомневались в отношении раннефеодальной государственности Великой Моравии¹³. Автор настоящей статьи полагает, что для Великой Моравии скорее характерно раннефеодальное общество с соответствующей формой государственности, чем протофеодальная структура, но это относилось прежде всего к собственно Моравии, а не к Великоморавской державе в целом¹⁴. Й. Поулик, опираясь тоже на историко-материалистический анализ материала, преиму-

⁵ Собственно Моравия или Моравское государство включало в начале IX в. территорию, расположенную между Чешско-моравской возвышенностью, южным Вагом, Поважским Пновцом, Малой Фатрой, Грубым Есеником и Дунаем. До конца IX в. территория Моравского государства расширилась на востоке к Тисе, на юге охватывала северную Паннонию, а на севере доходила до верхней Вислы. В состав Великоморавского государства короля Святошлука входили и другие территории на Одре, Лабее (Эльбе), Зале, Тисе и в Паннонии.

⁶ V. H u s a. Epochy českých dějin. Praha, 1949.

⁷ J. B ö h m. K otázce vzniku feudalismu v českých zemích. «Český lid», 1951, t. 6, s. 162—180.

⁸ V. H u s a. K otázce vzniku feudalismu na území CSR. «Český lid» 1953, t. 40, s. 83—87.

⁹ Z. F i a l a. Hlavní problémy politických a kulturních dějin českých v 9. a 10. století podle dnešních znalostí. «Československý časopis historický», 1966, t. 14, s. 54—65; L. E. H a v l í k. «Casopis Matice moravské», 1968, t. 87, s. 113—115.

¹⁰ P. R a t k o š. Počiatky feudalizmu na Slovensku. «Historický časopis», 1954, t. 2, s. 252; его же. Problematika raného feudalizmu. «O počiatkoch slovenských dějin», Bratislava, 1965, s. 7—19.

¹¹ «L'Empire de Grande Moravie, sa situation dans l'Europe de l'époque et sa structure intérieure». «Das Grossmährische Reich», Praha, 1965, s. 133—226.

¹² V. P r o c h á z k a. Velkomoravská říše a vývoj politické organizace u slovanských národů. «Právník», 1963, t. 102, s. 775—793.

¹³ J. H l a v s a. Vel'komoravská říša — ranofeodálný štát. «Právnické štúdie», 1955, t. 3, s. 527—550; V. V a n e č e k. Dějiny státua právav Československu. Praha, 1964, s. 45, 51.

¹⁴ L. E. H a v l í k. Velká Morava a středoevropští Slované. Praha, 1964, s. 129, его же. O politických osudech a zahraničních vztazích státu a říše Moravanů. «O počiatkoch...», s. 104—138; его же. První slovanské štáty. «Slovanské historické štúdie», t. X, 1974.

щественно археологического, считает, что в Моравии можно говорить о классовом раннефеодальном обществе уже со времен Моймира I¹⁵. Такой же точки зрения придерживаются В. Грубы, Б. Достал, Б. Хроповский и другие археологи.

Несмотря на то, что археологические исследования последних лет в значительной мере оказали влияние на методы исследования общества Великой Моравии, которые зачастую сводились к интерпретации археологического материала и его оценке, тем не менее нельзя обходить изучение письменных источников. В настоящей статье использован многоязычный материал, не только старославянский, но и латинский, греческий и др. При его обработке с точки зрения социальной структуры древней Моравии мы сталкиваемся с важной проблемой найти для латинской, греческой и др. терминологии соответствие старославянское и наоборот¹⁶.

Если считать правильным предположение о том, что старославянский язык имел в Моравии свою социальную и сословную терминологию¹⁷, а соседство с западноримской империей и греко-византийской сферой на Балканах приводило к проникновению вместе с христианизационно-культурным влиянием отношений и терминологии развитой латинско-греческой среды, то нельзя сомневаться и в том, что корреспондирующая лексика воздействовала на обе стороны, если интерпретация ее взаимно отвечала или должна была отвечать данным условиям, меру идентичности здесь определяла адекватность или аналогичность существующего феномена. Поэтому возникают сомнения в правильности прежних методов использования терминологии исследователями, которые ограничивались лишь старославянскими источниками великоморавского происхождения, а последние сужали только до сюжетов, касавшихся непосредственно Моравии и мораван. В результате возникло впечатление о бедности моравской терминологии в сравнении с относительно богатой чешской, к тому же еще неисторично сравниваемой с терминологией более поздних отношений в других странах и во франкской империи. На наш взгляд, более результативными были бы сравнения в славянской среде Восточной марки и в Паннонии, а также в Хорватии, Болгарии и на Руси¹⁸, хотя в первых случаях нужно учитывать франкско-баварское влияние, а в последних — римско-византийское. Нам кажется, что для определения моравской номенклатуры необходимо использовать все эти источники, ибо функционально они не только предназначались моравской среде, но во многих случаях их возникновение ею было обусловлено. В качестве источников для изучения терминологии можно привлечь и переводы священного текста, хотя здесь есть опасность синтаксических *toroi*, что не относится в той же степени к лексике, о которой идет речь. *Toroi* встречаются в большинстве источников агиографического и литургического характера и тесно связаны с указанной проблематикой. Нельзя а priori отбрасывать работу с данными таких источников, ибо топицеская форма является проявлением литературного стиля, мышления того времени, которое может многое сказать и об исторической реальности, ведь если бы *toros* функционально не отвечал среде, для которой он был предназначен, то использование его было бы беспредметным и такой среде ничего не го-

¹⁵ J. P o u l í k. *Starí Moravané budují svůj stát*. Gottwaldov, 1960, s. 181; е г о ж е. *K otázce počátků feudalismu na Moravě*. «Památky archeologické», 1961, t. 52, s. 498.

¹⁶ L. E. H a v l í k. *K otázce nomenklatury pramenů o Velké Moravě*. «Casopis Matice moravské», 1971, t. 90, s. 10—22.

¹⁷ «Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae paleoslovenicae», Praha, 1958.

¹⁸ L. E. H a v l í k. *Počátky států balkánských Slovanů*. «Slovanský přehled», 1970, t. 56, s. 401—411, е г о ж е. *První slovanské státy*. «Slovanské historické studie», t. X, 1974, s. 5—49.

ворящим. Конечно, могут интерпретироваться и интерпретируются и образы, не имеющие реальной основы, и критика источника должна определить, может ли *toros* быть носителем информации о данном историческом феномене или нет. С другой стороны, функциональность *toroi* могла бы стать критерием возможности их большего использования, чем это было до сих пор.

Не столь сложна ситуация с моравской старославянской номенклатурой, воспринятой и сохраненной в чужой среде, например, венгерской. Венгерская марксистская историография в противовес буржуазной, правильно указывает, что феодализация венгерского племенного союза происходила с участием славянского населения Задунайского края (Паннонии), т. е. моравского этноса на севере и словенского, а также хорватского на юго-западе и юге¹⁹. Поскольку мадьяры селились (в 896 г. с согласия моравян на Тисе и в начале X в. в Паннонии²⁰) на территории Велико-моравской державы, то у исследователей не вызывало сомнений, что большая часть заимствованной мадьярами старой экономической, социальной, политической, церковной и культурной терминологии связано с Моравией²¹.

Большинство письменных источников по истории Великой Моравии, как известно, касается вопросов политической, церковной или культурной истории, тем не менее отсюда можно использовать многие данные и термины, которые послужат нашей цели. Мы не можем проанализировать здесь, естественно, всю социальную терминологию текстов, происхождение которых современная наука связывает с древней Моравией, ограничимся лишь некоторыми примерами. Например, термин «владыка» используется как в отношении багдадского халифа²², восточпоримского автократора аугу-

¹⁹ E. Molnár. A feudalizmus kialakulása Magyarországon. Budapest, 1952, 8—9, 21—23; ег о ж е. A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig. Budapest, 1949, 96—107, 170. О западнославянском этносе см. J. Melich. Szláv jövevényszavaink, tel. I, t. 1—2. Budapest, 1903—1905; ег о ж е. A honfoglaláskori Magyarországon. Budapest, 1930; E. Moor. Westungarn im Mittelalter im Spiegel der Ortsnamen. Szeged, 1936. К вопросу о западнославянском (моравском) населении в западной Паннонии в конце VIII в. см. A. Cs. Sós. Über die Fragen des frühmittelalterlichen Kirchenbaues in Mosapurc—Zalavár. Ann. Inst. Slav., t. 1/2, 1966, 78—79; J. Stanislav (Slovensky juh ve stredoveku I—III. Martin, 1948), который как филолог позволил себе неисторичные и анахроничные рассуждения о словаках, как древних жителях Паннонии. Затем см. также I. Kniesz. A honfoglalása előtti szlávok nyelve a Dunántúlon. Budapest, 1952, s. 390), который высказал предположение, что в Моравии и Паннонии можно предполагать существование одноязычного славянского населения.

²⁰ «(Marawi)... Ungariorum non modicam multitudinem ad se sumpsérunt» — из петиции баварского епископства 900., MMFH, t. III, Ep. č. 109, см. также: MMFH, t. I, s. 122; S. de Kéz. Gesta Hungarorum, t. II, гл. 23, MMFH, t. I, s. 264; P. Rátkoš. La conquête de la Slovaquie par les Magyars. «Studia Historica Slovaca», t. III, s. 10, L. E. Havlík. Moravské a české tradice v uherských kronikách. «Slovansky přehled», 1969, t. 55, s. 340.

²¹ F. Miklosich. Die slawischen Elemente im Magyarischen. Wien—Těšín, 1884; P. Buják. Obrátenie Maďarov na vieru kresťanskú. «Ríša veľkomoravská» Praha, 1933, s. 369—409, P. Rátkoš. Počiatky..., s. 255, 263. О восприятии славянских институтов и номенклатуры венгерским обществом см. E. Ledeger. La structure de la société hongroise de début du moyen âge. «Etudes historiques», t. I, Budapest, 1960, s. 200; Gy. Székely. Le rôle de l'élément magyar et slave dans la formation de l'état hongrois. «L'Europe», p. 234—238, E. Pauliny. Zapadnoslovanské vypožičky v staromáďarskej lexike. «O počiatkoch...», s. 190. О большом вкладе моравян в создание венгерской государственности, формирование общества и организацию экономики говорит А. Гейштор. (Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX—X вв.). «Становление раннефеодальных славянских государств». Киев, 1972, стр. 78.

²² Им был Аль-Мутавакиль-Аллалахи, см. Житие Константина, гл. VI, MMFH, t. II, s. 74.

ста — базилевса (дѣе келиши владѣко; кѣко послалъ неси, владѣко; то посланамъ, владѣко; то добрѣти владѣко, послалъ чакъ мжжѣ) ²³, так и короля Людовика Немца, западноримского императора августа Карла III (рече снъ, т. е. Мефодий — ен, владѣко; снъ — т. е. Карл III — кѣко доцтснѣтѣ владѣцѣ) ²⁴ или моравского правителя ²⁵: обычно термин «квдѣко» был обращением ко всякому правителю, императору ли, королю или князю ²⁶. Примечательно, что термин *цѣсарь* в старославянских памятниках употребляется только по отношению к библейским правителям (например, Давид, Соломон) или восточноримскому императору, но не франкскому: Карла III называют королем, как и Людовика Немца ²⁷. Термин *кѣралъ* (гех) в старославянских источниках употреблялся только по отношению к франкским правителям и впервые стал известен в Моравии ²⁸. Термин *княза* (princeps, *ἀρχων*) употреблялся только в отношении славянских правителей Ростислава (княза *Моравскѣи*) ²⁹, Святоплука I ³⁰, Коцела (Панславскѣи) ³¹, Богориса (Българскѣи) ³² или висланского князя ³³. Он употреблялся несмотря на то, что в западноримском теократическо-иерархическом понимании некоторые из этих правителей считались королями — гех, как например, болгарский Богорис/Михаил или моравский Ростислав и в особенности Святоплук или хорватский Томислав ³⁴. Согласно римскому универсалистскому принципу, применявшемуся Византией, главой всего мира был *цѣсарь* а остальные правители в соответствии с библейским примером (например, вавилонского государства) только *princeps regionum* (Vulg. Dn. 3.2), чему в старославянском переводе соответствует *мѣстѣи* князи, которыми могли считаться согласно этой точке зрения болгарские и другие короли. В тексте *княза* *иже кѣ чѣсо мѣста* и *сѣ народсѣи* (Supr. 117, 3) князя имеет значение *ἡγεμόν, rex*.

В латинских источниках повествовательного характера моравских правителей называют *princeps, dux, regulus, rex* ³⁵.

²³ Здесь имеется в виду император Михаил III. Житие Константина, гл. VIII, XI, XIV; Житие Мефодия, гл. V, ММФН, т. II, s. 76, 94, 99, 114.

²⁴ Житие Мефодия, гл. IX, XVI, ММФН, т. II, s. 152, 161.

²⁵ См. «Владыкам земля божие слово велить», ММФН, т. IV, s. 199. Сюда относится и термин «Закоша судного людем», тит. 17, ММФН, т. IV, s. 189.

²⁶ «Slovník», т. I, s. 195.

²⁷ Житие Константина, гл. III, IX, XI, XIII, XIV, XVIII; Житие Мефодия, гл. I, V, XIII, XVII; Похвала Кирилу; Проложное житие Кирила и Мефодия, ММФН, т. II, s. 65, 79, 93, 98, 99—101, 112, 138—139, 143—145, 158, 162, 117, 166.

²⁸ *Сръдце прагоу моравскѣи (?) кѣралъ; кѣралю оугърскомуу*. Житие Мефодия, гл. IX, XVI, ММФН, т. II, s. 151, 160. О появлении титула король см. G. Labuda. *Rozprzeżenie sję tytułu króla wśród Słowian*. «Więki średnie — Medium aevum». Warszawa, 1962, s. 57—77. Определение «венгерский» является, очевидно корректурой XI—XII вв. Считают, что этим королем мог быть Карл III, ибо именно в Византии употреблялось определение гех в отношении франкских императоров, в то время как в отношении славянских правителей — *ἀρχων*, т. е. князь, что относилось и к венгерским и др. Наконец, славянское князь генетически связано с германским *chuning*(гех) и имело одинаковое с ним значение до иерархизации титулов правителей и возникновения термина *кѣралъ*, перешедшего из моравской среды и в венгерский язык (*király*). См. А. Гейштор. Заметки..., стр. 78.

²⁹ Житие Константина, гл. XIV; Житие Мефодия, гл. V, ММФН, т. II, s. 98, 143.

³⁰ Житие Мефодия, гл. X, XI, XVII; Проложное житие Кирила и Мефодия, ММФН, т. II, s. 154, 156, 162, 166; «Владыкам земля...». ММФН, т. IV, s. 201.

³¹ Житие Константина, гл. XV, ММФН, т. II, s. 105. Во франкских источниках назывался *comes*. ММФН, т. III, Dipl. č. 26, 31.

³² Проложное житие Кирила и Мефодия. ММФН, т. II, s. 166.

³³ Житие Мефодия, гл. XI, ММФН, т. II, s. 156. Термин встречается также в «Закоше суднем людем», тит. 4 (Ekloga, тит. XVII/21), 2, 3, 7a, ММФН, т. IV, s. 181, 178, 180, 184; «Slovník», т. II, s. 94.

³⁴ ММФН, т. III, s. 43, 57, 64, 69, 71—73, 78, 84, 101, 111, Ann. Fuld. и Bert. ad a. 865—869 и прим. 41, 45—47.

³⁵ Определение *princeps* имело очень широкое содержание, им определялась целая шкала иерархов, начиная от императора и кончая начальником военного отряда. Опре-

Моймира I называют *dux* (а *Moimiro duce Maravorum*)³⁶, Ростислава — *dux* (*ducem eis constituit Rastizen; contra Rastizen ducem; Sclavi autem Marahenses ducem suum perisse putantes; quasi Rastizen, Margensium Sclavorum ducem*; в более поздних источниках: *Rastiz dux Marahensium Sclavorum; Marahensium dux*)³⁷, *princeps* (*capto eorum principe nomine Rastiz*, а позже: *principe eorum Rastrix nomine; capto eorum principe Rastiz*)³⁸, *regulus* (*cum Resticio Winidorum regulo; auxiliante Resticio Winidorum regulo; Resticium Winidorum regulum*)³⁹ и *rex* (*Rasticium regem eorum; Rasticus rex Margorum* позже: *Ratzidum regem Marahensium*)⁴⁰. Славомира называли *princeps* (*Slcagamarum sibi in principem constituunt*) и *dux* (*ducem fecerant*)⁴¹, Моймира II — *dux* (*Moymarius dux Marahensis*, позже: *inter fratres Zuentibaldum et Moymarum, Marahenses duces*)⁴². В Фульдских анналах Святоплука I называют *dux* (*cum Zuentibaldo duce Moravorum gentis; Zwentibaldus dux; Zwentibaldus dux cum principibus suis; Zwentibaldus dux Maravorum*; в более поздних источниках: *Zunendipalc dux; Zwentibulc dux; Centebaldus Maravanorum dux; regnante Zun etepulco duce; Zuentibald dux Marahensis; Zuendebaldo duci Marahensium; Zuentebaldus Maravanorum dux; dux Morout; dux Menu-Morout; Zwatoplug, filius Morot, princeps*)⁴³, хотя, например, у Рeginона по отношению к нему употребляется термин *rex* (*concessit Zuendibolch Marahensium Sclavorum regi; Zuendibolch rex Marahensium Sclavorum; Centupulcho regi Mara(wa)rorum; Zuatopluk eiusdem Moraviae regis; Zuatopluk rex Moraviae; rex Sfetopelek — kralj Sveti-puk; Zuendibolh rex Marahensium Sclavorum; Zuatopluk predictus rex Moraviae*)⁴⁴ и говорится о получении королевского сана (*in regni fastigio sublimaretur*)⁴⁵. В папских докумен-

деление *dux* имело первоначально военный характер, но с IX в. стало употребляться как третья ступень в иерархии правителей: *imperator-rex-dux*. Употребление термина *dux* (*regulus*) в отношении славянских правителей во франкских источниках выражало также франкскую точку зрения на положение франкских и славянских правителей. Анализ терминологии правителей франкских источников провели L. Bílková, Z. Fiala, M. Karbulová. *Altmährische Terminologie in den zeitgenössischen Quellen und ihre Bedeutung*. «Byzantinoslavica», r. 29, 1968, s. 317—329.

³⁶ *Conversio Bag. et Carant*, гл. 10. MMFH, t. III, s. 310.

³⁷ *Ann. Fuld.* MMFH, t. I, s. 90, 93, 97, 103; «Herimani Chronice»; *Ibid.*, s. 163—164; *Ann. weingart.* *Ibid.*, s. 142.

³⁸ «Reginonis Chronicon». MMFH, t. I, s. 136; Sigiberti Gembl. *Chronicon* *Ibid.*, s. 187, *Annal. Saxo.* *Ibid.*, s. 248; Βίος Κλήμεντος, в гл. IV/15 именуется ἄρχων, MMFH, t. II, s. 210.

³⁹ *Ann. Bert.* MMFH, t. I, s. 74, 78.

⁴⁰ *Ann. Xanten.* MMFH, t. I, s. 68, *Ann. Hildesheim., Weisemb., Ottenb., Altah. maiores, Lamberti, Annal. Saxo.* MMFH, t. I, s. 151, 153, 154, 158, 174, 248.

⁴¹ *Ann. Fild.* MMFH, t. I, s. 103—104; *Herimanni Chron.* *Ibid.*, s. 166.

⁴² *Ibid.*, s. 121, 128; *Ibid.*, s. 169.

⁴³ *Ann Fuld.* MMFH, t. I, s. 112, 114, 116, 117, 118, 120, 121. Не секрет, что это определение франкских источников имеет тенденциозный характер. Сюда относятся и «Zuentibaldo duce impetrante», MMFH, t. III, s. 237; *Ann. Emmerammi Ratisp. min.* *Ibid.* 130; *Ann. Laubac.* *Ibid.*, 141; *Liutprandi Antapodosis.* *Ibid.* 145—146; *Thietmari Mers. Chron.* *Ibid.* 156; *Herimanni Chron.* *Ibid.* 167—168; *Sigiberti Gembl. Chronicon.* *Ibid.*, s. 188; *Ekkehardi Chronicon univ.* *Ibid.*, s. 205; *Anon. Gesta Hungarorum.* *Ibid.*, I, 214, 220, 222, 234—237; *S. de Keza. Gesta Hungarorum.* t. II, *Ibid.*, 264; *Konstantin Porphyrogenetos. De administrando imperio*, гл. 41. MMFH, t. III, s. 398. Βίος Κλήμεντος гл. V/20, XI/33, XII/40, MMFH, t. II, s. 215, 226, 230 определяется как ἄρχων.

⁴⁴ *Reginonis Chron.* MMFH, t. I, s. 139—139; *Widukindi. Res gest. Sax.* *Ibid.*, s. 149; *Ann. Lamb.* *Ibid.*, s. 174; *Cosmae Chron Boem.* *Ibid.*, s. 201; *Regnum Sclavorum.* *Ibid.*, s. 239—244; *Annal. Saxo.* *Ibid.*, s. 249, 251; *Annal. Gradic.* *Ibid.*, t. I, s. 253; *Notae de epp. Patav. a Hist. epp. et ducum Bavariae.* *Ibid.*, t. IV, s. 407; *Diffundente sole.* *Ibid.*, t. II, s. 279—282; *Christiani Vita et Passio s. Wenc.* *Ibid.*, s. 193—195; *Dalimilova kronika.* *Ibid.*, t. I, s. 273—276; *Cronica Przbiconis d. Pulkaua.* *Ibid.*, s. 308—311; *Granum cat. praes. Moraviae.* *Ibid.*, s. 315—316; *Annales Boiorum.* *Ibid.*, s. 372.

⁴⁵ «Arnulfus rex concessit Zuendibolch Marahensium Sclavorum regiducatum Behemensium... eo quod illi. antequam in regni fastigio sublimaretur». *Reginonis Chron.*

тах он именуется Zuentapu(lco) de Maravna; glorioso comiti Sfentopulcho, glorioso principi Sfhentopulcho; Zwentopolco regi Sclavorum⁴⁶.

Наряду с правителями в Моравии появляются и келамжжи⁴⁷, называемые в латинских источниках primates или optimates, nobiles viri. Несомненно речь шла о категории, которая соответствовала хорватским primates, nobiles, а также болгарскому сословию, определяемому тем же термином или boliades и, естественно, русским «боярам»⁴⁸. Наряду с Ростиславом в Моравии упоминаются его optimates (cum universis optimatibus suis), наряду с Моймиром II — omnes primates eius⁴⁹. Эту социальную категорию папские документы именовали во времена Святоплука I nobiles viri (cum nobilibus viris fidelibus tuis) и primates (tu cum primatibus)⁵⁰. Это, очевидно, высшее, привилегированное сословие, близкое правителю. В окружении Святоплука появляются и principes (cum principibus suis)⁵¹. Сейчас нельзя точно определить, шла ли речь о более мелких моравских князьях, или о каких-либо соседних. Соответственно у Ростислава это были каназы (сз каназы скомми)⁵².

Сравнение с обстановкой на Руси говорит о различии положения групп князей и вельмож (келмкий княз руский... и кел, иже суга под рускю его, светлых и келмких княза и его келмких бояра)⁵³. В более тесных отношениях с правителем находился сановник, определяемый термином сзкфтаникз, упоминаемый, как в связи с хазарским каганом⁵⁴, так и с восточноримским императором⁵⁵, а также со Святоплуком I (дрругз келгачз и сзкфтаникз)⁵⁶. Собрание советников правителя Ростислава называется сзкфтз,⁵⁷ по отношению же к восточноримскому императору и хазарскому кагану упоминается сзборз⁵⁸.

Из области военной административной терминологии можно указать кселекда (dux, στρατιγος) и кселекдакзан санз, который принял Мефодий⁵⁹. По

MMFH, t. I, s. 138; í. IV, s. 385; L. E. H a v l í k. The Relationship between the Great Moravian Empire and the Papal Court. «Byzantinoslavica», r. 26, 1965, s. 116 n.; Ann. Boiorum. MMFH, t. I, s. 367; Snatebog... se regem appellat.

⁴⁶ Т. е. 879, 880, 881, 885 г., MMFH, t. III, Ер. № 80, 90, 95, 101. О титуле король см. MMFH, t. III, s. 217. Нам кажется, что королевский сан связан был с этапом после римской папской патронации 880 г. L. E. H a v l í k. Der päpstliche Schutz und die slavischen Völker, Ann. Inst. Slav. II/2, 1969, s. 18. Что касается comes 880 г., то оно определяет в смысле современных папских универсалистских концепций главу политической и государственной власти, правителей римского orbis terrarum, которые были filii s. Petri, а своим отношением к курии представляли какой-то фиктивный comitatus папы; нельзя считать, что здесь шла речь о «графе» во франкском его значении.

⁴⁷ Житие Константина, гл. II, XI, XIV; Житие Мефодия, гл. XVII; Похвальное слово Кирилу и Мефодию, MMFH, т. II, s. 91, 101, 61, 161, 168. иерсзкк вельмож: послужите; сз вельможами и соудами своим: на соудкз сздаше; с' кон'панем же княземъ глаголомъ вельможа земьскна и ретници и свкфтници; Житие Вячеслава, 6,4; 13,55; «Slovnik», t. I, s. 178.

⁴⁸ См. L. E. H a v l í k. První slovanské státy, II kap.

⁴⁹ Ann. Fuld. MMFH, t. I, s. 98, 129.

⁵⁰ Год. 880, 885, MMFH, t. III, Ер. № 90, 101.

⁵¹ Ann. Fuld. MMFH, t. I, s. 116.

⁵² Житие Константина, гл. XIV, MMFH, t. II, s. 98.

⁵³ «Повесть временных лет» о 912 г. «вельмкий князь нашъ Игорь и князи и бояре него и люде вси Рускстни». Там же о 944 г.

⁵⁴ Житие Константина, гл. XI, XI, MMFH, t. II, s. 79, 92.

⁵⁵ Там же, гл. XIV, MMFH, t. II, s. 100.

⁵⁶ Житие Мефодия, гл. XI, MMFH, t. II, s. 156. Связано ли определение дрругз с византийским χηλιαρχος (chiliarchos) или герм. druhtin не ясно.

⁵⁷ Житие Константина, гл. XIV, MMFH, t. II, s. 98.

⁵⁸ Там же, гл. VI, XIV; Похвальное слово Кирилу, MMFH, t. II, s. 70, 99, 117. О существовании «сзборов» на Моравии свидетельствует отрывок: сзбзравши се же вса люди моравскыа, Житие Мефодия, гл. XII, MMFH, t. II, s. 157.

⁵⁹ Житие Константина, гл. VIII; Похвальное слово Кирилу и Мефодию, MMFH, t. II, s. 78, 169; Житие Мефодия, гл. II, III, Ibid., s. 141, где на том же месте есть княз-

своему положению и функции воевода отличался от князя. Это следует, например, из отрывка: и погла... съзрати кѣса паты и коєкоды мѣстѣнѣна княза чему соответствують в Вулгате термины: : *dux et tyrannus et praefectus* (Dn. 3, 2; Grig; Zach). Можно привести и следующий пример различия: хѣлаж и поклона и чѣста отъ цѣсара же и княза и коєкоды и отъ кѣсего дыхання приимати (Supr. 262, 16), можно встретить также князи или коєкода «Законе суднем людем». (3) ⁶⁰. Воевода как военачальник часто встречается также в русской «Повести временных лет» как человек правителя: азъ есмь мужъ его ⁶¹.

Далее в моравской социальной номенклатуре встречается термин жупанъ. Например, в сообщении Ибн Руста (субандж), в котором речь шла, очевидно, об управителе области (провинции): (ва — ра' исухум й. т.в.в.дж лаху яати 'уна ва — ан каулихи юсдируна) ⁶². Кроме того, термин жупан известен из «Закона...» (жупани). «Эклога», послужившая образцом для него, называет следующие термины: *ταξουλλαριοι, αρχοντες*, тит. XIV/9 ⁶³, близкие термину княза:кѣ темъже градсу Тесфан княза вѣ (Bes. 36.274) и княза градскѣи (Slovo o pren. moštem sv. Klím. глава 6); сюда относится и княженѣ или княжнѣ ⁶⁴. В хорватском, а позже и в чешском языках термин жупан отождествляется с термином *comes (suprani seu comites*, в старохорватской версии: *knezove*) ⁶⁵, на основе его возник чешский и польский «пан» и венгерский «ишпан». Положение жупана объясняется и из данных о нем (*iopan qui vocatur Physso*) из соседних с Моравией территорий (в Восточной марке) конца VIII в., где в социальном отношении ему были равны баварские вельможи ⁶⁶.

Согласно Ибн Русту возглавлял жупанов король (малик) Святоплук ⁶⁷. Кроме того, жупаны (*suprani, iupani*), по-видимому, имели и придворные титулы. В Хорватии они являлись представителями жуп — провинций государства ⁶⁸. О подобной ситуации в Моравии можно было бы предполагать на основании некоторых заимствованных терминов венгерского языка, как например *padorispan*, т. е. жупан двора или *comes palatinus*, затем *tarnok* — товарник (*tavernicus*), *asztalnok* — столтник и др. ⁶⁹. Управляли жупами жупаны также в Болгарии, где славянские жупы в IX в. включены были в систему комитатов *хоръ, terra, зема* ⁷⁰. Подобную административную функцию жупанов мы обнаруживаем позже и в Чехии, где эти термины несомненно связаны своим происхождением с Моравией ⁷¹.

жене. О термине воевода см. «Slovník», t. I, s. 217—218. Русское воеводство и воевода встречаются как определение должности военачальника (например, «Повесть...» 945, 968, 971, 980, 984, 1016, 1018, 1043 гг.).

⁶⁰ «Закон судный людем», тит. 3, MMFH, t. IV, s. 180.

⁶¹ «Повесть...», год 968.

⁶² Китабу л-а'лаки и-нафисати ли-бни Руста, MMFH, t. III, s. 346.

⁶³ «Закон судный людем», тит. 3, 20, MMFH, t. IV, s. 180, 191.

⁶⁴ Житие Мефодия, гл. II, III, MMFH, t. II, s. 141—142.

⁶⁵ *Regnum Sclavorum*, MMFH, t. I, s. 243—244.

⁶⁶ MMFH, t. III, Dipl. № 1.

⁶⁷ ..ра'исур-ру'аса' и юсамунаху С.в.й.т.м.л.к ва-хува аджаллу мин с.в.т.дж. Ва-с.в.б.дж. халифатуху ва-лихада л-малики даваббун. MMFH, t. III, s. 346—347.

⁶⁸ См. F. Rački. *Documenta historiae Croatiae*, č. 2. Zagreb, 1877, №2, 12; F. Šišić. *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*, Zagreb, 1925, 33 in., s. 394—446n; сербские жупы проанализировал В. П. Грачев: Сербская государственность в X—XIV вв. М., 1972, стр. 286.

⁶⁹ См. А. Гейштор. Заметки..., стр. 76—79, см. также примечание 22.

⁷⁰ См. А. V. Veseliev. *Die protobulgarischen Inschriften*. Berlin, 1963, № 52, 60, 62; его же. *Protobulgarische Inschriften auf einer Silberschale*. «Byzantion», 1965, t. 35, s. 1—4; М. Андреев, Д. Ангелов. История на българската държава и право. София, 1959, стр. 100—104.

⁷¹ Напр., *Cod. dipl. Boh. t. I, s. 317, S. Z h á n ě l. Jak vznikla staročeská slechta*. Brno, 1930, 191n., 204n.

Жупа, как административная область, а затем и бенефиций, появляется также и в Польше ⁷², и, естественно, в Венгрии. В то же время положение жупана было низведено до функции сельского судьи, например, в альпийских областях (Австрия, Каринтия) ⁷³ и в подобном значении появляется позже у полабских сербов ⁷⁴. В Моравии термин жупа сохранился до XIV в. ⁷⁵.

К этой номенклатуре относится также термин *судья* или *судья, судья земли* ⁷⁶. *Iudices* упоминается также в окружении Святоплука ⁷⁷ и нельзя предполагать, что речь идет одновременно о жупанах. «Закон судный людем» употребляет эти термины в разных значениях. Автор перевода «священного писания» употребил термин *паты* там, где на соответствующем месте Вулгаты употребляется *satrapae, magistratus et iudices* (Dn. 3, 2). *Iudices* мы находим также в письменных источниках Хорватии и Болгарии; *судъ, судъ и правда* также на Руси ⁷⁸.

К военно-административной номенклатуре несомненно относится термин *дружина*, по своему содержанию довольно широкий ⁷⁹. Упоминается, например, *дружина* Константина Философа ⁸⁰. *Другъ* из окружения Святоплука ⁸¹, о котором нельзя точно сказать, назван ли им *socius* или член комитета правителя ⁸². Термином *дружина* в IX в. обычно называют военный отряд: и *сумсжиша съ дружина (ъ судовѣа) при строителствѣ ео* (Spr. 885, 26); *прѣдъборникъ быкъ дружинѣ своєи — τὸν συστρατιωτῶν μου* (Spr. 99, 28); Вацлав в Чехии *причиникъ съ дружиною своєю*, где *дружина* была идентична определению «чехи» ⁸³. *Milites* упоминаются как сопроводение Ростислава ⁸⁴, но неизвестно, шла ли речь о дружине или военном сопроводительном отряде. Так же и в следующем отрывке: *Скатоцлакъ съ кси сконми* ⁸⁵; термины *miles, στρατ ὡτης*, *книж* адекватны. Это дает возможность провести сравнения с терминологией других источников, в том числе со второй старославянской легендой о князе Вацлаве и ее латинским оригиналом Гумпольдовой легендой. Так, например, в главе 10 указывается: *мѡѡ дружино и отрокъ мѡнѡ слѡуги — amici vosque familiares clientuli* ⁸⁶, гл. 13: *воларъ свое и дружиноу — militum et amicorum*,

⁷² H. Łowmiański. Początki Polski, t. IV, Warszawa, 1970, s. 48.

⁷³ R. Büttner. Die Supane der österreichische Donauländer. Archaeolog. Austriaca, t. 17, 1955, s. 69n; J. Gruden. Slovenski župani v preteklosti. Ljubljana, 1916, B. Grafenauer. Ustoličivanje koroških vojvod a država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952, s. 487n, L. E. Ha v í k. Slované ve Východní marce, v. 9—11, stol. «Slavia Antiqua», r. XI, 1964, 286 n.

⁷⁴ См. «seniores villarum, quos lingua sua supanos vocant», Cod. dipl. Saxoniae reg. t. I, 1889, № 446.

⁷⁵ V. Brandl. Glossarium illustrans bohémico-moravicae historiae fontes. Brno, 1876, 302n.

⁷⁶ «Закон судный людем», MMFH, t. IV, s. 178, 184, 185.

⁷⁷ MMFH, t. III, s. 208, Ep. № 90.

⁷⁸ См. Responsa pp. Nicolai I. ad consulta Bulgarorum, № LXXXVI, MMFH, t. IV, s. 96; «Повесть временных лет», год 1015. Источники упоминают и в Моравии требование о «добрых законъ», *orda legis* или «правдоу» (MMFH, t. II, s. 98, 128, 144). Этими законниками была, например, моравская редакция «Закона судного людем», «Заповеди святых отец», — сборник церковного права *Collectio Dionysiana*, переведенная архиепископом Мефодием «Синагога» (помоканон), Схоластика, MMFH, t. IV, s. 147n, 137n, 113, 205n.

⁷⁹ О дружинах см. H. Łowmiański. Początki Polski, t. IV, s. 171 n.

⁸⁰ Житие Константина, гл. VIII, MMFH, t. II, s. 79.

⁸¹ Житие Мефодия, гл. XI, MMFH, t. II, s. 156.

⁸² A. Vaillant. Une homélie de Method. Revue d. Et. slaves, 23, 1947, s. 41 n.

⁸³ См. «Slovník» t. I, s. 518 *прим'шоу же посемъ кнежанна велкина неправды князю Болеславоу и лютестью его на вѣрнѣхъ дружиноу... погоуби все. Житие Вячеслава 20,7; сез'ва кси болары свои и дружиноу в' пластоу, Житие Вячеслава, 13,8.*

⁸⁴ *Rastiz cum militibus*, Ann. Fuld. MMFH, t. I, s. 102.

⁸⁵ Житие Мефодия, гл. XI, MMFH, t. II, s. 156.

⁸⁶ Подобное определение есть и в *Christiani mon. Vita et passio s. Wenc. c. 3.*

о дружине вѣрных — o amici fideles, гл. 19: дружина — socii, на вѣрных дружинсу — in catervas fidelium. Термин дружина часто встречается в «Повести временных лет», где различается большая дружина (вассалов, богатых — друзга богатъ у Святошлука) и малая дружина, которую составляли стрски, слуги (pueri, clientes, familiari), т. е. лица, которые служили при дворе правителя или вельможки и имели при этом собственное хозяйство («огнищане») ⁸⁷. Из текстов «Повести» следует, что стрски, слуги соответствуют меньшей, личной дружине, но при этом следует, что дружину составляли лучшше, нарцише, мѣшши мѣужи, мѣужи его (т. е. правителя) иногда и в положении бояр ⁸⁸.

С институтом дружины в Моравии связан термин чадд иногда очень широкого значения. Мѣжи частыми чадд сопровождали Константина и Мефодия из Паннонии в Рим ⁸⁹, частыми чадд упоминается и у хазарского кагана ⁹⁰, прсга чадд является наименованием моравских славян, вложенным агиографом в уста Ростислава ⁹¹. Оумными чадд и княжна упоминается у сарацин ⁹². Нам кажется правильным предположение, что термин чадд в Моравии употреблялся более часто, чем дружина и касался дружины вельмож из окружения правителя. На Руси также употреблялся термин чадд в отношении дружины ⁹³.

Внимание исследователей привлекли также два термина, которые упоминает в связи с Моравией «Закон судный людем»: кзметчи(ци) или прсстии мѣдѣ. В тексте «Эклоги» в этом месте говорится об ином: только об архонтах, выдвинувшихся в бою (тит. XVIII) ⁹⁴. Определение кзметч, на наш взгляд, очень близко греческому термину *κρίμας* (мн. ч. *κρίματες*) ⁹⁵, если учесть предшествующий и последующий текст «Закона» (тит. 3), где говорится о жупанах и народе, который подчинялся князю или воеводе, и в особенности текст «Эклоги», где вместо кзметчхз «Закона» говорится об архонтах. Дальнейшую связь можно найти в номенклатуре византийских военных званий, как они даны в «Тактике» Леона (тит. 4, § 6): *ὁ στρατηγός, μετάρχοι, δροουγάρχοι, κρίματες, πεντάρχοι, δεκάχοι* ⁹⁶. «Кметы» здесь, по всей вероятности, отвечают положению «центархов», известных в истории начала IX в., *vicarii* — в Восточной марке, «сытников», «сатников» или «сетников» ⁹⁷ — в Хорватии и Сербии. Речь шла об органах военно-адми-

⁸⁷ «Повесть временных лет», год 945—947, 971, 980, 996, 1015, 1019.

⁸⁸ «Повесть...» год 882, 912, 944—946, 971, 988: лучшше мѣужи прямо отождествляются с дружиной, а также мѣужи его, год 945.

⁸⁹ Житие Мефодия, гл. VIII, ММФН, т. II, с. 150.

⁹⁰ Похвальное слово Кирилу и Мефодию, ММФН, т. II, с. 171.

⁹¹ Житие Мефодия, гл. V, ММФН, т. II, с. 144.

⁹² Житие Константина, гл. VI, ММФН, т. II, с. 71.

⁹³ «Повесть...», год 988, 1024, 1069, 1095—1096; здесь термины нарчатага чадд, ашшиа дружина, старам чадд определяют бояр; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., стр. 264.

⁹⁴ ММФН, т. IV, с. 180.

⁹⁵ Довольно неправдоподобным кажется взаимосвязь с греческим определением *κρίματες* (крестьянин). V. P r o s h á z k a. Velkomoravská říše, s. 779.

⁹⁶ D u C a n g e. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis, I, 333.

⁹⁷ См. F. K o s. Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku, т. II. Ljubljana, 1906, с. 24. (к г. 804); ММФН, т. IV, с. 115 (года 903—906); викарии принадлежали к побилитету. По австрийским данным, центархи или скулдасы по своему общественному положению находились между графами (*comes*) и деканами (*decanus*); в других источниках приводится также *iudex*; см. L. E. H a v l í k. Slované ve Východní marce v 9.—11. století. Slavia Antiqua, XI, 1964, с. 286. Такое же положение занимали и седники *id est centuriones* в Далмации, *Regnum Sclavorum*, с. IX, ММФН, т. I, с. 243—244; *qui recte ac iuste populum iudicarent et tributa acciperent*. Баны имели в своем подчинении семь седников, *supanus, comes, qui cum eo similiter iudicarent populum cum iustitia*. См. К. Й и р е ч е к — (Й. Р а д о н и ћ). История Срба, I. Београд, 1952, 79. О сословии сатников в Далмации говорит «Винодольский статут» (вступление, гл. 26,

нистративного характера, подчиненных жупану, которые должны были помогать ему при собирании дани и в судах. На Руси термин *кметъ* означал практически члена дружины — *мѣшние мѣужи: сего соуца кметче мсуче. Мсужин бо на дщицкѣ и ксаше сега; Тареваскын княза Изгосусун и нинѣхъ кметини мсасдѣхъ, сравнить: и паде о стѣ кметастка* в первой Новгородской летописи согласно Синодальной рукописи, в то время как Академическая рукопись указывает вместо *кметастка* — *докрсменни мѣхъ* (людей)⁹⁸. Термин этот появляется также и в «Слове о полку Игореве»: *И мси ти ксучели ксѣдси кмети, гсдѣ трсубами покити, гсдѣ шеслмоу кзакѣкѣни, концѣ ксипи кзакрѣмени...* Иногда его отождествляют с термином *кигкѣзъ*, носитель которого провозглашал «витем» (т. е. знаменем войны) военную готовность⁹⁹. В целом на Руси термин *кметъ* встречается очень редко и свидетельствует скорее всего о заимствовании из западнославянской среды, где он удержался очень долго. Мы находим его, естественно, в Моравии (*barones et kmetones sive seniores Moraviae*). В Чехии тоже бытовал термин *кмет* в связи с земским судом (*universis smettonibus, baronibus seu nobilebusque regni Bohemiae*). В обеих землях и позднее, в средневековье, представители древнейших родов аристократии — панов, а также сословия владык всегда различаются от остальных жителей (сравни: *duos kmetones de circumsedentibus villis*; в грамотах также подчеркивается различие «людей и кметов наших и крепостных в нашем селе»). Весьма примечательна связь этой терминологии с земским правом¹⁰⁰. Свое привилегированное положение «кметы» удерживали очень долго и в Польше (*honorabilis kmetho noster et miles, comes B.; kmetho noster comes L.; fidelis kmetho noster*), где определение *miles* отвечает моравскому и чешскому «владыка»¹⁰¹. На Балканах, например, в Дукле, кметами называли старейшин свободных; встречается этот термин и позже на территории Сербии и Далмации¹⁰². Однако центром, где чаще всего он употреблялся в IX в., была Центральная Европа, и в частности Моравия.

Этническо-политическое определение *Моравские* (например, *Глатопѣлкѣ княза съ ксѣми Моравкани или събравкани же кѣса мѣди Моравкскѣхъ*)¹⁰³

61), упоминается сатник града (гл. 5) и указывается, что сатник, грашчик, бусович подчиняются «закоу и правде кметской», Н. J i g e ě k. Svod, 389—400.

⁹⁸ «Повесть...», год 1075, 1096.

⁹⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 18. В области Саксонии в XII в. упоминаются *in equis servientes, id est withasii*, по иерархии находившиеся между жупанами и литами-смердами. Codex dipl. Sax. reg. I, № 446. Термин перешел в венгерский язык: *vitéz*.

¹⁰⁰ Примеры приводит V. V r a n d l. Glossarium, s. 93—97. О положении кметов в северной Венгрии (Словакия) см. V. C h a l o u p e c k ý. Staré Slovensko. Bratislava, 1923, s. 224, который высказывал мнение о тождественности терминов *iobaqiones* и *centuriones*. Как в Чехии, так и в Венгрии кметы впоследствии относятся к категории свободных предводителей сел, а в XVI в. их положение в иерархической лестнице становится еще ниже. См. P. Ratkoš. Počiatky, 263 прим. 73.

¹⁰¹ A. G a s i o g o w s k i. «Słownik starożytności słowiańskich», № 11, s. 429

¹⁰² В XV в. в Сербии упоминаются кметы как «добрые люди». К. И р е ч е к. (И. Радонић). История срба, I, 272, 279. О кметах говорится и в «Винодольском статуте», где различаются кмет, обчиник (ст. 17), благородный (ст. 54). Кмет подчиняется князю-кнезу (ст. 75, 17) и тот, кто его убьет, должен уплатить довольно высокий штраф, 100 гривен (ст. 31). «Закоу и правде кметской» или «закоу кметчскъ» (ст. 25) подчинялись также сатники, см. Н. J i g e ě k. Svod zákonův slovanských. Praha, 1880, s. 389—400. И напротив, кметич (кметович) в более позднем Полицком статуте полностью соответствует греческому *κωμῆτης* (крестьянин). Кметич здесь выступает после 1400 г. как человек, зависимый от «господара» и занимающий в иерархии следующее место: властел, дедич, кметич, влашич. Там же, стр. 40—436. Также см. Б. Д. Греков. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951; е г о ж е. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.—Л., 1948, стр. 40—46.

¹⁰³ Житие Мефодия, гл. X, XII, MMFH, t. II, s. 154, 157.

лат. Marawi, Marvani, Maravenses, Margi, Marharii, Maravoni, Marahenses, Marahi, Μοραβίται и др. означало народность мораван, в первую очередь их представителей из высших, привилегированных слоев и только потом остальных свободных. Об этом свидетельствует и сообщение о том, что с ними советовался Ростислав: *сѣкѣта сѣткѣри сѣ кѣнази сѣоими и сѣ Моравляны*¹⁰⁴. Более широкое объяснение дает определение *мѣдѣ наши, мѣдѣ Моравыци, кѣси мѣдѣ стѣранѣ Моравскыи*¹⁰⁵. Нам кажется, что определению *мѣдѣ Моравыци* в большинстве случаев в папских документах соответствуют термины *populus* (т. е. *Maravorum*), означающий «верный народ Святоплука», *populus terrae tuae* при четком различии значения терминов *populus*, с одной, и *primates, nobiles viri*, с другой стороны. С этой точки зрения представляет интерес сравнение «Жития Константина Философа» и «Жития Мефодия» с номенклатурой писем папы, где вместо терминов *кѣнази* и (*чѣстѣнии, чѣстики*) *мѣжи* появляется термин *nobiles viri, primates*. Вместо термина *Моравляне* или *мѣдѣ Моравыци* появляется определение *totius populus tuus omnis* или *reliquus populus terrae tuae* (т. е. Моравия)¹⁰⁶. Термин *populus* обычно определял привилегированную в социальном отношении группу. В отношении термина *люде Моравыци* еще не установлено, касался ли он только привилегированных слоев или остальных свободных жителей также. О существовании последних говорит термин *simplex, populus*, которым определялся простой народ Моравии в папском письме в отличие от привилегированных *populus tuus* (т. е. Святоплука), а также термин *прѣстѣни мѣдѣ* в «Законе судном людем», который является прямым эквивалентом указанного латинского определения. К идентификации этой категории жителей мы вернемся позднее.

Нет нужды подчеркивать, что большая часть терминологии относится к правящему классу моравского общества. Должностные лица, определяемые термином *старѣшина*¹⁰⁷, известны были, например, на Руси как: *старѣци градскыи, старѣшинѣи градскыи, града, где их социальное положение определено в следующем порядке: вѣмѣры сѣое и послѣдники, старѣшинѣи по кѣсам градомѣ и мѣди*¹⁰⁸. Затем на Моравии появляются термины *начальники и кѣжда*¹⁰⁹. Большую часть представителей моравского господствующего класса можно определить как *богатѣи*¹¹⁰, которые все принадлежали к категории, имевшей свое *имѣние* или *proprium, proprietas*¹¹¹. Данные о такой собственности в IX в. в Подунавье встречаются весьма часто. Указывается, например, о *proprietas* Прибины в Нитре в 828 г., о его *proprietas* в Паннонии в 847 г., о *proprietas* Виттимара в 865 г., и о *proprium* Унзата в княжестве Коцела. Под 860 г. упоминается *proprietas* в Салониугин, под 861 г. *res* которую имел Коцел in villa Wampaldi cum *territoriis et vineis, pratis, et silvis, hereditas* Коцела возле Стромогина (до 859 г.), Регинвартесдорфа и Росдорфа cum *terra aratura, vineis, atque pratis, pascuas, aquis, aquarum decursibus, molendinis*. Можно указать

¹⁰⁴ Житие Константина, гл. XIV, ММФН, t. II, s. 98. Вместо мораван указывает ся сѣ боярми.

¹⁰⁵ Житие Константина, гл. XIV; Житие Мефодия, гл. XII, XVII; Похвальное слово Кирилу и Мефодию, ММФН, t. II, s. 99, 157, 161, 173.

¹⁰⁶ ММФН, t. III, s. 200—203, 218, Ер. № 90, 101.

¹⁰⁷ Житие Константина, гл. XII, ММФН, t. II, s. 96.

¹⁰⁸ «Повесть...» год 983, 987, 994, 996.

¹⁰⁹ Житие Константина, гл. X, ММФН, t. II, s. 86, 90; «Slovník», t. I, s. 207.

¹¹⁰ Хотя здесь идет речь о различии от бедных в библейском смысле, тем не менее нельзя отрицать его функциональную правомерность в моравской среде.

¹¹¹ К понятию *имѣние* относились все, села, дома, поля, леса, виноградники, деньги, рабы, кони, скот и т. д. «Закон судный людем», тит. 1, 4, 5, 8, 9, 10, 14, 15, 21, 22, 23, 25, 26, 29, 30. ММФН, t. IV, s. 178, 181—182, 185—188, 191—194, «Заповеди святых отец», тит. 6, 27; *ibid.*, 139, 142; см. также Номоканон, *ibid.*, 243 п.

также на *proprietas* славянского вельможи Йозефа (около 900 г.) на правом берегу нижней Кампы¹¹². Очень древними владениями на территории Моравии были посевы Богуны (село), Предславьград (*Brezalausburgh* 907 г.), Беспримь, Држежье село, Стражье село (*villa spectaculi*), Ловентинград (*Laudentenburgh*), Подивин и др. Происхождение такой формы частной собственности на землю, возникновение имений (*sela, villae*), дворов (*curtes*), укрепленных поместий (*castella*) связано с распадом сельских общин и имущественно-социальной дифференциацией, корни которой тянутся в предшествующих столетиях. Таким путем общинники превращались в зависимых людей силой государственной власти, а общины включались в административную, налоговую и судебную систему правителя и государства. Но необходимо различать родовые (наследственные) владения правителя и вельмож и полученные путем отчуждения общин в пользу правителя (так называемое окняжение)¹¹³, и собственность, которую его «вѣрнии» получали за их службу, сначала только условно. С течением времени такие бенефиции превращались в аллод и становились основой имения феодала или расширяли его владения. Классическим примером, хоть и в Паннонии, является получение Прибиной в 847 г. *in proprium totum quod prius habuit in beneficium*¹¹⁴.

Несмотря на то, что различение категорий богатии, с одной стороны, и оубозни, с другой, так же как *скобсдани* и *раби*, т. е. имущественное и социальное, имеет в литературных памятниках часто топиический характер¹¹⁵, нельзя объективно отрицать, что такие группы населения в Моравии IX в. существовали в действительности. Об этом свидетельствуют археологические исследования и другие памятники. Не исключено, что со временем можно будет различать и тройную ступень экономической зависимости члена общества: *частанъ богатѣткъма скоима* был тот, которого можно считать в полном значении слова *богатъин*, о менее богатых говорилось: *подобанъ негъа*; о немущем *нища егъа*¹¹⁶. Существование противоположных классов на Моравии подтверждают в особенности два термина. Первым из них является *госпадъ, господинъ* (*χόριος, dominus*)¹¹⁷, и определял обычно имущего какой-либо иерархической ступени, начиная от бога и кончая собственником одного пленного или раба¹¹⁸. Противоположным термину *господин* был термин *раба* (жен. *раба*)¹¹⁹. Это были все те, кто имел своего господина в светской или духовной области (например, священник, епископ были *раба* *вожи*, папа именовался *раба* *рабсма*. Мефодий тоже служил брату как *раба* что нельзя понимать буквально)¹²⁰. Классовое противостояние господина и раба выразительно выступает при сравнении некоторых отрывков старославянских текстов священного писания и текстов Вулгаты: *нѣгъа раба воли господина скоего* (*Ostr.*) — *non*

¹¹² *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, с. 11, 12, 13, MMFH, t. III, s. 312—322; *ibid.*, Dipl. č 26, 28, 31, 53; L. E. H a v l í k. *Slované ve Východní marce 269 n., Panonie ve světle franských pramenů 9. století*. «*Slavia Antiqua*», XVII, 1970, s. 10—21.

¹¹³ См. Л. В. Черепнин, А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Пути развития феодализма. М., 1972, ст. 152.

¹¹⁴ MMFH, t. III, Dipl. № 20.

¹¹⁵ Л. Билкова, З. Фиала, М. Карбулова считают, что на основании этих топонимов нельзя реконструировать социальные отношения. L. Bilková, Z. Fiala, M. Karblová. *Altmährische Terminologie* 333, pozn. 17.

¹¹⁶ «Закон судный людем», MMFH, t. IV, s. 185.

¹¹⁷ «Закон судный людем», тит. 1, 5, 18, 25, 30 — к тит. I в «Эклоге» нет примеров для остальных: тит. XVII/22, XIV/2—3, XVII/12, 17. MMFH, t. IV, s. 178, 182, 190, 192, 195; Номоканон, тит. 33, 34, 427. MMFH, t. IV, s. 313—315, 318, 259, 342.

¹¹⁸ «*Slovník*», t. I, 424 n.

¹¹⁹ Например, Житие Константина, гл. III, IX, XII. MMFH, t. II, s. 65, 81 95.

¹²⁰ Житие Мефодия, гл. IV, VIII; Похвальное слово Кирилу и Мефодию, MMFH, t. II, s. 143, 148, 172.

est servus maior domino suo (J. 13,16); никотеры же раба не можетъ дѣломъ господиномъ работати (Zogr.) — nemo servus potest duobus dominis servire (L. 16 13); се яко очи раба къ рожку господенъ синихъ (Sin.) — sicut oculi servorum in manibus dominorum suorum (Ps. 122, 2); якоу кѣтъ подѣ шѣла раба еста господи класки части доустиноу да ткората (Christ., Šiš.) — quicumque sunt sub iugo servi dominos suos omni honore dignos arbitrentur (1. Т. 6, 1) раба на причѣтъ не велимъ прикходити безъ комѣ якоу господина¹²¹. Господини владели целыми селами (praedium vel domus) т. е. именьями, дворами, поселениями¹²², рабами. Раб не имелъ права давать показанья ни за господина своего, ни противъ него. Господинъ раба, который воровалъ, долженъ былъ вознаградить пострадавшему ущербъ вплоть до того, что отдавалъ указанного раба в работу скраденному. Похищенного раба необходимо было возвратити или дать господину другого раба или же возместити его стоимость. Свободного можно было продать или поработити но за это инициаторъ долженъ былъ самъ войти в работу¹²³. Следовательно, рабъ резко отличался своимъ социальнымъ положениемъ и несвободой (правовой, политической, личной и экономической зависимостью) отъ господина. Возникаетъ тогда вопросъ, в какомъ положеніи была эта категория населенія Моравии. Античный терминъ servus, который появляется в «Вулгате» какъ адекватный, в средневековье приобрелъ иной характеръ, соответствующій феодальной среде. В среднемъ Подунавье онъ означалъ в IX в. крепостного с собственнымъ хозяйствомъ, который платилъ своему хозяину census¹²⁴. Наиболее близкимъ соответствіемъ термину рабъ можно считать определение невольникъ¹²⁵, а изъ сравненія отношеній на среднемъ Дунае следуетъ, что речь шла о категоріи, которую латинские источники определяютъ какъ mancipia. О манципахъ в IX в. в Подунавье говорится какъ о продаваемыхъ неимущихъ и бесправныхъ людяхъ, которыхъ вывозили на рынки в Восточную марку и тамъ продавали: мужчину по цене жеребца, а женщину по цене кобылы. Здесь также говорится о рынкахъ моравян. Манципий в Восточной марке составляли, какъ правило, челядь и работники (familia) в именьяхъ и дворахъ пановъ. Они продавались отдельно или с именемъ, в которомъ работали. В IX в. манципии изъ-за недостатка сервовъ (после опустошенія земли мадьярами) закреплялись на участкахъ какъ колонны и превращались в сервовъ¹²⁶. Такое положеніе, характерное для славянъ Восточной марки, нельзя автоматически переносити на Моравию, но следуетъ при этомъ учесть, что Дунай не былъ непреодолимой преградой для двухъ мировъ. Раффельштеттенскій тарифъ и «Законъ судный людемъ» свидѣтельствуютъ о существованіи манципии и на северъ отъ Дуная. В «Эклогѣ» термину раба соответствуетъ определеніе δοῦλος δοῦλη, которое означало невольниковъ, используемыхъ в сельскомъ хозяйствѣ, ремесленномъ производствѣ, несвободныхъ, не имевшихъ какой-либо собственности¹²⁷. Такимъ образомъ намъ удалось идентифицировать определеніе раба на Моравии с категоріей невольниковъ, называвшихся в Паннонии mancipia.

¹²¹ «Slovnik», t. I, s. 424; Номоканон, тит. 33. MMFH, t. IV, s. 256, 313—314.

¹²² «Законъ судный людемъ», тит. 1, 15; MMFH, t. IV, s. 178, 187; Cod. iuris civ. Rom. I, L, тит. XI/7—8.

¹²³ «Законъ судный людемъ», тит. 5 (Ekloga, tit. XVII/22), 4, 18 (Ekl. XIV/2—3), 25 (Ekl. XVII/12), 30 (Ekl. XVII/17), 29 (Ekl. XVII/17), MMFH, t. IV, s. 181—182, 190, 192, 194.

¹²⁴ L. E. Havlík. Slované ve Východní marce, 275 n.

¹²⁵ Определеніе отрокъ, отроца, наряду с определеніемъ подростковъ, имело, очевидно, и другое значеніе, относившееся къ челяди (см. clientuli) см. примеч. 86—88. Сравни местные названія Отроковице, Отроковце и т. д.

¹²⁶ См. Inquisitio de theloneis, гл. I, IV, VI, VII; MMFH, t. IV, s. 116—119; L. E. Havlík. Slované ve Východní marce, s. 275—281.

¹²⁷ Е. Э. Липшиц. Эклога. М., 1965, стр. 33, прим. 128.

Более трудная задача — интерпретировать термин *простии людѣ*, о котором говорилось выше. Он встречается, например, в «Законе судном людем» (тит. 3), где, по всей вероятности, формулировка дополнена в моравской редакции. Термином, соответствующим ему в латинских текстах, является определение *simplex populus*. Стоит обратить внимание и на тот факт, что термин *простии* перешел и в венгерский язык в форме *paraszt* в значении крестьянин. Сам термин *людѣ* — *homines* первоначально был определением юридически, лично и имущественно свободных жителей. С превращением страны в патримониум правителя и усилением государственной власти они постепенно превращались в юридическом отношении в зависимых от государственной власти, правителя и его аппарата, оставаясь при этом лично свободными и экономически независимыми¹²⁸. Ему они должны были платить налог (согласно «Закону» *сборка*) и выполняли некоторые повинности. Является спорным, можно ли относить к ним такой институт, как служебные поселения *Hrdčari* (Грнчары), *Štitary* (щитары), *Tešágy* (плотники) и др.¹²⁹. Жители этих поселений были связаны с двором правителя и позднее становились его *дворниками* (венг. *udvarnok*)¹³⁰. *Простии людѣ*, составляли большую часть населения Моравии, основную и самую крупную производственную группу. Они упоминаются и на территории к югу от Дуная, где под 828 г. говорится о *proprietas liberorum Sclavorum*, под 853 г. — *liberi Sclavi* или в 904—906 гг. — *Sclavi*, у которых было свое хозяйство так же, как и у славян в низовье реки Эннс в конце VIII в. Со своего земельного участка они платили правителю (в данном случае баварскому герцогу) *iustum tributum* или *opus fiscale*¹³¹. Эти *простии людѣ*, *скосбдани* составляли во время войны пехоту, как об этом говорится в «Законе»¹³², подлежали судам правителя, пользовались наследственным правом на свое хозяйство и только дальнейшее внеэкономическое принуждение, связанное с возникновением бенефиция как награды за службу, превращало их зависимость в крепостную.

В Древней Руси подобная категория населения известна под названием *смерды*. Они жили в волости правителя или удельных князей. Только в процессе феодализации *смерды* становились подданными князя и бояр и лично зависимыми, хотя и оставались экономически независимыми. Они становились крепостными или *смердами* второй категории зависимости¹³³. По свидетельству «Повести временных лет» узурпация киевскими князьями земельной собственности произошла, например, у древлян, кривичей, словен до середины X в. одновременно с установлением административной и судебной власти князя. Этот процесс во владениях киевских князей продолжался еще во второй половине X в., хотя у полян и северян он относится к более древнему периоду¹³⁴. В какой степени осуществился этот процесс

¹²⁸ А. А. З п м и н. Памятники русского права, вып. I. М., 1952, стр. 99; Л. В. Ч е р е п н и н. Пути развития феодализма, прим. 167.

¹²⁹ R. K r a j č o v i č. K otázke sociálneho rozvrstvenia staroslovanského etnika na Slovensku. Sloven. národopis, IV, 1956, 377—383; id., Počiatky feudalizmu u nás vo svetle jazykových faktov. «Historicky časopis», IV, 1956, s. 222—234; Najstaršie zamestnania v Tekove, Honte a Novohrade vo svetle historickej toponymie. «Sloven. národopis», XI, 1963.

¹³⁰ M. K u č e r a. K problemu včasno stredovekej služobnej organizácie na Slovensku v 10.—12. stor. «Historicky časopis», XII, 1964, 552n.

¹³¹ ММФН, т. III, Dipl. № 1, 9, 22, 103; IV, 117 n.

¹³² «Закон судный людем», тит. 3; «Заповеди святых отец», тит. 22 (прость людинъ), ММФН, т. IV, s. 180, 141.

¹³³ Л. В. Ч е р е п н и н. Пути развития феодализма, прим. 176.

¹³⁴ «Повест...», год 947; I Новгородская летопись. Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 79, 304—305; Л. В. Ч е р е п н и н, А. Н. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 146—152; Л. В. Ч е р е п н и н. Пути развития феодализма, прим. 149.

в Моравии в IX в., т. е. перешла ли часть населения ее в более глубокую форму зависимости в связи с увеличением личного имущества правителя, удельных князей и вельмож или в рамках бенефиций, из источников по истории Моравии установить нельзя. Но в среднем Подунавье существование категории лично зависимых людей, т. е. крепостных, бесспорно. Источники называют их *servi*. Славяне, принадлежащие к этой категории, упоминаются в 828 г. в жупе Грунцвита, где они платили *sensus* графу жупы; другие *servi* славянского происхождения принадлежали кремсмонстерскому аббатству¹³⁵. Весьма характерен для определения положения простых людей первой и второй категории, т. е. свободных (*liberi*) и крепостных (*servi*) и возможности перехода первой категории во вторую документ конца VIII в. Он касался славян, плативших трибут баварскому герцогу. После донации земли, которую они обрабатывали кремсмонстерскому аббатству, баварский герцог предложил им выбирать, или оставаться на месте в качестве крепостных (*servi*) монастыря, или уйти в другое место, чтобы быть свободными: *Si vero illi Sclavi rectum censum et laudabile servitium facere voluerint, terram illam possideant, sin autem, liberi descendant*¹³⁶. Есть и другие примеры, когда вследствие донации земельных участков свободные славяне становились цензуалами (в 832, 853 гг.)¹³⁷. При этом имело значение, дарил ли правитель что-то из своего хозяйства (*villa, curtis*, т. е., *res ad ius regium pertinens, res iuris nostrae*) или из фискального *cum mancipiis atque manentibus* или земли, с находившимися там и ведущими хозяйство *servi*¹³⁸.

Существует еще несколько терминов старославянской номенклатуры, которые следовало бы упомянуть. Это, например, *свободникъ* отпущенный на свободу¹³⁹, *слуга*, упоминаемый в связи с Константином Философом, которому он готовил пищу, но при этом Константин сам говорил о себе как о *слуга цѣсарю*¹⁴⁰. Как указывалось выше, термины *слуга* и *отрокъ* относились к лично свободным, обслуживающим двор правителя и вельмож, у которых, в случае необходимости, они выполняли и военную службу. Во всяком случае речь шла о термине, определявшем подчиненное положение (в венг. *szolga, györ* — лат. *serviens castris*). Из источников мы узнаем о терминах *дѣлжникъ* (в венг. — *dolgozni*) — определение человека, имевшего долг, *мазѣжникъ* — человека, работающего за плату, а также, согласно «Закону», пленного (*пѣнникъ*), который должен был свою стоимость отработать за годовую плату (*мазда*) в размере трех стъяз (*стаглаза* — *solidus, воѣсма*). В «Эклоге» (тит. VIII/6) плата не была определена. При этом «Закон» оценивает работу пленного на одну треть дороже, чем «Новелла» (No. 100) Льва VI: *mercede quotannis binis solidis aestimanda*¹⁴¹. Уже в IX в. встречается термин *доушникъ* (*ψόχαιρον*, в

¹³⁵ MMFH, t. III, Dipl. № 9.

¹³⁶ MMFH, t. III, Dipl. № 1 a 103.

¹³⁷ MMFH, t. III, Dipl. № 12, 22.

¹³⁸ MMFH, t. III, Dipl. № 22, 28; Здесь следует упомянуть, что к трем доминикальным ланам (т. е. три раза по 48 га), которые были до их дарования Кремсмонстерскому монастырю во владении двух славян, принадлежали в 888 г. обрабатываемые и необрабатываемые земли, луга, пашни, пастбища, леса, воды, виноградники, дороги, движимое и недвижимое имущество. MMFH, t. III, Dipl. № 43. Из сравнения мер следует, что мера, называемая «радло» или *aratrum slavicum* имела приблизительно 60 аров, а «плуг» или *aratrum magnum* вдвое больше. *Mansus sclavonicus* или *hoba slavonica* в среднем 12 га. L. E. H a v l í k. *Slované ve Východní marce*, s. 259—262.

¹³⁹ «Закон судный людем», тит. 18, 19 (Ekloga, тит. XIV/2—3, VIII/6), MMFH, t. IV, s. 190.

¹⁴⁰ Житие Константина, гл. VI, VII, XVIII, MMFH, t. II, s. 70, 75, 112.

¹⁴¹ «Закон судный людем», тит. 19, 20; «Заповеди...», тит. 32, MMFH, t. IV, s. 190—191, 143.

венг. — *dusnok*). Он означал человека, переданного на службу церкви *pro remedio animae* в положении раба или же крепостного ¹⁴².

Специальную тему представляет вопрос о налогах. Старославянскому термину *дана* отвечает скорее латинский *tributum*, который определял налоги, взимаемые со свободных. Термин *сврска* имеет более широкое значение, например: *каземажтѣ дана ли сврска* (*Mt. 17, 25; Sav. дальше R. 13, 7; Christ., Ochr., Mak.*); *привзигтѣкъ сврскою людскомоу имѣ* (*τῶν ῥογγῶν αὐτῶν*) (*ЗСЛ, тит. 3*); *него ради и дана (φάρουε) даете* (*R. 13, 6; Christ. Ochr., Mak., Šiš*); *къ заддите сѣбо кѣма дѣлѣи, ѣмоуже сврска, сврска, ѣмоуже дани, дана, (τὸ τέλος)* (*R. 13, 7; Christ., Šiš*); *христосъ ѣсть дана дѣлаѣ за сѣ и за инѣ* (*Житие Константина, гл., VI*) ¹⁴³. Интересно сравнение текста «Эклоги» (*тит. XVIII*), где говорится о получении налогов архонтом, и текста «Закона», согласно которому право получения оброка от населения принадлежало жупанам ¹⁴⁴. Жупаны собирали оброк в пользу правителя, как это было, например, в Хорватии ¹⁴⁵. То же наблюдается и в Моравии, что свидетельствует о превращении трибута в феодальную ренту, причем время осуществления этого процесса установить трудно. В Моравии налог собирался эндархически, о чем свидетельствует и сообщение Ибн Руста ¹⁴⁶. Нет данных о прямом консумировании налога, как это было у авар в VII веке или у восточных славян (полюдье). Форма налога была преимущественно натуральной и осталась такой же и в случае выплаты *sensus*. Только часть его оплачивалась различными работами. И напротив, феодальная рента рабов была исключительно отработочной. Наряду с эндархически собираемым трибутом, или феодальной рентой, существовали также трибуты, собираемые энзархически, как, например, *sensus*, который платили Святоплуку ежегодно сербы на Зале. Так же собирался и налог для князя из двух областей, которые хотя и входили в состав Великоморавской державы, но не были составной частью Моравского государства, находились только под его юрисдикцией.

Косвенные свидетельства есть и о церковной десятине: *кѣтѣхѣи во законѣ дати десѣтѣе келитѣ* (*Bes. 40, 321b, β18*); *ѣмоужеи десѣтѣиоу отъ кѣтѣхѣ стѣклѣи* (*Нв. 72; Christ., Slepč. Šiš*). *десѣтинѣ дѣжъ кѣгоу ѣлико прѣта зѣ* (*L. 18, 12; Zogr., Mar., As., Sav., Ostr.*) ¹⁴⁷ Он предназначался для духовных лиц и церквей, которые, по словам «Жития Мефодия» были *къ кѣхѣхѣ градѣхѣхѣ*; эти церкви и духовных лиц Святоплук в 873 г. отдал под управление архиепископа Мефодия ¹⁴⁸. Но моравская церковь и отдельные храмы получали десятину из собираемой феодальной ренты. Из баварской же петиции 900 г. мы узнаем, что временно, возможно до 855 г. или во время франкской оккупации 871 г., епископ из Пассау собирал на Моравии *tributum substantiae saecularis* ¹⁴⁹.

Обобщим наши наблюдения над социальной структурой древней Моравии на основании данных письменных источников. На самой низкой ступени общества стояли бесправные невольники, т. е. рабы, которые были

¹⁴² См. М. К у щ е р а. *Dušnici, najstaršia skupina poddanskeho obyvatel'stva na pašom území. Sborník fil. fak. Univ. Komen., Historica, IX/74, 1958, s. 165—179.* См. *φουχαρτσα у Konstantina, Porf., De administrando imperio, c. 32.*

¹⁴³ «Slovník», t. I, s. 463, t. II, s. 489.

¹⁴⁴ «Закон судный людем», тит. 3, MMFH, t. IV, s. 180. Но речь шла вовсе не о жоловании, как указывает чешский перевод, а также «Slovník», t. II, s. 489.

¹⁴⁵ «*Quas partes tributorum comites, id est supani, regi ut solverent, tertiam vero suo usui retinerent.* Regnum Sclavorum, c. IX. MMFH, t. I, s. 244.

¹⁴⁶ MMFH, t. II, s. 348; F. R a t k o š. *Počiatky*, 262 n.

¹⁴⁷ «Slovník», t. I, s. 476.

¹⁴⁸ Житие Мефодия, гл. X, MMFH, t. II, s. 154.

¹⁴⁹ MMFH, t. III, Dipl. № 109.

имуществом и рабочей силой в сельском хозяйстве, ремесле и других службах свободных вельмож или правителя. Это были, очевидно, те «убогие», «худые», «ничего не имеющие», как их характеризуют источники. Следующей категорией населения Моравии были «простые люди». Это был наиболее многочисленный слой земледельцев, а возможно и ремесленников, лично свободных членов сельских общин и жителей городов, которые в период войны составляли пешее войско и принимали участие в разделении добычи. Они зависели от правителя, которому платили налог — оброк, как феодальную ренту, и подлежали его судопроизводству. Из этой прослойки в процессе дальнейшей феодализации присвоенных патрициозной правителя и награждения вельмож и членов дружин за службу в форме бенефиция, выделилась категория зависимых — крепостных, о наличии которых на Моравии в это время мы не имеем прямых сообщений. К господствующему классу кроме правителя относились вельможи и другие должностные лица двора и государственного аппарата, имевшие в своей собственности или пользовавшиеся земельными владениями. Из сообщений вырисовывается не только определенная иерархизация взаимных отношений, а также систематизация зависимости на основании реальных субстратов, аналогичная менной системе и характерная для феодального государства.

В области административного управления для этого государства характерна была система жуп, т. е. областей с укрепленным центром (*градъ*), который соединял в себе военно-административные, производственные и торговые функции. В первой трети IX в. в бассейне Моравы, Дьи и Вага (т. е. на 40 тыс. кв. км) было одиннадцать жуп, позже на территории, охватывавшей и Потисье и северную Паннонию (на площади 120 тыс. кв. км), — тридцать жуп¹⁵⁰. Самым крупным среди них было поселение у современного села Микульчице (очевидно. *Rastizi urbs* Фульдских анналов и первоначально Моравы), затем поселение у Старого Места (Велиград). Другими такими центрами были Нитра (ва) Братислава (*Brezalausburgh*), Райград, Зноэм, укрепленные поселения у Страхотина, Оломоуца и др. Во главе этих областей были жупаны (*comites*), которые вместе с судьями, *къметы*, представляли административный, судебный и фискальный аппарат государства. Исполнительная власть была в руках военных дружин правителя, его жупанов *къметов* и вельмож, которые были *вѣрнии* правителю¹⁵¹.

Указанные отношения характерны для собственно древней Моравии, но не для областей, которые впоследствии были присоединены к государству мораван. Установление гегемонии мораван над ними требовало значительного уровня организации войска (*exercitus*, *coriae*, *con*, *plakъ*). О его количестве, тактике и стратегии источники упоминают неоднократно. Например, фульдский хронист с удивлением отмечает, что однажды он наблюдал, как оно проходило от восхода до захода солнца¹⁵². Первой ступенью зависимости и принадлежности определенной области в рамках государства мораван являлась экзархическая трибутарность, какой были обложены, например, сербы на Зале, приносившие дань в Моравию сами¹⁵³. По всей вероятности, она была связана с личной верностью их князей, какую ил-

¹⁵⁰ MMFH, t. II, s. 297. О территории древней Моравии и Великоморавской державы см. Л. Е. Н а в л и к. *Územní rozsah Velkomoravské říše v době krále Svatopluka. «Slovanské štúdie»*, t. III, 1960, s. 9—79.

¹⁵¹ MMFH, t. III, Dipl. № 90; об интерпретации этого *fidelitas* как раннефеодального политического союза с правителем см. V. V a n ě ě k. *Der Staat der Mährer*, in: *Das Grossmährische Reich*. Praha, 1963, s. 26.

¹⁵² См. Ann. Fuld, Ann. Bert, Ann. Xanten. MMFH, t. I, s. 93—94, 97, 99—108, 111—116, 74—75, 77—79, 68; Житие Мефодия, гл. XI, MMFH, t. II, s. 156.

¹⁵³ «Huic (sc. Zuentepulco)...quotannis solvitur census (multo tempore vel annis solvabatur)». — Thietmari Mers. ep. *Chronicon VI*, гл. 99, MMFH, t. I, s. 156.

люстрирует пример чешского князя Борживоя, а он не был единственным¹⁵⁴. Следующей ступенью присоединения было размещение военных гарнизонов и устранение местных князей и части аристократии, как, например, в Нитре или у вислян¹⁵⁵. Военные гарнизоны были, по всей вероятности, в Потисье и в Паннонии¹⁵⁶. Существование гарнизонов, собиравших налоги на оккупированной территории, т. е. эндархическим способом, свидетельствует о более тесной связи такой территории с государством моравян и о высшей ступени включения этой территории в их государственную систему. Нет прямых сообщений об остальных способах включения, и местные имена типа Моравце, Моравяни, Марот и др. в восточной Чехии, в южной Польше, на восток от Тиссы и в Паннонии говорят скорее всего о пребывании здесь моравских гарнизонов¹⁵⁷.

Несмотря на трудности, которые возникают в связи с изучением проблематики социальной структуры Моравии IX века, здесь можно говорить о раннем типе или начальных фазах классового феодального общества, для которого характерен не только институт феодального рабства, которое развилось из более древнего патриархального рабства, но и существование значительного количества лично свободных, хотя юридически и зависимых людей, являвшихся основной производственной силой государства. Обе группы представляли зависимые классы населения. Процесс феодализации в моравском обществе имел, очевидно, те же черты, что и у остальных славянских пародностей. В особенности следует обратить внимание на некоторые аналогии с хорватской и русской средой. Вместе с тем очевидны и некоторые различия, не только хронологического порядка, но и в номенклатуре — например, термины *чадъ*, *кзметъ* и др. встречаются только на Моравии. Это же относится и к некоторым институтам (например, *жуны*), характерных для моравской среды.

¹⁵⁴ «(Borivoi) quodam tempore negocii sui populi que sibi commissi causa ducem suum vel regem Zuentepulc Moravie adiit». *Christiani mon. Vita et passio s. Venc.*, c. 2.

¹⁵⁵ *Conversio Bag. et Carant.*, c. 10, *MMFH*, t. III, s. 310. *Житие Мефодия*, гл. XI, *MMFH*, t. II, s. 156: (neophyta gens, qua) ipse dux bello domuit et ex paganis christianos esse patravit, *MMFH*, t. III, Ep. № 109.

¹⁵⁶ *P. Mag. Gesta Hungarorum*, c. 11, 50—52; *Simonis de K e z a Gesta Hungarorum*, кн. II, гл. 23, 26, *MMFH*, t. I, s. 214, 236—237, 264, 266.

¹⁵⁷ См. *L. E. Havlík. Gens Maravorum*, s. 141.

Л. Н. БУДАГОВА

ОТ ЛИТЕРАТУРЫ АНТИФАШИСТСКОЙ К ЛИТЕРАТУРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

Исследуя современный литературный процесс в Чехословакии и Польше, можно проследить тяготение творческих сил к социалистическому реализму. Констатируя «синтезирующую силу нового искусства»¹, важно осознать те периоды или моменты, когда она проявляется особенно мощно, вовлекая в сферу своего притяжения представителей разных эстетических воззрений и творческих судеб. К таким этапам относятся и 30—40-е годы, прошедшие под знаком Сопротивления фашизму. Отряд социалистических писателей «первого призыва» периода Октябрьской революции и классовых битв начала 20-х годов, пополнился за счет писателей-антифашистов, вставших на новые идейно-эстетические позиции. Было бы большой натяжкой и упрощением связывать всех писателей-антифашистов с социалистическим реализмом. Антифашистская литература несравненно шире социалистической, так же как народный фронт антигитлеровского сопротивления шире его коммунистического авангарда. Но нельзя не видеть, что опыт борьбы стал для творческой интеллигенции большой школой жизни, уроки которой не прошли бесследно. Годы духовного или физического сопротивления фашизму стали той узловой станцией, тем стратегически важным километром, на котором стрелка истории подвела целый ряд индивидуальных творческих устремлений к магистрали искусства социалистического.

Прогрессивные писатели 30-х годов осознавали себя в едином строю борцов с наибольшим злом, которое когда-либо знала история человечества. Этому ощущению способствовала политика Коминтерна, разработавшего на VII конгрессе тактику создания народного фронта, направленную на сплочение демократических сил мира. Огромное значение имела деятельность Георгия Димитрова как героя и как организатора антифашистского движения. Он одним из первых дал открытый бой фашизму и выиграл его, как бы предсказав исход грядущего сражения. Победа Димитрова на процессе в Лейпциге способствовала разоблачению новоявленного варварства еще до Испании, Освенцима и Лидиц.

Коминтерн направлял деятельность национальных компартий, определял политику вовлечения в антифашистское и коммунистическое движение представителей самых разных творческих группировок. Этому внешнему, позиционному сплочению (писательские ассоциации, съезды и конгрессы в защиту культуры, которыми богаты 30-е годы) соответствовали глубинные процессы, происходившие в самой литературе. Политика Коминтерна была катализатором внутренних, назревших тенденций.

¹ Д. Ф. Марков. Генезис социалистического реализма. М., 1970, стр. 120.

Нарастающий антифашистский протест увлекал за собой писателей разных творческих поколений и взглядов. При этом что-то менялось в индивидуальном сознании каждого, перестраивалось в творческой мастерской. Грозная атмосфера 30-х годов — кризисы, переворот в Германии, война в Испании, наступление гитлеризма — создавала ситуацию, когда обострялись патриотические чувства, гражданские настроения.

Искусство встало перед необходимостью выразить свое отношение к суровой действительности, занять определенную позицию в водовороте событий и страстей. Подобно человеку, который в момент опасности мобилизует все свои душевные ресурсы, сосредоточившись на одной цели — побороть враждебную силу, победить в борьбе с нею, — так и искусство реализует весь свой гражданский потенциал, все свои «будительские» возможности на борьбу с реакцией. По сравнению с 20-ми годами в 30—40-е годы усиливалась содержательность художественного творчества, прояснялась политическая, антифашистская тенденциозность. В негласных спорах творческих ориентаций, эстетических систем и концепций — побеждала та, которая отвечала внутренней потребности осуждать зло, поддерживать силы прогресса, защищать попираемые законы человечности, а именно — концепция социалистического искусства, искусства боевого, активного, с подчеркнутой агитационной функцией.

В 20-е годы и в Польше и в Чехословакии много спорили о характере литературы в новом историческом периоде. Ряд авангардистских течений и группировок 20-х годов, пытаясь резко отклониться от эстетических традиций XIX в., ставят под сомнение общественную функцию литературы, ее способность существенно влиять на коллективное сознание. Мысль о необходимости «эмансипировать» искусство от общества, ограничить его функцию решением чисто эстетических задач, с разной степенью настойчивости и в разной аргументации звучит в манифестах чешского поэтизма и польского авангардизма. Поэтисты выводят концепцию «чистого искусства» из потребности общества в период развитого капитализма. Они считают, что лишь в средние века поэзия несла в себе философское и политическое содержание. Разделение труда обособило эти аспекты в самостоятельный род занятий, оставив на долю искусства лишь функцию эмоциональной забавы, чистого лиризма. Освобождение польского искусства от «учительского ядра», от общественного содержания связывалось со спецификой польской действительности после 1918 года. Предполагалось, что после достижения цели — национального освобождения — искусство может вздохнуть свободно, сбросив с себя «бремя общественно-патриотических проблем»².

И если в 20-е годы, исходя из концепций и литературной практики двух новых направлений — пролетарской литературы и авангардизма, еще трудно было оценить их перспективность и художественную отдачу, то в 30-е годы чаша весов теряет кажущееся равновесие, перевес оказывается на стороне революционной литературы. Авангардизм теряет своих сторонников. Социалистическое искусство приобретает их. В 30-е годы уозость авангардистских концепций, позволяющих решать какие-то частные задачи (поиски новой выразительности, новой образности, усиление творческой непосредственности и т. д.), но отвлекающих от постижения жизни в ее существенных противоречиях, — становится очевидной. Осознаются преимущества искусства полнокровного, содержательного, политически острого. Осознается общественная миссия искусства, весомость художественного слова, обновленного в процессе поиска, его мобилизующее воздействие. Творчество целого ряда писателей как бы стихийно подтягивается

² См. В. А. Хорев. Литература 1918—1944 годов. В кн. История польской литературы, т. 2. М., 1969, стр. 174.

на уровень искусства социалистического, соприкасается, совпадает, сливается с ним. Принципы его обретают большую практическую ценность, отвечают потребностям момента.

Интересным примером этих процессов может быть творчество Франтишека Галаса, поэта душевного кризиса и надлома, мобилизующего теперь боевые задатки своего таланта на борьбу с фашизмом.

Будьте как ритм походный тверды,
звучите солдатским мужеством,
слова, построенные в ряды
двенадцатым грозным ужасом

«Песнь ужаса». Перевод П. Железнова
(Сб. «Торс надежды», 1938)

Порывает с сюрреализмом Витезслав Незвал. Сборник «В пяти минутах от города» (1939) свидетельствует о возросшей коммуникативности стиха Незвала, о победе реалистической линии его творчества. Сложив с себя обязанности верховного жреца сюрреализма, Незвал уже не боится продемонстрировать близость своей поэзии к реалистической лирике, выражать «традиционные» патриотические настроения, сознательно расширяя сферу воздействия своего стиха. Незвал пытается не только подтянуть читателя до своего уровня, как подтягивал его всегда, широко комментируя необычность своих поэтических «ходов», но и приспособить свое искусство к широкому читателю, прибегая к уже опробованным, устоявшимся приемам. Реализм и тенденциозность, отрицаемые Незвалом в 20-е годы, как признаки дидактико-просветительского искусства, теперь отчетливо проявляются в его творчестве, являясь следствием чрезвычайно обострившихся демократических чувств, патриотических, антифашистских настроений. При этом Незвал не возвращается назад, не отказывается от достигнутого в годы поисков. Ассоциативность, свободная композиция, плюрализм впечатлений, многоплановость стиха, развитые в поэтический период, по-прежнему присущи его поэзии. Но все это вступает в реакцию взаимодействия с приемами выверенными и устоявшимися, работает с полной отдачей, наполняется большим содержанием.

Не только авангардисты (здесь можно привести примеры и из других литератур, например — Арагон и Элюар), но и представители критического реализма обнаруживают тяготение к социалистическому искусству. Антифашистские драмы Чапека «Белая болезнь» (1937) и «Мать» (1938) показали, например, что симпатии писателя явно сдвинулись в сторону воинствующего революционного гуманизма. В русле политической публицистики развивается творчество патриарха словацкой литературы Янки Есенского, который не был коммунистом и формально не принадлежал к социалистическому реализму. Но военный период его творчества, его стихи «на злобу дня», ведущие счет черным дням оккупации, объективно сближают писателя с этим направлением.

Грозовая атмосфера 30—40-х годов обостряет социальную зоркость, способствует превращению «аполитичного поэта» в «сына эпохи многотрудной». Эта поэтическая формула Юлиана Тувима из «Политических ямбов» выражает объективную закономерность, обретает значимость закона.

Разверзся ад, пришел в движенье
Весь свет, был путь открыт раздору.
Пустой банкрот — воображенье
Ко всем чертям пошло в ту пору.
В поход пошли людские толпы,
Пожар забушевал над светом,
И вылез из своей реторты
Я политическим поэтом

Перевод Д. Самойлова

Ту же мысль развивает Мечислав Яструн: «Давление истории отразилось на моей поэзии, до этого сугубо интимной... Во время оккупации я начал мечтать о новой поэзии, поэзии, которая охватывает все явления жизни, моральные проблемы времени, поэзии, ответственной перед историей»³.

Если не о переходе на новые позиции, то по крайней мере о сдвигах в поэтике можно говорить применительно к творчеству Грубина, Голана 30—40-х годов, к поэзии Кшиштофа Камиля Бачинского (1922—1944). Грубина и Голана в начале их творческого пути называли поэтами «переходного периода». Они как бы стоят вне школ и партий, одиноко погруженные в свое искусство, слабо связанное с социальным фундаментом. Теперь их индивидуальные миры соединяются с миром всеобщим, становятся его частицами, проникаются его страстями. Голан резко выступает против фашистского вторжения («Сон», 1939), контрастно сопоставляет два мира — Францию и СССР («Ответ Франции»), по-разному реагировавшие на трагическую участь Чехословакии. «Аполитичный» Голан намечает расстановку сил на политической арене, вплотную приближаясь к социальным конфликтам.

Франция, ты ликуешь, толпа пьянеет,
судорога пробегает по улицам.
А в это время спокойно звучат куранты
на Спасской башне.

«Ответ Франции»

А Франтишек Грубин в период оккупации пишет стихи, отражающие драматизм борьбы, героизм советских солдат («Лысычанск», поэма «Сталинград» и т. д.).

Существенные сдвиги в сторону общественной проблематики отмечают советские полонисты в творчестве Бачинского, переосмысляющего свою авангардистскую поэтику, осудившего «устарелое сгущение образов»⁴.

Усиление гражданственности в творчестве Грубина, Голана, Завады, Горы, Сейферта, Смрека, Жарого, Райзла, Ивашкевича, Тадеуша Боровского и многих других сочетается с усилением стихии реалистического и романтического искусства. Синтезирование разных художественных тенденций, происходящее на базе антифашистской проблематики (в творчестве отдельных художников и в рамках национальных литератур), — тех, что продолжили традиции прошлого и тех, что были подсказаны новыми ритмами бытия, сочетается с не свойственным 20-м годам интересом к классическому наследию, что, в свою очередь, очень усиливает линию традиционную, перераспределяет пропорции между использованием выверенных приемов и художественных новаций в пользу первых. На волне антифашистских настроений осуществляется живой и благотворный контакт с прошлым, возвращающий в литературу многие традиции, отвергаемые авангардом.

Стремление отстоять свою национальную независимость, свою самобытность пробуждает интерес к национальному искусству. Оно усваивается современной аудиторией, находит свою аудиторию. При этом Немцова, Маха, Янко Крадь, Мицкевич и Словацкий, к которым часто обращаются, о которых много пишут в те годы, воспринимаются не просто как усердно почитаемые национальные святые, а как единомышленники. Это доказывает ценность их эстетического кредо, неисчерпаемость искусства больших страстей, чувств, сильных характеров. Свойственная классике идейная содержительность как бы заряжает искусство современное дополнительной энергией, усиливая его гражданственность и демократизм. Восстанавливается живая связь между столетиями, тот необходимый контакт с прошлым, который обогащает переживание настоящего.

³ Цит. по: А. Г. П и о т р о в с к а я. Польская литература времени бурь. В кн. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. М., 1972, стр. 115.

⁴ «Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы», стр. 120.

«Тернистый путь познания» выводит многих писателей-антифашистов к социальной проблематике. Ненависть к фашизму, стремление нащупать его социальные корни, исследовать питательную почву фашизма приводят писателей разных общественных позиций к осуждению капиталистической системы, к стремлению поддержать такое мироустройство, которое бы исключило повторение новых катастроф. «Лишь социализм может создать преграду войнам», — писал С. К. Нейман, разглядевший в фашизме «безумную рать тельца златого». «Фашизм — это истерика буржуазии и капитализма», — ставит свой диагноз Франтишек Грубин. Эти логические связи, доступные сначала сознанию писателей-коммунистов, постепенно становятся все более очевидными для широких кругов писателей. Так, например, словацкий поэт Эмиль Болеслав Лукач, стоявший на буржуазно-демократических позициях, создает недвусмысленный образ Европы с Молохом капитализма («прожорливый молох тупоголовой Европы, бесчувственный, железный» — военный сборник «Вавилон»), Европы, которую «роковая порочная страсть» бросила в объятия «хама». Осознание этих связей стимулирует движение писателей-антифашистов к социалистической литературе, укрепляя ее позиции и в послевоенный период. Послевоенная литература как бы предначертана периодом антифашистского Сопrotивления. Темы борьбы за мир и социализм, ставшие магистральными в ряде национальных литератур после войны, были запрограммированы искусством антифашистским. Они возникали естественно, на волне антифашистских настроений, как их логическое продолжение, примером чему служит послевоенное творчество Незвала, Грубина, Завады, Голана, Тувима, Ивашкевича и др.

Тяготение представителей разных творческих течений к социалистическому искусству не было односторонним. Ему соответствует и встречный процесс. Пролетарская литература тоже эволюционирует по сравнению с 20-ми годами. Она избавляется от сектантства, от одностороннего понимания тенденциозности, от избирательного подхода к явлениям жизни, от некоторой эстетической однотонности. Эта эволюция сопровождается созданием в 30-е годы концепции социалистического реализма, ориентировавшего писателя на осмысление жизни в ее целостности, человека в его сложности и — на эстетическое многообразие. Душа нового метода — социалистическая идейность — осознается как высшее проявление гуманизма воинствующего, направленного на искоренение «уродств». «Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель», — сказал на I съезде советских писателей М. Горький, — и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении века исказили людей труда».

Итак, повышению социальной остроты общедемократического искусства, столкнувшегося с необходимостью усилить свою боеспособность, встать на защиту мира от фашизма, соответствует эволюция искусства социалистического, развивающегося по линии демократизации, углубления своих принципов, по линии раскрытия диалектики классового и общечеловеческого. Не изоляция от общедемократической литературы, а устремленность к тому лучшему, что заключено в ней, борьба за привлечение ее представителей на свою сторону, — вот тот встречный процесс, который способствует консолидации. Социалистический реализм становится той идейно-эстетической платформой, которая способна объединить на своей почве разные творческие индивидуальности. Его принципы отвечают историческому моменту. Отсюда его притягательность, и эффективность его «синтезирующей силы».

И. Я. МАРШ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РАБОТ В. И. ЛЕНИНА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМИ В БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕЙ ПОЛЬШЕ

Труды В. И. Ленина сыграли огромную роль в развертывании революционной и национально-освободительной борьбы трудящихся Польши и Западной Белоруссии в межвоенное двадцатилетие. Еще в 1919 г. секретарь ЦИК КРПП С. Пшедецкая писала из Минска в Москву о важности налаживания перевода на польский язык трудов В. И. Ленина и литературы об Октябрьской революции и доставки их в Польшу¹. На необходимость ознакомления членов партии с трудами В. И. Ленина указывала видный деятель польского рабочего и международного коммунистического движения Мария Кошутская (Костшева)².

Коммунистические партии и комсомол Польши и Западной Белоруссии уделяли большое внимание воспитанию молодежи на ленинских традициях революционной борьбы. Говоря о задачах партии в руководстве комсомолом, III съезд КПП (1925 г.) отметил в своих решениях: «Воспитание в ленинском духе должно прежде всего воплотить систематическое образование в области социальной революции (Маркс, Ленин), совершенствование понимания революционной стратегии на базе конкретных боев рабочего класса и партии, ознакомление молодежи с историей революционного движения в Польше и России»³. На необходимость усиления воспитательной работы среди членов комсомола указывают постановления IV конференции КПП, состоявшейся в декабре 1925 г.⁴, и другие партийные документы. Перед членами партии ставилась задача изучения трудов В. И. Ленина, составляющих неисчерпаемую сокровищницу революционной теории и революционного опыта.

Отношение к произведениям В. И. Ленина комсомольцев Западной Белоруссии выразил ЦК РСМЗБ в своем письме к комсомолу Советской Белоруссии в июле 1925 г. «...Самая серьезная и большая наша просьба — это прислать нам сочинения Ленина. Это будет иметь для нас колоссальное значение, это будет единственным пособием у нас для теоретического воспитания комсомольцев. Если средства вам не позволяют прислать все сочинения В. И. Ленина сразу, присылайте хотя бы по частям. Для нас это будет действительно самым дорогим, самым важным и самым лучшим подарком наших свободных братьев, ленинских комсомольцев»⁵.

¹ И. С. Я ж б о р о в с к а я. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября (1918—1923). М., 1967, стр. 136—137.

² Там же, стр. 267.

³ «KPP. Uchwałyi rezolucje», t. II. Warszawa, 1955, s. 208.

⁴ Ibid., s. 340.

⁵ Партархив ИИП при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 61, л. 396, 397.

Произведения В. И. Ленина проникали сквозь пограничные кордоны, тюремные решетки, они звали народные массы к борьбе за революционное переустройство общества на новых социалистических началах.

В материалах политических процессов, проходивших в межвоенный период во многих городах Польши и Западной Белоруссии, фигурируют названия трудов В. И. Ленина, конспекты произведений Ленина, изъятые полицией во время обучения у коммунистов и комсомольцев. Ленинские труды, как и их изучение, служили властям буржуазно-помещичьей Польши серьезной уликой для обвинения арестованных в «подрывной деятельности», в стремлении свергнуть посредством вооруженного восстания существовавший тогда в Польше общественный и государственный строй.

Во время обыска, проведенного полицией в деревне Краютка Слонимского повета, была изъята коммунистическая литература, в том числе статья В. И. Ленина «Партизанская война», изданная нелегально в 1922 г. в Вильнюсе на белорусском языке⁶. На титульном листе в верхней ее части был лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!», а ниже название библиотечки «Под знаменем ленинизма». В делах полиции сохранилась брошюра «Солдат революции», подпольно изданная в Варшаве в 1931 г. Она содержала две статьи В. И. Ленина «От обороны к наступлению» и «Задачи отрядов революционной армии»⁷. При обыске, произведенном в 1935 г. у жителя деревни Карашево Скидельской волости Гродненского повета Александра Фурмана, был обнаружен II том избранных сочинений В. И. Ленина, вышедший в издательстве партийной литературы в Москве за 1933 г. (на русском языке)⁸.

Ленинские труды изучались не только на воле, но и в тюрьмах. Незря отбывавшие заключение в польских тюрьмах называли их «коммунистическими университетами»⁹, «университетом молодых коммунистических деятелей»¹⁰ и т. д. Политзаключенным удавалось получать с воли книги по политэкономии, диалектическому материализму, истории ВКП(б), некоторые работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Эти книги влетали в обложки других изданий, обычно реакционных польских авторов. Иногда книги делили на части, по главам. В виде таких тонких тетрадей их легче было спрятать и можно было читать «конвейером». Особенно берегли политзаключенные ленинские труды «...берегли как самое дорогое»¹¹. Приобретение произведений В. И. Ленина было для коммунистов настоящим праздником, — пишет в своем дневнике Максим Танк, томившийся много лет в польских тюрьмах¹².

Одной из форм марксистско-ленинского образования в тюрьмах была нелегальная организация лекций, докладов. Они проводились в общих камерах и во время прогулок. Обычно доклады читались в связи с революционными праздниками и политическими кампаниями. Политзаключенные Петровской тюрьмы подготовили в 1932 г. семь докладов в связи со знаменательными датами (годовщины Парижской Коммуны, 1 Мая, Антивоенного дня, Октябрьской революции и др.). День памяти

⁶ Государственный архив Гродненской области (далее — ГАГО), отдел научно-справочной литературы (ОНСЛ), ф. 52, оп. 2, д. 304, л. 92, 93.

⁷ Там же, инв. № 2240.

⁸ Там же, ф. 52, оп. 2, д. 278, л. 21.

⁹ Рукописный отдел Гродненского государственного историко-археологического музея (далее — РО ГГИАМ), ф. 27390.

¹⁰ «Kazetowcy». Zbiór szkiców i biograficznych wspomnień. Pod red. R. Turuń-czyk i W. Gdru. Warszawa, 1963, s. 16.

¹¹ «Славная дочь белорусского народа» (Письма, статьи В. Хоружей и воспоминания о ней). Минск, 1960, стр. 211.

¹² М. Т а н к. Лісткі календара. Мінск, 1970, стар. 88.

Ленина был отмечен докладами о жизни и революционной деятельности Ильича.

В тюрьмах нелегально работали различные кружки: по изучению общеобразовательных предметов и политэкономии, истории КПСС, произведений классиков марксизма-ленинизма и т. д. С жадным вниманием вслушивались политзаключенные в слова руководителей кружков. «Беседы, которые они проводили, были очень интересными. Все мы ловили каждое слово руководителя кружка по истории КПСС, о Ленине, о вольном труде без капиталистов и помещиков, о достижениях Советского Союза»¹³. С большим интересом читали политзаключенные литературу о Ленине, о его первых годах борьбы с царизмом, ссылках, пребывании в тюрьмах. Теоретически хорошо подготовленные революционеры проводили лекции и беседы, чтобы помочь усвоить труды Маркса и Ленина, в первую очередь «Капитал». Был даже организован экзамен по политэкономии¹⁴.

Для распространения коммунистических идей в Гродненской тюрьме был создан комитет. Политический отдел комитета возглавлял Райтберт. Под его руководством политзаключенные подготавливали политические рефераты. Известно, что в камере № 13 политические рефераты читал Петр Воронович.

Среди методов политпросветительной работы политзаключенных была организация революционного соревнования. В одной из тюрем даже издавался листок «Соревнующийся». «Революционное соревнование, — писали узники, — не является конкуренцией между группами или отдельными товарищами, — оно является высшей формой революционной работы и поднимает на высшую ступень всю нашу борьбу. Оно должно вызвать у товарищей самое активное стремление к улучшению своей подготовки для работы на воле, к преодолению всех трудностей»¹⁵.

В камерах жизнь бурлила. Велись горячие дискуссии. Для марксистско-ленинского самообразования они имели большое значение. Уровень дискуссий, конечно, зависел от их участников. В Мокотовской тюрьме, например, где в 1929 г. отбывало заключение немало руководящих работников КПШ и КПЗБ (Гжелчак, Рваль, Шайковский, Люмон, Данишевский и др.), они велись на самом высоком уровне. Одно время в Мокотовской тюрьме находились такие выдающиеся революционеры, как Альфред Ляме, Генрих Ляуэр (Эрнест Бранд), Стефан Рыбацкий и другие. У них основам ленинизма учились все политзаключенные, но больше всего молодежь¹⁶.

«Сама атмосфера, — пишет в своих воспоминаниях Л. Г. Шайковский, — подхлестывала много читать классиков марксизма-ленинизма, вдумываться, переваривать и надлежащим образом усваивать прочитанное»¹⁷. По его сообщению, бывший посол в сейме, коммунист Ланьцуцкий «как и многие другие, изучил русский язык, чтобы иметь возможность читать В. И. Ленина в оригинале»¹⁸.

Опытные и более знающие коммунисты писали краткие тезисы ленинских работ, обычно, на папиросной бумаге, которые затем передавались из камеры в камеру и старательно изучались¹⁹. И. Марильский, осуж-

¹³ «У суровых гад падоля». Мінск, 1958, стар. 187.

¹⁴ «Więzień polityczny». Warszawa, 1925, № 7—8, s. 6.

¹⁵ И. Марильский. В тюрьмах фашистской Польши. М., 1933, стр. 42.

¹⁶ «Kazetowcy», s. 16.

¹⁷ РО ГИИМ, ф. 27390, стр. 13.

¹⁸ Там же.

¹⁹ С. П р и т ы ц к і. У імя шчасця працоўнага народа. «Польмя», 1958, № 9, стар. 164.

денный к трем годам за революционную деятельность, вспоминает: «Многому я научился в тюрьме при помощи более развитых товарищей... Я вооружился революционной теорией марксизма-ленинизма, я знал свои обязанности — обязанности бойца революционного фронта и, прощаясь с вами, обещаю, что всеми силами буду участвовать в революционной борьбе за Советскую Польшу и в защиту СССР под руководством Коммунистической партии Польши»²⁰.

Изучение трудов В. И. Ленина проводилось нередко по переводам, которые делались находившимися в заключении руководящими работниками ЦК КПП и КПЗБ²¹.

Ленинские работы переводили на польский язык К. Цихоновский, Н. Берштейн, Я. Пашен, Б. Кольский, Н. Зандер, М. Серпинский, Б. Закс, Л. Касман, Т. Данишевский и др. Рукописи по частям нелегально передавались на свободу для публикации в легальном издательстве КПП «Ксенжка»²². Видный деятель революционного движения в Западной Белоруссии Д. И. Розеншайн, находясь в тюрьме, участвовал в переводе книг В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм», работ по аграрному вопросу. Позднее ему был поручен перевод книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и глав из других книг. При любой возможности переводы обсуждались коллективно²³.

Бессмертное учение Ленина было идейным оружием коммунистов и комсомольцев Польши и Западной Белоруссии в их борьбе против буржуазно-помещичьего строя.

На эту роль ленинизма указала в 1933 г. славная дочь белорусского народа В. З. Хоружая. В брошюре «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян» она писала: «Нам указал путь великий Ленин. Под знаменем Ленина большевики победили буржуазию в Октябрьской революции, под знаменем Ленина большевики создали могущественное государство на одной шестой части земного шара. Под знаменем Ленина победим и мы в пролетарской революции. Пойдем же путем Ленина и его соратников — великих революционеров, отдавших всю свою жизнь борьбе за революцию и освобождение рабочих и крестьян²⁴». Слова Веры Захаровны Хоружей оказались пророческими. В сентябре 1939 г. в западных областях Белоруссии победила Советская власть. На освобожденной от ига капиталистов и помещиков земле труды В. И. Ленина стали достоянием каждой советской семьи, каждого советского гражданина.

²⁰ И. Марильский. Там же, стр. 42.

²¹ Партархив ИИП при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 665-а, л. 25.

²² Там же, л. 24—26.

²³ Там же.

²⁴ В. З. Хоружая. Статьи и письма о комсомоле. Составители Н. С. Орехво, И. П. Ховратович. Минск, 1970, стр. 142.

Л. А. ЗАРУВИН

СОЛНЦЕ И ЗОРИ В ПРАСЛАВЯНСКОМ И СЛАВЯНСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Христианское духовенство при деятельной поддержке феодалов вело в славянских странах жестокую борьбу с языческой идеологией, в том числе и с языческим искусством, уничтожая идолов, их храмы и все принадлежности культа. Поработало и время над уничтожением деревянных и других недолговечных предметов народных культов.

Вот почему так ценны для науки и искусства немногие дошедшие до нашего времени славянские языческие изображения, часть из которых рассматривается и в настоящей статье.

В последние пять — семь веков н. э. языческий смысл этих изображений был уже утрачен славянскими народами, а изображения, иногда несколько видоизменившись, перешли в качестве орнамента в народное прикладное искусство. Поэтому их былой смысл уясняется в наше время лишь при сопоставлении с историческими, археологическими и этнографическими памятниками, а также с учетом соответствующих пережитков древних представлений в устном фольклоре славян.

Автор в своей предыдущей статье «Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян»¹ показал древние образы восхода и дневного пути Солнца. Там были приведены также и славянские фольклорные матерпалы о Солнце и его спутницах — Зорях. В настоящей статье показаны другие изображения этих мифических персонажей: заходящее Солнце и встречающие его Зори, ночной покой Солнца под охраной Зорь, а также рождение Зарей нового Солнца после смерти его предшественника — старого Солнца.

Заходящее Солнце и души умерших людей. У древних славян существовало поверье, что вместе с заходящим Солнцем уходили на тот свет и души умерших людей.

Сербы не советовали засыпать в то время, когда садится Солнце, чтобы оно не увлекло за собой в загробный мир и того, кто спит при его закате. Во многих деревнях Валахии хоронили мертвеца с таким расчетом, чтобы направить душу умершего вместе с отходящим на покой Солнцем; иначе душа могла заблудиться и стать жертвой вампира.

В древней Руси еще в XII в. существовало поверье, что «зашедшю солнцю, не достоит мертвеца хоронити, но тако погре[б]сти, яко еще высоко». У чехов выражение «*Že mně slnce zapadá*» означало: «уже близится моя смерть»².

¹ «Советское славяноведение», 1971, № 6.

² «Гласник српского друштва», 1867, т. V, стр. 150; А. А. Потехня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1865, апрель—июнь, кн. 2, стр. 34; «Српски етнографски збор»

Рис. 1.

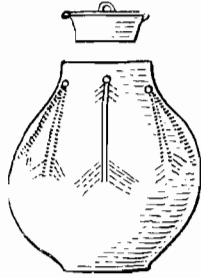

Рис. 2

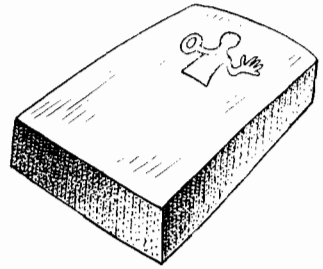

Рис. 3

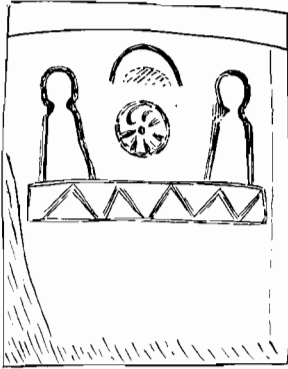

Рис. 4

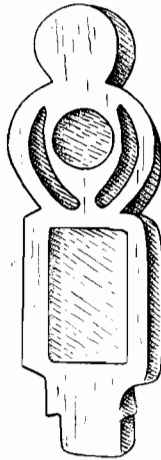

Рис. 5

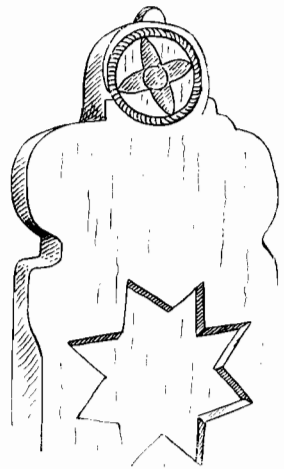

Рис. 6

Рис. 7

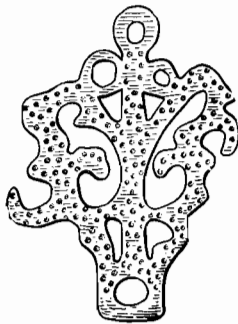

Рис. 8

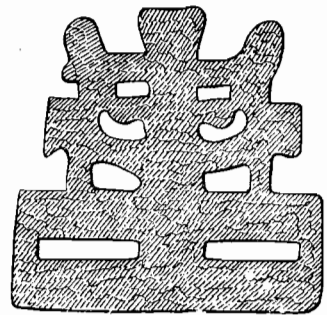

Рис. 9

Представления о связи Солнца с царством мертвых засвидетельствованы и у других народов³.

Вот почему на некоторых урнах с полей погребения Поморской культуры 700—400 года до н. э., выкопанных на территории современной Польши, изображены заходящее Солнце и встречающая его Заря или две Зари (Вечерняя или Утренняя).

Рисунок человекообразной Зари с широкими покровами⁴ мы видим на погребальной урне в Буковце (row. Obornicki). Заря встречает заходящее Солнце, которое изображено в виде розетки (рис. 1).

На урне из Накеля нарисованы спустившиеся с неба заходящее Солнце и две Зари по его сторонам в виде стилизованных человеческих фигур⁵. У Зорь длинные покровы вроде плащей (рис. 2).

Подобные изображения высечены и на сербских надгробных памятниках XIV—XVI вв. Так, Заря с солнечным кольцом в правой руке изображена (рис. 3) на надгробном памятнике в Гровиште⁶.

Схематизированные фигуры двух Зорь изображены на могильном памятнике на Долгом поле (рис. 4). Между Зорями — Солнце в виде розетки. Полумесяц поднимается на небо, как бы сменяя Солнце⁷.

Некоторые надгробные памятники на кладбищах XIX и начала нашего века в Словакии сохранили в виде языческих пережитков весьма древние изображения Зари и спустившегося с неба Солнца.

Так, деревянный надгробный памятник в Vel'ku Lom pri Lučenci (рис. 5) изображает Зарю, на груди которой находится Солнце в виде круга⁸. Вечернее восьмилучевое Солнце у ног Зари вырезано⁹ на деревянном надгробном памятнике кладбища в Девце (рис. 6).

Н о ч н о й п о к о й С о л н ц а , о х р а н я е м о г о З о р я м и . Нам известно изображение Солнца на почном покое, охраняемого двумя Зорями, VII—IV в. до н. э. Это — рисунок на урне времён лужицкой культуры (Gorka, row. Kościański) из полей погребений (рис. 7). Потемневшее Солнце находится между Зорь с треугольными лицами, у которых глаза и носы — также в виде треугольников¹⁰.

Изображения Солнца с двумя Зорями найдены в полях погребений Черняховской культуры конца II—IV в. н. э. на территории Украины. Так, на прорезной пластинке сел. Черняхово б. Киевской губернии изображено Солнце с головой в виде кольца и по сторонам Солнца — нагнувшиеся к нему две Зари с такими же кольцеобразными головами и развевающимися одеждами¹¹. Эти одежды покрыты орнаментом из зерни (рис. 8).

Сходное изображение (рис. 9) и на прорезной фибуле, найденной возле сел. Троцин б. Каневского уезда Киевской губ.¹²

ник», кн. LXXI, Београд, 1958, стр. 26; «Памятники древнерусского канонического права». Часть первая, изд. 2, СПб., 1908, стр. 37 («Кириково вопрошание» XII века); А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. 1865, стр. 181; т. III, 1869, стр. 780.

³ А. Я. Сыркин. Черное солнце. «Краткие сообщения Института народов Азии», 1965, № 80, стр. 23.

⁴ J. K o s t r z e w s k i. Wielkopolska w pradziejach. Poznań, 1955, s. 166, гус. 467.

⁵ W. L a B a u m e. Gesichtsurnen und Hausurnen. Archiv für Anthropologie. Neue Folge. Bd. XXIII. Braunschweig, 1935, Abb. 29 D, Mus. Danzig.

⁶ А. В е н а с. Siroki Brieg. Sarajevo, 1952, sl. 25, br. sp. 15.

⁷ S. В е ś л а г и ć. Stećci na Blidinju. Zagreb, 1959, s. 59—60, sp. 129.

⁸ J. V y d r a. L'udová architektura na Slovensku. Bratislava, 1958, ohr. 182.

⁹ R. В е d n á r i k. L'udové náhrobníky na Slovensku. Martin, 1949, tabl. XLVIII.

¹⁰ J. K o s t r z e w s k i. Wielkopolska w pradziejach, s. 134, гус. 360.

¹¹ Б. И. Х а н е н к о, В. Н. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. VI. Киев, 1907, табл. XVIII, 310.

¹² Там же, табл. XVIII, 316.

«Солнце днем работает, а ночью отдых берет» — говорила русская пословица¹³. На севернорусской вышивке XIX в.¹⁴ изображено причудливое здание, в котором находятся Утренняя и Вечерняя Зори. Над ними лучистое Солнце, остановившееся для ночного покоя. Снаружи у берега две ладьи, которые привозят и отвозят Солнце и Зори (рис. 10).

На прялке б. Ярославской губернии (прошлое или начала нашего века) изображено (рис. 11) идолообразное Солнце и нагнувшиеся к нему гибкие Зори в покрывалах¹⁵. Эту композицию напоминают и ранее показанные две резные пластинки Черняховской культуры конца II—IV вв. н. э. с изображениями Солнца и прильнувших к нему Зорь (рис. 8, 9).

Есть два удивительных изображения на чешских вышивках конца XIX в. с весьма древним сюжетом, где подбор цветов передает затухание разноцветного Солнца и Зорь в подземном дворце.

На вышивке женской одежды из Влчнова Солнце показано в виде идола с розеткой вместо лица (рис. 12). Очертания идола уже стали черными¹⁶. Светлые цвета еще сохранились кое-где на розетке, еще пылают красным светом руки идола, но скоро все потемнеет, так как Солнце прикрыли две черные птицы ночи¹⁷. По сторонам Солнца две Зари — сильно измененные женские фигуры. Их головы — в красных очертаниях, сияют золотистым блеском. Простерты красные руки, держащие светильники, которые излучают заревую полосу над Солнцем и Зорями. Но черный свет начинает уже преобладать в изображении Зорь. Над подземным дворцом на поверхности земли видны человеческие жилища — полуземлянки, озаренные золотистым вечерним светом на фоне уже потемневшего неба.

Такие же полуземляночные хижины изображены и на другой чешской вышивке из окрестностей Блатнице¹⁸, изображающей подземный дворец с Солнцем посредине в виде человекообразной фигуры с красной головой, от которой исходят три белых луча, и с туловищем белого, черного и красного цвета (рис. 13). Под Солнцем видны черно-красно-голубые фигурки двух его коней¹⁹. Касаются Солнца полулежащие по его сторонам две Зари. У них зеленые головы в белых головных уборах, над ними — золотистые полукруги с голубыми лучами на белом фоне. У Зорь — красные руки, разноцветные туловища. Как и в предыдущей вышивке здесь передана борьба светлых дневных тонов с черными красками побеждающей Ночи.

Зимняя смерть Солнца и рождение его преемника — нового Солнца. По распространенному в старину среди славян и других индоевропейских народов поверью, в конце декабря происходит смерть одряхлевшего Солнца и рождение нового Светила²⁰.

О ежегодном рождении Солнца говорили также А. Потеня²¹ и

¹³ О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865, стр. 80.

¹⁴ Н. Т. Bossert. Ornamente der Volkskunst. Tübingen, 1953, Taf. 38, № 11.

¹⁵ А. А. Бобринской. Народные русские деревянные изделия, вып. I. М., 1940, табл. I, № 1.

¹⁶ А. V a c l a v i k. Volkskunst und Gewebe. Prag, 1956, Taf. XXX. Индоарийской «Ригведе» (I, 115) также известно ночное солнце (А. Я. Сыркин. Там же, стр. 21).

¹⁷ «Махнула птица крылом, покрыла весь свет одним пером», — говорит про ночь русская загадка (Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. М., 1959, № 1879).

¹⁸ А. V a c l a v i k. Ibid., Taf. XXXVIII.

¹⁹ В индоарийской «Ригведе» (I, 115, 5) рассказывается, что Ночь уложила вместе кобыл Солнца.

²⁰ В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, стр. 202—203; А. Н. Афанасьев. Там же, стр. 187.

²¹ А. А. Потеня. Там же.

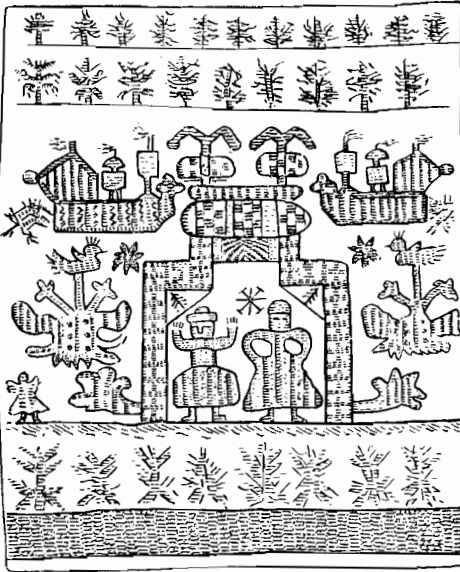

Рис. 10

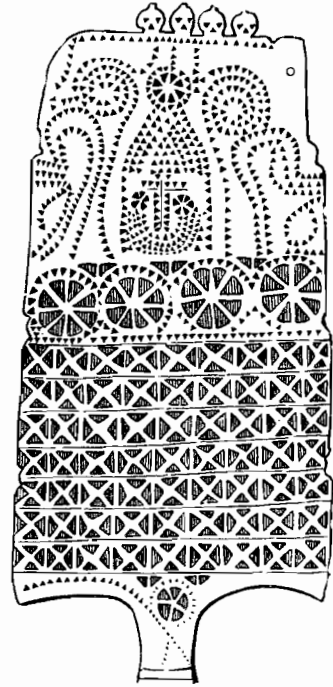

Рис. 11

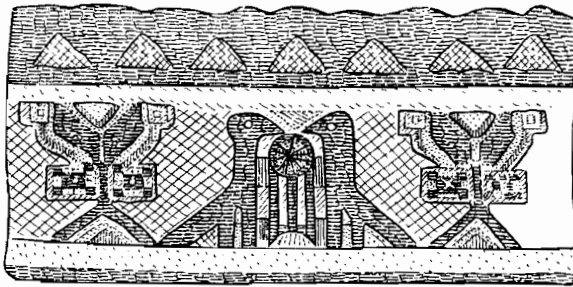

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

О. Миллер²². Бытовала сербская поговорка: «Спросили волка, когда самый большой мороз будет? А он ответил: „В то время, когда солнце родится“»²³.

У древних римлян справлялся зимний праздник «Natales solis invicti» («Рождение непобедимого Солнца») ²⁴.

«Возрождение солнца было началом нового времени года, оно обещало приход тепла и света. Естественно, что на этом периоде сосредоточивалось внимание трудового народа; праздник возрожденного Солнца являлся для крестьян одним из самых значительных и сопровождался разнообразными обрядами, песнями, увеселениями» ²⁵.

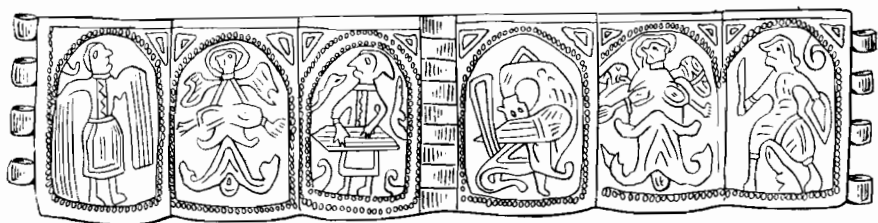

Рис. 15

Сага Олафа Тригвессона рассказывает, что в X в. при русском князе Владимире Святославовиче, когда он был еще язычником, в первый день праздника Иолы в княжеском дворце собирались люди, а мать князя гадала о будущем ²⁶. Праздник Иолы — скандинавское название праздника зимнего солнцеворота, праздновавшегося не только у нас и в Скандинавии, но и в целом ряде других стран ²⁷.

Сюжет ежегодного рождения Солнца отразился и в древнем изобразительном искусстве славян.

Таков рисунок на урне из лужицких полей погребения (700—400 г. до н. э.) из Раковника в Чехословакии ²⁸. В середине рисунка — ветвистая Заря, рождающая Солнце (рис. 14). Возле головы Солнца мелкие кружки, изображающие сияние.

На киевском серебряном наруче (браслете) XII—XIII в. ²⁹, хранящемся в Киевском историческом музее, изображены мифологические сцены (рис. 15). На среднем из трех изображений каждой створки наруча выгравирована на черном фоне Заря. Лицо обнаженной, полногрудой Зари прикрыто покровом, на ее спине — два крыла или развевающиеся покровы. С присущей язычеству откровенностью показаны раздвинутые ноги богини, рождающей Солнце, как и полагается, головой вниз; на одной створке рождающееся Солнце — одноглазое. Рождение Солнца происходит в подземном дворце, где зимой ползают крылатые змейки.

Другие мифические персонажи, изображенные на браслете: танцующая Заря, сестра Роженицы; Велес, чьим внуком назван певец-гуслир Боян в «Слове о полку Игореве»; бог дружинников Перун с мечом и щитом

²² О. Миллер. Там же, ч. I, вып. I, стр. 26, 31.

²³ V. S. Kačadžić. Srpske narodne poslovice. U Beču, p. 248, s. v. «pitali!»

²⁴ Журнал Министерства народного просвещения, 1838, т. XX, 340; Прописки, IV, 137; А. Н. Афанасьев Там же, т. III, стр. 732.

²⁵ В. И. Чичеров. Там же, стр. 63.

²⁶ «Древнесеверные саги и песни скальдов». СПб., 1903, стр. 9.

²⁷ А. Н. Афанасьев. Там же, т. I, 187, 212, 733; 736; 738; т. III, 753..

²⁸ J. Filip. Pravěké Československo. Praha, 1948, s. 241, obr. 61-15.

²⁹ А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII ввков. М.—Л., 1936, стр. 53; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948! стр. 269.

Царь змеек — большой крылатый Змей прячет морду под крыло от нестерпимо яркого света Солнца, рождающегося от Зари.

Известно русское народное поверье, что змеи уходили осенью в землю и находились там до первого весеннего грома. По болгарскому поверью, змеиный царь — очень большая змея с крыльями. Сербь также верили, что змеи имеют своего «старейшину»; он зовется «змијски цар», «змијска царица», «змијски кнез». У словаков на Коляду дети ходили с змеею (hadem), сделанною из деревянных дощечек; пасть змеи — красная, а на голове позолоченная корона. Таким образом сохранились следы почитания змеиного царя на Святках, т. е. примерно в то время, когда рождалось новое Солнце³⁰.

На средневековом надгробном памятнике в Доње Ваге (Югославия) представлена человекообразная Заря (рис. 16) с прихотливыми изгибами покровов³¹. У ее ног — новорожденное Солнце в виде кольца.

На светце, хранящемся в Историческом музее в Москве, также изображено рождение Солнца Зарей (рис. 17). Рождаемое Солнце имеет вид диска. Это изображение на светце напоминало зимой жителям

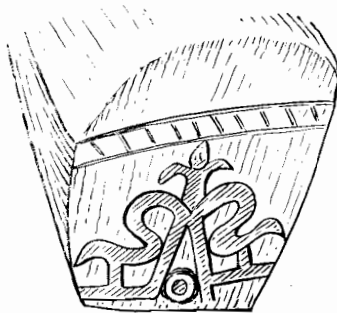

Рис. 16

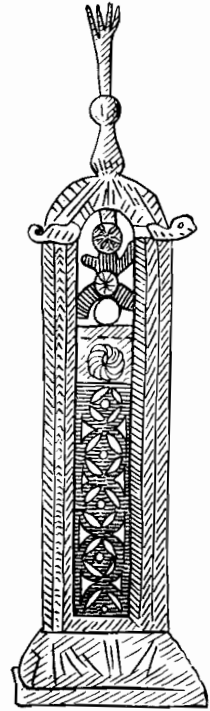

Рис. 17

полутемной и холодной избы, что новорожденное Солнце весной начнет входить в силу, разгоняя зимний мрак и холод³².

Рассмотренные сходные языческие изображения отражают донаучные представления древних славян о важнейших явлениях природы, связанных с солнцем, могучим источником жизни. Искусство донесло до нас, опровергая мнение буржуазных ученых об убогости славянского язычества, фантастические образы, рожденные воображением древних славян.

Языческие образы Солнца и его спутниц Зорь бытовали у праславян по крайней мере еще с середины первого тысячелетия до н. э., затем на протяжении около двух с половиной тысячелетий, почти до нашего времени.

³⁰ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 506; Д. Маринов. Там же, стр. 104; А. Н. Афанасьев. Там же, т. 1, стр. 765, 773; «Српски етнографски зборник», кн. XXII. Београд, 1958, стр. 108, 109, 111, 114, 118.

³¹ S. Vešlagič. Ibid., sp. 2, sl. 70.

³² А. А. Бобринской. Там же, табл. IV, рис. 9.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

J. KUMANIECKI. *Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923.* Warszawa, 1971

Е. КУМАНЕЦКИЙ. *После Рижского мира. Польско-советские отношения 1921—1923*

Рижский мирный договор, подписанный 18 марта 1921 г., — важный рубеж в истории советско-польских отношений. Договор положил конец состоянию войны, развязанной империалистическими кругами Польши против советских республик и явившейся составной частью антисоветского военного похода капиталистических государств 1918—1920 гг. Взаимные обязательства, взятые на себя обеими сторонами и зафиксированные в мирном договоре¹, обеспечивали, при условии их лояльного выполнения, развитие нормальных политических, экономических и культурных взаимоотношений между Советским государством и буржуазной Польшей на длительное время.

Однако переход от войны к миру оказался весьма трудным и затяжным. Если Советское государство, которое руководствовалося в своей внешней политике ленинским принципом мирного сосуществования с государствами, принадлежащими к иной социально-политической системе, добивалось быстрее урегулирования отношений с Польшей на основе мирного договора, то совершенно иную позицию занимали правящие круги Польши. Находившаяся тогда у власти милитаристская группировка во главе с ярым врагом Советской страны Ю. Пилсудским делала все для того, чтобы сохранить напряженность в польско-советских отношениях и тем самым сорвать начавшееся строительство основ социализма в нашей стране. В этих условиях от советской дипломатии потребовалось немало усилий и выдержки, чтобы при поддержке трудящихся своей страны и миролюбивых сил внутри Польши парализовать многочисленные попытки польских милитаристов сорвать реализацию мирного договора.

История советско-польских отношений этих лет не получила достаточного освещения. Зато она подвергалась фальсифи-

кации и искажениям в работах буржуазных историков, особенно авторов из лагеря польской санационной эмиграции. В последнее время в нашей стране и в народной Польше появился ряд документальных публикаций, значительно облегчающих исследование истории советско-польских отношений первой половины межвоенного 20-летия. Исследователям стали доступны многие документы, хранящиеся в советских и польских архивах. Как и следовало ожидать, расширение документальной базы не осталось без отклика со стороны историков. Наглядным подтверждением этого является монография Е. Куманецкого, посвященная исследованию советско-польских отношений в первые мирные годы. Свой труд автор доводит до конца 1923 г. — момента, когда, как отмечается во введении, правящие круги Польши приступили к пересмотру своей политики по отношению к Советскому государству в сторону ее «смягчения», что было связано с временным отстранением Пилсудского и ряда лиц из его окружения от влияния на внешнюю политику правительства. Автор отмечает также и роль другого важного фактора — образования Союза ССР. Он подчеркивает, что объединение советских республик упрочило Советское государство, укрепило его международный авторитет, что оказывало влияние на усиление в Польше позиций сторонников нормализации отношений с СССР.

Первая глава книги посвящена подробному рассмотрению польско-советских отношений в первые месяцы после подписания Рижского мира. Автором привлечено большое количество документальных материалов, позволяющих раскрыть антисоветскую политику Пилсудского и его клики, рассматривавших подписание Рижского мирного договора лишь как маневр, рассчитанный на получение передышки, которая могла бы быть использована для подготовки новых военных авантюр на востоке против советских республик. В этом крылась причина затягивания польской стороной установления нормальных дипломатичес-

¹ См. «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. III. М., 1959, стр. 618—642.

ких отношений с Советским правительством — ведь обмен дипломатическими представителями, предусмотренный мирным договором, был первым условием нормализации взаимных отношений, реализации остальных постановлений мирного договора. К сожалению, в освещении этих важных вопросов обнаруживается непоследовательность. Так, констатируя невыполнение Польшей своих обязательств по мирному договору, автор постепенно переносит центр тяжести причин задержки в реализации договорных обязательств на советскую сторону. Так, например, не отрицая того факта, что польское правительство затягивало обмен дипломатическими представителями, Е. Куманецкий страницей ниже по существу перечеркивает это правильное утверждение. Констатируя, что приезд в Варшаву советского представителя зависел от приезда польского представителя в Москву, Е. Куманецкий, ссылаясь на тенденциозное утверждение Ф. Томассини (бывшего в то время посланником Италии в Польше), вслед за ним повторяет, что Советское правительство якобы не дало агреман назначенному польским правительством в качестве его дипломатического представителя в Москве В. Подко-Наркевичу «по причине его принадлежности к ППС» (стр. 26).

В книге в полном соответствии с исторической истиной рассказывается, что польское правительство, в нарушение статьи V мирного договора, поддерживало и финансировало антисоветскую деятельность белогвардейских организаций Савинкова, Перемыкина и др., а также петлюровцев, совершавших с помощью польских военных властей вооруженные вторжения на территории советских республик. Автор подчеркивает, что, грубо нарушая свои обязательства по мирному договору, правительство Польши в то же время в ультимативном тоне требовало от Советского правительства выполнения его обязательств в одностороннем порядке, угрожая при этом разрывом дипломатических отношений. Особенно настойчиво домогалось польское правительство выполнения советской стороной ее финансовых обязательств, в частности, выплаты эквивалента за оставленную в Советской России часть железнодорожного имущества. Советское правительство неоднократно напоминало, что постановления мирного договора обязательны для обеих сторон² и что выполнение советской стороной своих экономических обязательств зависит от столь же лояльного выполнения своих обязательств польской стороной.

² «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы...»), т. IV. М., 1966, стр. 72.

Справедливость этой позиции не подлежит никакому сомнению. Поэтому вызывает недоумение, когда автор, отмечая тот факт, что созданные в соответствии с мирным договором для практической реализации экономических статей договора реваквационная и Специальная комиссия приступили к работе с опозданием, пишет, что это произошло «вследствие тактики, примененной Советским правительством...» (стр. 31). Вероятно, автор имел в виду давление, оказанное Советским правительством на польское с целью вынудить его запретить деятельность белогвардейских организаций на территории Польши, т. е. выполнить статью V мирного договора. Но это положение в книге четко не прозвучало, что, видимо, и привело автора к ошибочному выводу о том, что якобы имело место «обобщенное нарушение договора» (стр. 61).

Используя большое количество дипломатических документов, — что, кстати говоря, является одним из бесспорных достоинств рецензируемой книги, — автор, однако, нередко произвольно интерпретирует их. Так, приводя шестерью народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина корреспонденту газеты «Юмашите» в связи с советско-польским конфликтом на почве нарушения Польшей статьи V мирного договора, автор сопровождает его пояснением, которое может внушить читателю мысль о том, что угроза разрыва дипломатических отношений исходила не от польского правительства, а от Советского. Но ведь известно, что Советское правительство даже в момент крайнего обострения конфликта не прибегало к угрозе разрыва, а всегда предлагало пути для его смягчения и урегулирования. Этого нельзя сказать о польском правительстве, которое, например, в ноте, направленной Советскому правительству 18 сентября 1921 г. с требованием одностороннего выполнения его экономических обязательств, прямо угрожало разрывом дипломатических отношений в случае промедления с их реализацией³. И только благодаря выдержке Советского правительства дело не дошло осенью 1921 г. до нового вооруженного конфликта. Начавшиеся по инициативе советской стороны переговоры между советским полпредом Л. М. Караханом и вице-министром иностранных дел Я. Домбским завершились подписанием так называемого Протокола от 7 октября 1921 г., в соответствии с которым правительство Польши обязалось выдворить из страны главарей антисоветских организаций. Это позволило возобновить работу смешанных комиссий по выполнению экономических статей мирного договора.

В двух следующих главах рассмат-

³ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 67.

ривается вопрос о развитии польско-советских отношений в период Генуэзской конференции. На обширном документальном материале автор обстоятельно анализирует политику западных держав в отношении Советской России в первые послевоенные годы. Видя невозможность восстановления экономики без восстановления традиционных экономических связей с Россией, западные империалисты стремились сделать это за счет экономического закабаления Советской страны, а заодно, путем проникновения капиталистических элементов в ее экономику, осуществить «мирным» путем то, чего они не смогли достигнуть силой оружия и экономической блокады, а именно — реставрации капитализма.

Подробно исследуется в книге вопрос о планах англо-французского капитала, связанных с созывом Генуэзской конференции, и на ее фоне освещены польско-советские отношения в 1922 г. Убедительно показана политика правителей Польши, которые под давлением торгово-промышленных кругов были вынуждены приступить к практическому разрешению вопроса о развитии торгово-экономических связей с Советской страной. Однако польское правительство смотрело на это через призму взаимоотношений буржуазной Польши с западными державами и прежде всего с Францией. Идя в фарватере политики Франции, Польша всемерно поддерживала ее политику в «русском вопросе», стремясь в то же время, чтобы и Польшу не забыли при дележе «русского пирога».

Автор убедительно показывает, что польское правительство очень опасалось как бы в случае, если западные державы вынудят Советскую Россию (в качестве компенсации за признание ее де юре) выплачивать царские долги, Польше пришлось бы платить соответствующую часть этих долгов, поскольку ее значительная часть ранее входила в состав бывшей Российской империи. Это явилось одним из поводов для созыва Польшей конференции прибалтийских государств с целью выработать единую линию по этому вопросу на Генуэзской конференции.

Однако планы правящих кругов Польши, связанные с созывом конференции прибалтийских государств, шли дальше согласования позиций перед Генуей, о чем автор рецензируемой книги почему-то умалчивает, как умалчивает и об антисоветской направленности Варшавской конференции и ее решений. Уже тогда ни для кого не было секретом, что Польша использовала конференцию главным образом для сколачивания под своей эгидой антисоветского блока прибалтийских государств — замысла, осуществление которого было начато Польшей еще в январе 1920 г. — незадолго перед развязыванием военного похода Пилсудского на Киев. Об антисоветской направленности

варшавской конференции свидетельствует, в частности, подписанный ее участниками договор, статья 7-я которого недвусмысленно возлагала на них обязательство совместных действий против Советской России «в случае неспровоцированной агрессии»⁴. Об этом же говорит и тот факт, что Советская Россия на нее не была приглашена. Правда, лишь накануне закрытия Варшавской конференции, когда уже были согласованы и подписаны основные документы, полпред РСФСР Оболенский получил приглашение прибыть на конференцию для ознакомления с ее решениями. Естественно, что такое предложение было отвергнуто. Между тем Е. Куманецкий, вслед за историком-пилсудчиком из эмигрантского лагеря Вл. Побуг-Малиновским, утверждает, что будто бы по инициативе польского министра Скирмунта Советская Россия была приглашена на конференцию, «но советское правительство приглашения не приняло» (стр. 96).

Нельзя согласиться и с оценкой, даваемой Е. Куманецким Варшавской конференции, а именно как сугубо оборонительной (стр. 96) и якобы продиктованной необходимостью оградить «интересы четырех государств в связи с неполной реализацией Советской Россией взятых ею на себя обязательств в мирных договорах» (стр. 95—96) (имеется в виду Рижский мирный договор, а также мирные договоры, заключенные Советской Россией с прибалтийскими государствами в 1920 г.).

Автор подробно останавливается на Рижской конференции Советской России, Польши и прибалтийских государств, созванной по инициативе Советского правительства, поддерживает и ее положительный итог — подписание Рижского протокола от 30 марта 1922 г., оценивая его как определенный успех советской дипломатии, предупредившей вовлечение Польши, Латвии и Эстонии «в сплоченный антисоветский блок на Генуэзской конференции» (стр. 114).

Описывая ход Генуэзской конференции, Е. Куманецкий отмечает, что Польша, зависимая от Франции, полностью поддерживала ее и в Генуе. Это проявилось в выступлениях главы польской делегации, министра иностранных дел К. Скирмунта, который, как утверждает автор, несмотря на то, что он лично желал улучшения польско-советских отношений на основе Рижского мира, в Генуе поддержал делегата Франции, решительно выступившего против предложения Чичерина о всеобщем сокращении вооружений. Солидарно с Францией и Англией Польша протестовала против дого-

⁴ K. K u m a n i e s k i. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty i materiały 1912—1924. Kraków—Warszawa, 1924, s. 603—604.

вора, заключенного в Рапалло между советской делегацией и делегацией Германии во время проведения Генуэзской конференции, хотя Рапалльский договор, разрывавший дипломатическую изоляцию Советского государства, никак не угрожал интересам Польши, а наоборот, способствуя оздоровлению обстановки в Европе, мог лишь способствовать улучшению советско-польских отношений и торгово-экономических связей. Однако автор стремится оправдать позицию противников Рапалло, утверждая, что беспокойство в правящих кругах Польши, вызванное подписанием Рапалльского договора, будто бы «не было необоснованным» (стр. 128), ссылаясь при этом на воинственные выступления по адресу Польши некоторых германских политиков (канцлера Вирта и др.).

В книге сделана попытка обстоятельного освещения вопроса о Московской конференции по сокращению вооружения, созданной, как известно, по инициативе Советского правительства в декабре 1922 г., — после того как Генуэзская конференция оказалась не в состоянии решить вопрос о разоружении, поставленный советской делегацией, поскольку конференция пошла за противниками разоружения. Не прекращая усилий, направленных на оздоровление международной обстановки, Советское правительство предприняло попытку склонить к взаимному сокращению вооружения и вооруженных сил соседние государства Восточной Европы. Нечего говорить, какое важное значение имело бы положительное отношение к этой инициативе со стороны Польши — самого крупного соседа советских республик на западе. Факты, однако, говорят о том, что правящие круги Польши под влиянием милитаристской клики пилсудчиков, враждебно отнеслись к советскому предложению. Когда стало невозможным уклоняться от ответа на приглашение принять участие в конференции, польское правительство согласилось, но в то же время постаралось оказать давление на прибалтийские государства, вынудив их действовать заодно с Польшей в направлении срыва конференции. Это ему удалось и, как известно, делегации Латвии, Эстонии и Финляндии поддержали польскую делегацию, возглавляемую князем Я. Радзивиллом, и их совместными усилиями Московская конференция была фактически сорвана. Это — общеизвестные факты. И тем более достойно сожаления, что автор рецензируемой работы не обратил внимания на опубликованные документы и вследствие этого пришел к ошибочному выводу. Из рассуждений автора вытекает, что в разоружении будто бы была заинтересована в первую очередь Советская Россия (стр. 147). Нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что якобы опасения Советского прави-

тельства относительно агрессивных планов польских милитаристских кругов были необоснованными, а также, что у Польши не было намерения создать под своим главенством агрессивный блок прибалтийских государств. В книге содержится утверждение о том, что балтийский союз якобы имел лишь оборонительный характер (стр. 150).

Излагая ход Московской конференции по разоружению, автор подвергает сомнению искренность советских предложений о пропорциональном сокращении вооруженных сил (стр. 159) и т. д. и приводит читателя к выводу о правоте коллективного, единодушного возмущения Польши и прибалтийских государств против основных предложений советской делегации. Тем самым оправдывается срыв Польшей и ее союзниками Московской конференции.

Значительное место в книге Е. Куманецкого отведено рассмотрению вопроса о польско-советских торгово-экономических отношениях. Автор справедливо отмечает, что их развитие имело важнейшее значение для обеих стран. Автор приходит к выводу, что в конечном итоге в затягивании нормализации торговых связей была виновна Польша, правящие круги которой, нарушая статью V мирного договора, отравляли политическую атмосферу, что, в свою очередь, препятствовало развитию товарооборота между обеими странами. Только после подписания советско-польского протокола от 7 октября 1921 г. появилась возможность приступить к реализации статей XXI и XXII Рижского мирного договора, касающихся заключения торгового договора и соглашения о транзите. И действительно, уже в марте 1922 г. начались советско-польские торговые переговоры, которые, однако, вскоре были прерваны из-за нежелания польской стороны признать монополию внешней торговли, существовавшую в Советской стране. В дальнейшем переговоры неоднократно возобновлялись, но так и не привели к заключению торгового договора. Автор отмечает и то, что польская сторона стремилась к затягиванию переговоров. Вместе с тем вызывает возражение утверждение автора, что такая тактика применялась Польшей для того, чтобы «склонить Советское правительство к реализации обязательств по договору» (стр. 185). Эта мысль высказывается в работе многократно, причем в ряде мест неуспех переговоров о торговом договоре автор объясняет «невыполнением обеими сторонами договорных обязательств» (стр. 117). Между тем, факты говорят о том, что как раз в тот период, к которому относятся упоминаемые автором переговоры (весна 1923 г.), полным ходом шло выполнение Советским правительством экономических обязательств: выплата эквивалента в драгоценностях уже подхо-

дила к концу, завершалась и эвакуация в Польшу промышленного оборудования. Плодотворно работала Смешанная комиссия по возвращению культурных ценностей. Даже польский поверенный в Москве пилсудчик Р. Кюллер, весьма недружественно расположенный к Советской стране, был вынужден признать это в своем допесении в министерство иностранных дел от 29 мая 1923 г.⁵ Приведенные утверждения автора можно объяснить лишь недостаточным изучением документов и некритическим отношением к писаниям буржуазной прессы того времени.

В книге встречается немало других надуманных либо навеянных автору буржуазной прессой утверждений относительно внешней политики Советского правительства. По Е. Куманецкому выходит, что Советское правительство будто бы меняло свою политику в зависимости от политической конъюнктуры и что были советско-польскими отношениями хорошими или плохими зависело почти целиком от советской стороны. Например, автор объясняет некоторое улучшение польско-советских отношений в конце 1922 г. «мирным наступлением Советского правительства в связи с Московской конференцией по разоружению» (стр. 180), а также тем, что на Гаагской конференции, состоявшейся в июле 1922 г., выяснилось, что «Россия не может рассчитывать на экономическую помощь и кредиты» государств Западной Европы «на приемлемых условиях» (стр. 180). По мнению автора, улучшение советско-германских отношений также вызвало ухудшение советско-польских отношений; арест польского представителя в Смешанной комиссии по репатриации Мертца, уличенного в шпионаже, представлял собой, как утверждает автор, «попытку срыва советской стороной соглашения о репатриации» (стр. 184). Между тем, достаточно ознакомиться с документами — нотами, которыми обменялись НКВД и МИД Польши, и станет ясно, что речь шла о свертывании деятельности Смешанной комиссии в связи с завершением репатриации, с чем в принципе была согласна и польская сторона. Новую же инициативу Советского правительства, направленную на улучшение советско-польских отношений весной 1923 г., автор связывает с англо-советским конфликтом (стр. 187) и т. д.

В ноябре 1923 г. Советским правительством была предпринята попытка урегулирования с Польшей вопросов, связанных с обоюдной реализацией Рижского мирного договора и общим улучшением отношений между двумя государствами. Однако переговоры, которые по этим во-

просам вел в Варшаве член коллегии НКВД В. Копш с вице-министром иностранных дел Польши М. Сейдой, не дали желаемого результата, так как правительство Польши по-прежнему отказывалось от заключения с Советским правительством договора о транзите, как и договора о товарообмене. В книге этот вопрос освещен довольно подробно, хотя и не со всеми положениями автора можно согласиться.

Вызывает возражение, в частности, утверждение автора о том, что выдвинутое В. Копшом предложение о включении в совместный документ согласия Польши на обеспечение свободы транзита товаров независимо от политических условий в странах назначения экспорта якобы препятствовало достижению соглашения (стр. 198). Остается лишь добавить, что именно этим мотивировало свой отказ от подписания совместного документа польское правительство.

Нельзя также согласиться с автором, когда он — там, где им рассматриваются вопросы реализации Рижского мирного договора, — утверждает, что якобы советская сторона проявляла «тенденцию к ревизии договора» (стр. 194). Кстати, эта же мысль проводится автором и в том разделе книги, в котором излагается история признания западными державами восточных границ Польши. Справедливо отмечая, что Рижский мирный договор, установивший границу между Советским государством и Польшей, тем самым способствовал утверждению в этой части Европы «порядка и спокойствия», Е. Куманецкий тут же делает оговорку, перечеркивающую этот вывод. Он утверждает, что Рижский мирный договор «тайл в себе зародыш беспокойства», так как хотя Советские республики и согласились в мирном договоре на разделение украинских и белорусских земель и не предъявляли претензий на Восточную Галицию, «эта уступка вызвала в Советской стране недовольство, которое уже тогда нашло отражение даже в официальных заявлениях...» (стр. 204).

Отрицательные последствия искусственного разделения украинского и белорусского народов на две части, одна из которых попадала под буржуазно-помещичий гнет, в некоторой степени должны были смягчаться обязательством правительства Польши, включенным по настоянию Советского правительства в Рижский мирный договор, предоставить украинскому и белорусскому населению «все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов»⁶. Однако это обязательство правительством Польши не выполнялось с самого начала действия мирного договора. Властями Польши

⁵ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 231.

⁶ ДВП СССР, т. III, стр. 626—627.

были закрыты почти все белорусские и украинские школы, преследовалась православная церковь, проводилась насильственная колонизация. Польские империалисты рассматривали восточные окраины как свою колонию, лишив население всяких гражданских прав и свобод. Советское правительство не могло равнодушно взирать на то, как беззастенчиво нарушаются польской стороной постановления статьи VII Рижского мирного договора. Наркоминдел неоднократно направлял в Варшаву ноты с требованием соблюдения Польшей взятых на себя обязательств. Однако ни в этих нотах, ни в каких-либо других актах не ставился вопрос о пересмотре границы, установленной Рижским мирным договором.

Утверждения Е. Куманецкого, как видим, бесосновательны. Приходится лишь сожалеть, что автор рецензируемой книги не счел нужным хотя бы упомянуть о нарушениях Польшей статьи VII мирного договора. Вместо этого в книге читателю внушается мысль о том, что польское правительство якобы принимало меры к проведению «правильной политики в отношении национальных меньшинств на окраинах» (стр. 232) и что политический комитет Совета министров будто бы даже «выработал директивы» для осуществления этой политики, вытекавшей, как утверждается в книге, из «понимания внутренней обстановки в стране» (стр. 232).

Книгу завершает глава, посвященная отношению Польши к потификации НКВД об образовании Союза ССР. Следует отметить, что автор сделал попытку рассмотреть вопрос об образовании СССР на широком международном фоне. В книге подчеркивается влияние этого факта на усиление в Польше позиций тех кругов, которые стояли за нормализацию польско-советских отношений. В

главе освещены, хотя и бегло, позиции различных политических группировок и польской общественности по вопросу о признании СССР. В целом же глава получилась незавершенной.

Автору, к сожалению, удалось лишь отчасти вскрыть внутренние пружины, приводящие в действие механизм внешней политики государства. Весьма поверхностно показана борьба политических группировок в Польше, которая оказывала огромное влияние на формирование внешнеполитического курса правительства. Е. Куманецкий не касается вопроса о позиции революционного пролетариата Польши, выступавшего против авантюристической политики правящих кругов. Читатель не найдет в книге материала, который бы рассказывал о повседневной борьбе за укрепление добрососедских отношений с Советским государством, которую неустанно вела Коммунистическая рабочая партия Польши, смело разоблачавшая антисоветскую политику правящих кругов. Можно было бы ожидать от автора и более обстоятельного освещения борьбы Советского правительства и Коммунистической партии за нормализацию польско-советских отношений, за реализацию постановлений Рижского мирного договора. Совершенно недостаточно показан в книге ход выполнения советской стороной экономических обязательств, в частности, ход реэвакуации в Польшу промышленного оборудования, расчетов в порядке эквивалента и т. д. — ведь в охватываемый книгой период в этом отношении советской стороной уже было сделано многое.

Несмотря на отмеченные недостатки и пробелы, книга Е. Куманецкого заслуживает внимания специалистов по истории советско-польских отношений межвоенного периода.

П. Ольшанский

КНИГА ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ им. АДАМА МИЦКЕВИЧА В ПОЗНАНИ

7 мая 1969 г. отметил свое 50-летие Университет имени Адама Мицкевича. Одновременно с этой датой праздновалось и 450-летие Академии Любраньского — первого высшего учебного заведения в столице Великой Польши. В связи с этими юбилейными датами и вышла в свет научная монография, посвященная развитию университетского образования в Польше до 1918 г., а также истории Университета им. Адама Мицкевича на протяжении полувека¹.

¹ «Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu». Seria: Dzieje UAM — № 6 A. Poznań, 1971, 425 s.

Рецензируемая монография уникальна в своем роде, так как еще нет труда, который охватывал бы историю Познанского университета в целом.

Эта книга — результат коллективного труда профессоров Университета им. Адама Мицкевича. Хронологические рамки исследования значительно шире, чем название книги. Они позволяют нам узнать предысторию возникновения Университета, историю долгой и упорной борьбы за создание Университета на западных польских землях.

В первой главе «Четыреста лет борьбы за университет в Познани» (автор З. Грот) освещается процесс образования высших

учебных заведений в важнейших центрах Польши.

Познань издавна являлась одним из главных центров культурной и интеллектуальной жизни Польши. Несмотря на то, что в стране постоянно рос интерес к науке, в ней имелся только один — Ягеллонский университет в Кракове. Уже в XV в. зародилась тенденция к децентрализации высшего образования и просвещения. Автор пишет, что эта идея была воплощена в жизнь в 1519 г., когда в Познани было открыто высшее учебное заведение, отвечавшее идеям гуманизма того времени и вошедшее в историю под названием Академии Любраньского. Славу Академии принесли видные профессора ее и ректоры: виднейший польский гуманист Томаш Бодерманн, Гжегож из Шамотул, Кшиштоф Гогендорфер. Среди слушателей Академии был один из виднейших врачей эпохи Возрождения Ян Струсь и знаменитый польский поэт Климент Яницки.

Академия Любраньского переживала периоды бурного развития и временного упадка, пока она не была окончательно закрыта в 1780 г.

Автор показывает все безрезультатные попытки создания великопольской Академии. В период с 1793 по 1846 гг. возникало несколько проектов создания университета, однако ни один из них не был поддержан прусскими властями. Причина нежелания создать университет на польских землях не скрывалась прусским правительством, в чьих глазах польский университет в Познани был бы опаснейшим оплотом польского национального духа.

Вся система отношений в прусском государстве препятствовала осуществлению планов создания университета на западных польских землях. В связи с этим предпринимались другие шаги в области развития науки, которые, как оказалось впоследствии, помогли созданию университета, — возникали и разрастались различные научные общества. Одним из них было Общество научных лекций, возникшее в 1913 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России способствовала подъему революционного и национально-освободительного движения во всем мире. Познанское восстание 1918—1919 гг. было одним из крупнейших проявлений национально-освободительного движения на западных польских землях, находившихся под властью Германии. Успех восстания определил воссоединение части познанских земель и Поморья с польским государством. Поражение Германии в 1918 г. способствовало оживлению надежд на осуществление стремлений многих поколений польской интеллигенции.

Возникновению Университета в Познани и его развитию в период между двумя мировыми войнами посвящена сле-

дующая глава монографии — «Основание и развитие Познанского университета в 1919—1939 гг.» (автор А. Чубинский).

В главе содержится краткий очерк, характеризующий состояние высшего образования в Польше накануне завоевания независимости, подробно рассказывается о преобразованиях в системе высших учебных заведений возрожденной Польши, о первых законодательных актах об академических школах. Важную роль в подготовке к созданию Университета в Познани сыграли Общество любителей наук и Общество научных лекций, работа которых в большой степени приближалась к университетским методам. Видную роль в борьбе за создание университета сыграл председатель Общества любителей наук доктор Г. Свенцицкий, который возглавил Организационную комиссию польского университета в Познани и стал его первым ректором. Торжественное открытие Познанского университета в 1919 г. стало одним из важнейших политических и культурных событий всей страны.

В главе рассмотрены вопросы формально-правового положения Университета, работа ученых советов первых факультетов, создание Западно-славянского института, который начал широкие исследования по истории западных славян; прослежены процесс развития Университета, образование факультетов, новых кафедр, институтов, преобразование институтов в факультеты, организационная структура Познанского университета.

Благодаря Университету Познань превратилась в крупный научный центр в стране. В связи с развитием отдельных научных дисциплин туда стали приезжать ученые из других стран. Многие труды профессоров Познанского университета публиковались на иностранных языках. В Познани проходили международные конференции.

В главе рассмотрены основные направления в развитии научных исследований 1924—1939 гг., рассказано о научной деятельности К. Тыменецкого, З. Войцеховского, К. Тыца, З. Качмарчика, А. Клодзиньского, Я. Рутковского. Познань стала видным центром филологических, экономических, географических исследований. Из познанской исторической школы вышли: К. Гурский, Л. Кочж, Г. Лябуда, С. Кеневич, З. Грот, В. Якубчик и др.

Отрицательно повлиял на дальнейшую судьбу Университета майский переворот 1926 г. Рост количества кафедр и отделений был приостановлен, сокращены денежные средства, предназначенные на научно-исследовательские цели Познанского университета. Тем более, что вскоре, в 1929—1933 гг. начался экономический кризис. Во время экономического кризиса 1929—1933 гг. были внесены изменения в законодательство о высшей школе,

которая теряла свою автономию, все более подчинялась административным властям «санации».

Следующая глава монографии — «Познанский университет во время гитлеровской оккупации» (автор Ч. Лучак) — повествует о деятельности Университета в наиболее трудное для польского народа время в 1939—1945 гг. В первые же дни оккупации Университет в Познани был закрыт, имущество его конфисковано, публично была сожжена вся польская научная литература, в том числе уникальные издания и множество комплектов редких журналов.

Уже в первые недели оккупации началась конспиративная педагогическая деятельность научных сотрудников Познанского университета. В течение нескольких месяцев нелегально было создано высшее учебное заведение под названием Университет западных земель (УЗЗ) с административным центром в Варшаве. В необычайно трудных условиях получило высшее образование 97 человек, 5 человек защитили диссертации на звание доцента и 5 на научную степень доктора. УЗЗ вписал славную страницу в историю польской культуры.

Владислав Маркевич освещает деятельность Университета им. Адама Мицкевича в 1945—1958 гг. После образования Польской Народной Республики создались благоприятные условия для подлинно научного развития высшей школы в стране. История Познанского университета, переименованного в 1955 г. в Университет им. Адама Мицкевича, тесно связана с изменениями, происшедшими в стране после народно-демократической революции.

Автор подробно рассматривает проблемы восстановления Университета и развитие его материальной базы, изменения в структуре Университета (отделение и превращение некоторых факультетов в самостоятельные вузы), возникновение и ликвидацию определенных кафедр и отделений, введение на некоторых факультетах заочного обучения и экстерната.

Автор исследует, каким образом Университетом решались задачи планирования и координации научных исследований, подготовки научных кадров с учетом традиций и специфики польских вузов, а также опыта развития вузов в Советском Союзе. В разделе об учебной и воспитательной работе говорится о трудностях, связанных с набором и обучением студентов в период восстановления вуза, о проведении мероприятий, которые должны были содействовать росту эффективности обучения, о введении принципа планирования при наборе студентов на 1-й курс и распределении выпускников на работу.

В следующей главе «История Университета им. Адама Мицкевича в 1958/59—1968/69 гг.» (автор Б. Мисьевиц) рас-

сказывается о решающем влиянии на развитие науки происшедших в стране крупных экономических, политических и идеологических изменений, политики государства в области научных исследований.

Решением Ученого совета Университета 7 декабря 1959 г. был принят план развития Университета в 1959—1965 гг. В основу перспективного плана развития Университета им. А. Мицкевича на 1964—1980 гг. легли постановления XI Пленума ЦК ПОРП.

Рассматривая вопросы формирования новой организационной структуры университета, автор находит, что наиболее существенные изменения в его структуре были связаны с организацией учебы для рабочей молодежи. Одной из новых форм организации обучения было создание консультационных пунктов для студентов заочного обучения.

Автор исследует вопросы участия Университета в развитии научных исследований в период 1958—1969 гг. на юридическом, историко-философском, филологических факультетах. В широкой проблематике научных исследований этих факультетов выделяется несколько направлений. Одно из них — это польско-германские отношения. Научный коллектив Познанского университета сыграл большую роль в пробуждении интереса к прошлому западных земель и к проблематике в области германистики. Другими направлениями были исследования современного строя Польши и сущности народного государства, изучение генезиса польского общества и государства на фоне истории развития славянских народов, изучения истории Поморья. Основные направления научных исследований на филологическом факультете охватывают изучение литературы, языка, а также методологические исследования в области языкознания и теории литературы.

Рассматривая учебно-воспитательную деятельность, автор отмечает поиски наиболее эффективных форм работы со студентами стационарных, вечерних и заочных отделений, рассказывает о ведущей роли университетской организации Польской объединенной рабочей партии в жизни вуза. Большое место в этом разделе статьи уделяется деятельности различных студенческих организаций, кружков и обществ.

Эти направления деятельности, определившие его современный характер, позволяют автору сделать вывод, что Университет им. Адама Мицкевича может служить примером вуза нового типа — вуза социалистического.

Заключительная глава монографии носит итоговый характер, она так и называется — «Достижения и перспективы» (автор Г. Лябуда). Университет им. Адама Мицкевича стал Университетом поль-

ских западных земель. В нем обучалась молодежь из всей северо-западной Польши, туда же направлялись на работу выпускники университета.

Познанский Университет всегда оставался верен богатым традициям борьбы за национальную и политическую независимость, творчески развивая их в своей многогранной деятельности.

Книга об истории Университета им. Адама Мицкевича является интересным исследованием, содержит богатый и яркий фактический материал и заслуживает внимания широкого круга читателей и исследователей.

И. Д. Павлушина

КНИГА О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

Книга молодого западногерманского ученого Г. Принцинга «Значение Болгарии и Сербии в 1204—1219 гг. в связи с образованием и развитием греческих государств после взятия Константинополя крестоносцами в результате четвертого крестового похода»¹ посвящена международным и церковнополитическим отношениям на Балканах со времени захвата Константинополя крестоносцами (1204 г.) и до образования сербской автокефальной церкви (1219—1220 гг.). Работа основана на широком круге источников (хроники, жития святых, акты, речи, письма) на греческом, латинском и славянских языках. Принцинг использовал, помимо опубликованных памятников, неизданные редакции «Истории» Никиты Хониата, подготовленные к печати Я. Л. ван Дитеном.

Книга состоит из очерков, посвященных отдельным эпизодам истории указанного периода, в каждом из которых Принцинг стремится уточнить ход событий, их связь и датировку. В заключение автор характеризует общие направления внешнеполитических отношений на Балканах того времени, подчеркивая, что в основе их было стремление приобрести или удержать при помощи военных или дипломатических средств определенные территории. Причем военные и дипломатические акции получали идеологическое обоснование и оправдание. Принцинг подчеркивает, что описание отношений того времени «в категориях мышления, типичного для национальных государств», вело бы к односторонним заключениям (стр. 179. Ср. стр. 63). Такой подход к балканской истории выделяет работу Принцинга из современной западной историографии, как правило, не признающей феодальной природы Византии, Болгарии или Сербии.

Политическая борьба на Балканах начала XIII в. рассматривается как серия

военных, дипломатических и идеологических конфликтов между Болгарией и Латинской империей, в которые позднее вступают Сербия, Эпир, Никейская империя и два эфемерных славянских княжества: Просек и Мельник. Первый этап этой борьбы — столкновение Болгарии и Латинской империи в 1204—1207 гг., вызванное как территориальными претензиями на последние Византии, так и нежеланием латинских феодалов признать равноправие Болгарского царства, их нереалистическими, унаследованными от Византии, претензиями на суверенитет над Болгарией (стр. 174). В ходе этой борьбы часть греческих архонтов Фракии, первоначально окружавших императора Алексея III, в 1203 г. бежавшего из Константинополя и в ноябре 1204 г. попавшего в плен к Бонифацию Монферраторскому (Принцинг устанавливает этот факт в результате анализа неизданных редакций Хониата — стр. 8 и сл.), приняла сторону болгарского царя Калояна. На союз с Калояном их толкнули сами латиняне, отказавшиеся принять «эгерью» Алексея III к себе на службу после его пленения (стр. 3 и сл.). Сближение Калояна с греками привело, по мнению Принцинга (стр. 25), к тому, что болгарский царь выступил как идеологический и политический преемник византийского автократора, в обоснование чего выдвигается, в частности, теория о происхождении предков Калояна из римской знати (стр. 29 и сл.).

С греко-болгарским союзом были связаны два выступления греческого населения против латинского господства: в округе Филиппополя и в Солуни (стр. 43—51). Однако после победы Калояна при Адрианополе в апреле 1205 г. греко-болгарский союз постепенно распадается. Причину этого Принцинг видит прежде всего в том, что именно на фракийское население легло основное бремя затянувшейся войны (стр. 61). Как болгары, так и латиняне подвергали страну разграблению. Принцинг решительно выступает против односторонних исторических концепций, рисовавших Генриха Фландрского, правителя Константинополя, покровителем греков (стр. 52) и, напротив, расценивавших Ка-

¹ G. P r i n z i n g. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopoles infolge des 4. Kreuzzuges. München, 1972, 182 S.

лояна как жестокого насильника; последнее суждение, полагает Принцинг (стр. 57), восходит к византийской литературной традиции. Кроме того, греки не отказались от реакционной имперской идеологии, которая признавала в латинянах преемников Византии, но отказывала в этом «рабам» — болгарам (стр. 58 и сл.). К тому же латиняне, прежде всего венециане, осознали ошибочность своей политики по отношению к греческим архонтам и стали искать их поддержки: так, летом 1206 г. византийский магнат Федор Вран стал *dominus et capitaneus* Адрианополя (стр. 61 и сл.). Уже в 1205 г. Филиппополь восстал против Калояна и Алексей Аспиет попытался установить там свою власть (стр. 55). Необходимо отметить, попутно, что сомнения Принцинга (стр. 70, прим. 37) в армянском происхождении Аспиета не обоснованы.

Потеряв союзников во Фракии, Калоян находит новую поддержку в лице никейского императора Феодора I Ласкаря. Хотя Принцинг считает, что упоминание в послании Иннокентия III от 5 июня 1205 г. о сближении болгар с турками и «другими врагами креста Христова» не обязательно должно означать союз Калояна и Феодора I, — но к 1207 г. такой союз уже создается (стр. 78—81).

Сербия в отличие от Болгарии первоначально оставалась в стороне от «балканского конфликта», при этом в Сербии латинского константинопольского императора рассматривали как преемника византийских василевсов (стр. 96). Впрочем, представления Принцинга о позиции Сербии вряд ли основательны: он сам цитирует в другой связи послание Иннокентия III от 15 сентября 1204, из которого следует, что Калоян при поддержке половцев опустошал сербские земли (стр. 32). — в свете этих событий отношение сербов к Латинской империи становится более понятным.

После смерти Калояна в 1207 г. в Болгарии появляется тенденция к децентрализации: из ее состава выделяется «княжество» Стреза в Просеке, получившее поддержку сербов (стр. 100 и сл.) и «княжество» Алексея Слава в Цепине и Мельнике, признававшее сюзеренитет Генриха Фландрского (стр. 101 и сл.). Одновременно усиливается Эпирское государство, правитель которого Михаил I летом 1209 г. также признавал себя вассалом Генриха (стр. 102). Однако подобная расстановка сил, выгодная латинянам, удержалась недолго: в начале 1212 г. Генриху уже приходилось иметь дело с коалицией, куда, помимо Никеи и Болгарии, входили Эпир и Просек (стр. 103 и сл.); впрочем, Михаил Эпирский вскоре вновь принимает сторону латинян (стр. 105). Новое изменение в расстановке сил наступило после заключения в

1204 г. Нимфейского договора между Генрихом и никейским императором латиняне сближаются с Болгарией (Генрих женился на дочери болгарского царя Бориса), а затем вступают в союз с Венгрией, что создает непосредственную угрозу для сербских земель (стр. 108 и сл.). Новую расстановку сил использовал в своих интересах Михаил Эпирский, которому удалось захватить сербский город Скадар или Скутари (стр. 110). В дальнейшем, однако, преемник Михаила Феодор I, начавший борьбу против латинян, привлекает на свою сторону как сербского великого жупана Стефана II Первовенчанного, так и Алексея Слава (стр. 114—116). В этих условиях сербский жупан добивается (между 1217 и 1220 г.) признания его королем (стр. 155), что дает Стефану Первовенчанному политическое равноправие в отношениях с Венгрией и Болгарией. При этом Принцинг стремится показать, что теория политического равноправия сербского правителя с «царями» и «королями» была подготовлена идеологически уже ранее и выражена в преамбулах к хиландарским хрисовулам 1199 и 1200—1201 гг. (стр. 156—162).

Если политическая борьба на Балканах в начале XIII в. выражается в создании серии феодальных союзов, обусловленных конкретными территориальными претензиями, союзов недолговременных, легко разрушавшихся и воссоздававшихся, то церковно-политическая борьба, напротив, сохраняла традиции имперской, или универсалистской идеологии. Письмо охридского архиепископа Димитрия Хоматиана и протоколы Охридского собора (то и другое относится к 1218—1219 гг.) свидетельствуют о нежелании эпирского клира признать за болгарами право на независимое царство и самостоятельное патриаршество (стр. 140 и сл.), хотя в среде греческого духовенства имела и толерантная группа, готовая к компромиссу с болгарской церковью (стр. 141—143).

Столь же решительно Димитрий Хоматиан и охридский клир выступили против автокефальности сербской церкви (стр. 169 и сл.), тогда как никейский патриарх Мануил I Сарандин санкционировал создание архиепископии в Пече¹.

Принцинг не говорит об этом прямо, но его изложение приводит к выводу о том, что нереалистическая универсалистская идеология Эпирского царства ослабила его позиции в успешно начатой борьбе за гегемонию на Балканах и облегчила никейскую экспансию в этих областях.

А. Л. Ястребицкая

¹ См. об этом V. Laurent. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople, f. 4. Paris, s. 1971, № 1225. В. Лоран датирует это решение временем незадолго до апреля 1220 г.

В. П. ГРАЧЕВ. *Сербская государственность в X—XIV вв.* (Критика теории «жупной организации»). М., 1972, 332 стр.

Проблема сербской государственности со времени выхода в 1947 г. известной статьи Ю. В. Готье¹ не привлекала внимания советских исследователей. Современная марксистская историография, отвергнув утверждение о позднем происхождении сербского государства, критически не пересматривала многие концепции буржуазной науки, среди которых особенно прочно утвердилась теория так называемой «жупной организации».

Именно эту задачу и поставил перед собой автор рецензируемой книги. В центре его внимания находится вопрос об административно-территориальном устройстве Сербии X—XIV вв., разработка которого ведется в двух направлениях: 1) изучение истории возникновения и поиски гносеологических корней теории «жупной организации» (глава 1, заключение); 2) исследование значения терминов «жупа» и «жупан» в сохранившихся сербских средневековых источниках (главы 2, 3, 4).

Согласно выводам автора, теория «жупной организации» применительно к истории южных и западных славян создается во второй половине 30—50-х годов XIX в. Одни ученые (Г. Иричев) развивали схему Ф. Палацкого, по которой жупа первоначально совпадала с территориальной рода, а затем, в процессе развития превращалась в территориальную единицу, потерявшую связь с племенной организацией, но живущее в ней население продолжало сохранять коллективную собственность на землю жупы (стр. 23); другие (Ф. Ф. Зигель, Ф. Рачки и др.) расширяли, видоизменяли и приводили, по возможности, в соответствие с материалами источников построение А. Ф. Гильфердинга, ставившего систему жупного деления в прямую зависимость от племенной организации (стр. 24). В 90-е годы XIX в. некоторые историки (А. Н. Ясинский) заметили ошибочность методики анализа источников, при котором отождествлялись понятия, обозначавшиеся различными терминами, и пытались проследить эволюцию институтов жупы и жупанов, но не смогли преодолеть методологических ошибок теории «жупной организации» в целом (стр. 36). Историография первой половины XX в. тоже не внесла коренных изменений в решение вопроса о развитии славянской государственности.

В. П. Грачев использует в монографии разнохарактерные источники (актовый материал, юридические памятники, сви-

детельства византийских и западно-европейских авторов и др.), большая часть которых давно введена в научный оборот, но они приобретают новое звучание благодаря применению разнообразных методов исследования: историко-географического метода при изучении топонимики средневековой Сербии, статистического — при определении числа зависимых сел, сравнительно-исторического — для выявления темпов феодализации различных районов страны.

Автор считает, что уже в IX—X вв. территория расселения сербских племен не совпадала с границами районов, которые в XIII—XIV вв. обозначались термином «жупа», хотя не исключает возможность, что уже в это время сербская жупа, по аналогии с хорватской, была единицей административно-территориального деления (стр. 298). Давая историко-географическую, экономическую, этническую характеристику отдельных областей сербского государства Неманчей (Подгоры, Хума, Требнине, Зеты, Рашки, Македонии), В. П. Грачев отмечает наличие с XIII в. по 70-е годы XIV в. не менее 80 топонимов, которые в различные отрезки времени были закреплены за определенными, сравнительно небольшими территориальными районами (к сожалению, отсутствие карты затрудняет изучение результатов обработки материала источников, собранного буквально по крупицам, но подавляющее большинство топонимов не было связано с термином «жупа»). Лишь около 30 районов в различные периоды обозначались в источниках как жупы (стр. 194—195). Так рушится схема буржуазной историографии о жупе как «сложном комплексе территориально-географического, этнического, хозяйственного и административного единства» (стр. 17).

Позитивное решение вопроса о жупах потребовало от автора выявления основных этапов перестройки административно-территориального деления Сербии XIII—XIV вв. Согласно данным Жичской грамоты, в 20-е годы XIII в. жупы в Рашке еще сохраняли связь с территориально-географическими факторами, ибо для административных единиц выбирались удобные для ведения сельского хозяйства районы, расположенные в речных и горных долинах (стр. 298). Как полагает В. П. Грачев, это является свидетельством относительной слабости развития феодальных отношений в ранний период существования государства Неманчей (стр. 299). Ускорение темпов феодализации, включение в состав сербского государства новых земель с иным территориальным устройством и наличием

¹ Ю. В. Готье. Образование Сербского государства. «Славянский сборник». М., 1947.

городов, возрастающая роль собственно сербского города вызвали изменение административно-территориального деления, которое произошло, по мнению автора, в конце XIII — начале XIV вв. Теперь границы жуп определялись в соответствии с «экономической структурой расположенных там феодальных хозяйств» (стр. 285). Новый этап перестройки административного деления наступил с распадом государства Неманичей в 70-е годы XIV в. В условиях феодальной раздробленности уже не было общих принципов выделения административных единиц. Термин «жупа» исчезает из сербских источников, сохранившихся лишь в районах, которые отошли к Боснии и далматинским городам. Вместо него появился термин «власть» (стр. 299).

Столь же детально в монографии прослеживается эволюция термина «жупан». Институт жупанов зафиксирован в славянских источниках в VIII—IX вв. Несмотря на ограниченность их сведений, автор считает, что к середине IX в. институт жупанов уже «утратил племенной характер и превратился в один из органов административного управления раннефеодального государства» (стр. 286), наряду с которым существовали и другие органы власти — князья, архонты, воеводы и различные чиновники. В период развитых феодальных отношений институт жупанов теряет свое прежнее значение и начинает вытесняться из общей системы административного управления, что особенно ярко прослеживается в 20-е годы XIII в. в Рашке. Позже, в конце XIII в., система местного управления перестраивается и в областях с менее интенсивным процессом экономического развития — в Холме, Требинье, Зете (стр. 293). Теперь термин «жупан» стал распространяться на крупных феодальных собственников, чем подчеркивалась их относительная независимость от органов государственного управления (стр. 297).

Основной вывод В. П. Грачева гласит, что пути развития института жупанов и главных этапов формирования территориально-административных единиц в средневековой Сербии не совпадали между собой. Буржуазные историки — сторонники теории «жупной организации» исходили из сообщений источников, а из гегельянской схемы создания государственности, что наложило известный отпечаток и на работы ученых-марксистов, некритически воспринявших результаты построений буржуазной историографии (стр. 303—312).

Но историографическое исследование В. П. Грачева приобрело бы значительно большую стройность и завершенность, если бы автор связывал не только истоки теории «жупной организации», но и попытку ее подновления и видоизменения с

общей историческими концепциями разделявших ее ученых. Иначе осталось неясным, почему схема государственности, предложенная Гегелем, отвечала запросам не только сторонников славянофильского романтизма, но и представителей других школ и направлений в историографии (среди них и позитивисты, и сторонники критического направления в сербской историографии и др.), для которых характерна самая различная оценка гегелевской историко-философской системы.

В. П. Грачев обходит вопрос, поднятый буржуазными учеными в рамках теории «жупной организации», о связи с элементами общинной организации в деревне. Несмотря на присутствие буржуазной историографии статичность рассмотрения вопроса и смешение данных различных эпох, здесь шел водораздел между историками, признавшими в сербской деревне наличие остатков общинных порядков, имеющих древнее происхождение², и учеными, которые такие порядки считали лишь поздним нововведением³. Поэтому нам кажется не совсем обоснованным отказ от анализа всех статей Законника Стефана Душана о жупе (стр. 279), рассмотрение которых могло бы пролить свет на данный вопрос.

Давая экономическую характеристику отдельных районов средневековой Сербии автор подметил тенденцию к разделу всех земель между феодальными поместьями и перераспределению феодальной земельной собственности. Однако в некоторых случаях датировка указанных процессов требует более убедительных доказательств. На основе весьма интересной в целом таблицы, фиксирующей рост числа зависимых сел по отдельным районам (стр. 168), В. П. Грачев заключает, что основная часть земельных пожалований феодалам в Рашке была сделана в XII — начале XIII вв. (стр. 171). Но в таблицу включены лишь населенные пункты, для которых определено более или менее точное местоположение, что не всегда возможно сделать. Не учтенными оказались свыше 10 сел созданного в 1313—1318 гг. поместья Бавьского монастыря. В таблице отсутствуют и 23 села того же монастыря, расположенных в районе Звечана (стр. 164—167), в результате чего значительно уменьшена доля пожалова-

² См. М. Р а д о с л а в л е в и ћ. Эволюција српске задруге. Београд, 1886, стр. 14.

³ С т. Н о в а к о в и ћ. Село. «Глас српске краљевске академије», XXIV, Београд, 1891, стр. 192—197. Автор почему-то отказался от анализа этой работы Новаковича, также как и некоторых других работ по проблеме сербской государственности (А. С о л о в њ е в. Предавања из историје словенских права. Београд, 1938; Ю. В. Готье. Там же).

ний, сделанных в 20-е годы XIV в. Требуется уточнения и вывод об осуществлении в Рашке 30—60-х годов XIV в. пожалований «в основном за счет перераспределения земельных владений» (стр. 174) ибо с полным основанием его можно отнести только к концу указанного периода. В 30—40-е годы XIV в. большая часть монастырских сел (8 из 13 сел указанных в таблице В. П. Грачева) попала в сферу поместной эксплуатации впервые (стр. 156, 159). Все это подтверждает необходимость выделения середины XIV в. как еще одного важного рубежа социально-политического развития средневековой Сербии, уже отмеченного в исследованиях советских ученых⁴.

⁴ См. О. Х. Соколовський. Ріст феодального землеволодіння в Південній Сербії XIII — першої половини XIV ст. «Доповіді і повідомлення міжвузівської конференції істориків педінститутів». Полтава, 1958; Е. П. Наумов. К истории церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в. «Средние века», вып. 23. М.

В монографии встречаются повторы, не всегда оправданные сложной архитектурикой; дважды (на стр. 69 и 311—312) приводится одна и та же довольно большая цитата из работы Д. Янковича.

Разумеется, отмеченные недочеты не являются определяющими при общей положительной оценке исследования В. П. Грачева. Автор убедительно доказал, что административно-территориальное деление и местные органы управления находятся в тесной взаимозависимости с общественно-экономическими отношениями, фиксируют их изменения и подвергаются ломке, когда перестают соответствовать уровню их развития. Аргументированный вывод об отсутствии связи между племенной и «жупной организацией» уже в IX в. (стр. 313) дает новый четкий критерий для решения вопроса о времени происхождения сербской государственности.

С. П. Боброва

1963; его же. К оценке социально-экономических изменений в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966 и др.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА

«Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах»¹ — первый труд, где в обобщенном изложении раскрывается история зарождения и развития марксистской литературно-эстетической мысли в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии. Рецензируемое коллективное исследование продолжает разработку проблем, которые уже ставились в сборнике «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (1963), созданном тем же авторским коллективом и признанном пашей и зарубежной печатью ценным научным достижением. Основательная подготовленность авторов, опиравшихся и на свои обобщающие труды по истории литературы зарубежных славян, объединенных при этом общностью исследовательской позиции, объясняет нам многие достоинства этого труда.

Авторы успешно решили свою основную задачу. Поставив своей целью выявить исторические и национальные особенности становления марксистской литературной критики в различных славянских странах, они обстоятельно исследовали и описали зависимость этого про-

цесса от характера рабочего движения и деятельности марксистских партий, от своеобразного развития каждой из литератур и их восприимчивости к новым веяниям, шедшим из Страны Советов.

Суммарная характеристика важнейших этапов формирования и развития марксистской литературно-эстетической мысли содержится в статье Д. Маркова «Дорогие традиции», которой открывается книга. В ней намечен ряд предварительных обобщений, которые в дальнейшем помогают читателю концентрировать внимание на сходных моментах эволюции литературной марксистской критики у южных и западных славян.

В основе конкретного изложения лежит хронологический принцип. По времени распространения марксизма на первом месте идут Болгария и Польша, которым соответственно посвящены статьи В. Злыднева и В. Хорева.

Статья В. Злыднева «Формирование и развитие марксистской литературной критики в Болгарии», как и другие работы сборника, характеризуется стройной, научной объективностью суждений. В поле зрения исследователя находятся самые выдающиеся критики-марксисты — Д. Благоев, Г. Бакалов и Т. Павлов. На примере эволюции их эстетической мысли и раскрывается история болгарской марксистской литературной критики. Ав-

¹ «Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах». М., 1972, 352 стр.

тор анализирует национальную специфику изучаемого процесса, выделяя и четко обозначая наиболее типичные его моменты. Должное внимание уделено и полемике о наследии Г. Бакалова. Борьба за непредвзятый подход к оценке деятельности этой центральной фигуры в болгарской литературной критике означает в сущности отстаивание принципа научной объективности в изучении марксистской литературоведческой мысли в Болгарии.

Статья В. Хорева «Польская марксистская литературная критика (20—30-е годы)» — исследование не только содержательное, но и безусловно новаторское в полонистике, для которого тоже характерен выдержанный историзм определений и оценок. Первые шаги марксистской литературной критики здесь, как и в Болгарии, тоже были сделаны виднейшими лидерами рабочего движения в конце XIX — начале XX в. (Р. Люксембург, Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский и др.), хотя в их деятельности литературная критика и не занимала такого большого места, как, например, у Д. Благова. Новый этап развития польской марксистской литературной критики приходится на 20-е годы нашего века, с которых автор начинает ее обстоятельное изложение. При этом для него важна не столько личность критика, сколько движение самой мысли, формирующейся в борьбе мнений по разным проблемам, рассматривая которую автор отмечает и личное участие в ней поэтов В. Броневского, Л. Шенвальда, С. Р. Станде, В. Вандурского, С. Р. Добровольского и др., таких критиков, как Я. Гемпель, А. Ставар, П. Гоффман и И. Фик. В Польше, стране богатых и древних литературных традиций, вопрос об отношении к классическому наследию дискутировался особенно ожесточенно и приводил многих к ошибкам вульгарно-социологического характера. Разбор этих заблуждений, условий их распространения и преодоления придает работе В. Хорева особый интерес. Ценны в ней также и наблюдения над спорами польских марксистов об отношении пролетарской литературы к различным авангардистским течениям, о необходимости нового творческого метода и о путях достижения этой цели — словом, над той теоретической полемикой, актуальность которой очевидна в свете современного обсуждения проблем социалистического реализма.

Исключительный интерес в этом плане представляет статья С. Шерлаимовой. Как и предыдущие исследователи, автор «Формирования чешской марксистской критики» объективно освещает все важнейшие стороны и исторические этапы процесса. Литературно-критические выступления чешских лидеров рабочего движения XIX в. менее значительны по сравнению с начинаниями марксистских критиков в Болгарии и Польше. Автор

использует их, чтобы пролить свет на запутанную ситуацию, сложившуюся позднее на литературно-эстетическом поприще под влиянием длительного затишья реформизма в чешском социал-демократическом движении. Начало становления в Чехии марксистской критики автор относит к 20-м годам XX в. и связывает с широким распространением в стране под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции идей марксизма-ленинизма, с образованием Коммунистической партии Чехословакии, с первыми успехами молодой чешской революционной литературы. Вслед за этим в Чехии наступил такой расцвет пролетарской литературы, какой не наблюдался нигде, кроме Страны Советов. В межвоенные годы чешская литература была единственной европейской литературой, которая в условиях капитализма подверглась такому сильному и широкому воздействию революционных идей, что социалистическое направление завоевало в ней господствующее положение, выдвинув целую плеяду первоклассных художников слова (Я. Гашек, И. Волькер, И. Ольбрахт, С. К. Нейман, В. Незвал, В. Ванчура, М. Майерова и др.) и ряд высокообразованных, вровень с ними стоящих критиков-марксистов (З. Неудлы, К. Конрад, Б. Вацлавек, Ю. Фучик и др.). Их мысли, искания и выводы, касающиеся перспектив развития нового искусства, и составляют основной объект анализа С. Шерлаимовой. В центре внимания чешских теоретиков находились проблемы социалистического искусства, связи эстетического с политическим, проблемы новаторства и отношения революционной литературы к достижениям иных направлений авангардистского и модернистского толка. С. Шерлаимова сумела так изложить свой материал, что становится очевидной его живая связь с ныне дискутируемыми проблемами.

Словацкая история марксистской литературно-эстетической мысли нашла в лице Ю. Богданова вдумчивого исследователя, умеющего выделить в изучаемом самом главном. В его логически последовательном изложении опыт борьбы словацких марксистов за передовую эстетическую мысль кажется не менее поучительным, чем опыт других стран. Особый аспект изучаемой темы четко обозначен в заглавии статьи Ю. Богданова — «Словацкая марксистская критика в борьбе за новую концепцию национальной литературы (20—30-е годы)». Перед зарождающейся марксистской критикой с особой остротой встали задачи обеккультурного «возрожденческого» характера. Это потребовало от поборников пролетарского интернационализма в 20-е годы выработки принципиально нового взгляда на развитие словацкой национальной культуры. Благодаря этому в 30-е годы они сумели сформулировать прогрес-

сивную литературную платформу и вести за собой большинство словацких писателей-демократов и антифашистов. Характерно, что ни эстетские крайности чешского поэтизма, ни столь характерные для других стран вульгарно-социологические искажения не нашли в Словакии благоприятной почвы для своего развития.

Югославия представлена в книге двумя очерками — по истории формирования словенской и сербской марксистской литературно-эстетической мысли. В известном смысле это обязывало авторов указанных очерков Е. Рябову и М. Богданова касаться духовной жизни и других народов представляемой страны, т. е. учитывать также результаты культурного взаимодействия и литературных связей, что и составляет характерную особенность обоих исследований, наблюдаемую, кстати, и в работе словакиста Ю. Богданова.

Статья Е. Рябовой «Становление марксистской критики в Словении в 20—30-е годы», как и вся рецензируемая книга, нацелена прежде всего на выявление общего в своеобразном, устойчивых тенденций в деятельности марксистов разных стран, что приближает нас к пониманию изучаемых явлений как общественно закономерных. Для Е. Рябовой решение этой общей задачи было осложнено тем, что в Словении в силу ряда причин, в частности из-за широкого распространения экспрессионизма в литературе, вызревание марксистской эстетической мысли совершалось в сложных, не всегда достаточно выразительных формах. На фоне такого процесса яркая индивидуальность значит особенно много, и возможно поэтому, освещая историю борьбы за применение марксистских идей в литературной критике, автор уделяет много внимания характеристике их носителей — И. Цанкара, В. Мартеланца, С. Косовела, Б. Крефта и др. Этот вполне правомерный подход сказывается у Е. Рябовой заметнее, чем у других авторов сборника.

Статья М. Богданова «Развитие марксистской эстетической и литературно-критической мысли в Сербии в 30-е годы» подкупает не столько изложением фактического материала, сколько его глубиной теоретическим осмыслением. Обстоятельная работа, пожалуй, лишь слишком подробно характеризующая самое литературную жизнь, не только дает общее представление о проблеме, но и содержит анализ ее философско-эстетических основ. Не удивительно, что именно автор этой работы предпринял попытку раскрыть на анализе эстетических концепций Р. Зоковича, Дж. Ивановича и Й. Поповича (стр. 338—342) коренное отличие марксистской критики искусства (ее гносеологических посылок) от немарксистской, в частности также и от революционно-демократической. И хотя проблема рас-

сматривается на сербском материале, теоретическое решение ее выходит за рамки материала.

В сборнике учтены все важнейшие материалы по данной проблематике: сочинения, рецензии, статьи, книги изучаемых критиков и литераторов, а также многочисленная зарубежная и советская научно-критическая литература о них. Даже скупые выдержки, приведенные здесь, свидетельствуют о глубокомыслии и поразительной актуальности суждений некоторых наших предшественников. Так, без всякой натяжки можно утверждать, что современный теоретик социалистического реализма рискует оказаться в положении заново открывающего Америку, если он не познакомится с наследством К. Конрада, И. Фика, Дж. Ивановича и Э. Уркса. Поцутно с анализом деятельности критиков исследователи характеризуют различные, издававшиеся марксистами либо выходявшие при их участии, журналы, газеты и т. д. Богатый фактический материал книги, изобилующий любопытными наблюдениями и обобщениями, очень удобен для сопоставлений и дальнейших выводов относительно закономерностей развития литературно-эстетической мысли.

Во всех статьях в качестве важнейшей отличительной особенности марксистской критики справедливо подчеркивается принцип пролетарского интернационализма, а с момента Октябрьской революции — прежде всего связь критики зарубежных славянских стран с литературной жизнью Страны Советов. Существенный научный интерес представляют различные оценки деятельности организации Пролеткульта у зарубежных славян, где в зависимости от конкретных условий классовой борьбы и руководства национальных коммунистических партий упомянутые организации писателей играли далеко не одинаковую роль (в Болгарии и Чехии эта роль, например, была в основном положительной; в Польше, напротив, выдвинулись на первый план сектантские тенденции). Авторы книги рассматривают марксистскую критику как такую область, главные достижения которой опираются на все то лучшее, передовое, истинное, что вырабатывается наукой (не исключая и ее буржуазных представителей). В этой связи уместным представляется подчеркивание значения для молодой марксистской литературной критики выступлений Ф. К. Шальды в Чехии (статья С. Шерлаимовой), Ижиковского в Польше (статья В. Хорева) и т. д. Вместе с тем в сборнике хорошо показан процесс утверждения принципа партийности в марксистской критике на ленинском этапе ее развития. Именно отношение к принципу коммунистической партийности служит для авторов рецензируемого труда тем основным критерием, посредством которого они решают сложный вопрос

о действительной принадлежности того или иного литературного деятеля к марксистскому направлению эстетической мысли XX в.

Все вышесказанное придает рассмотренному труду советских славистов большое научное и идеологическое значение. На его недостатках — впрочем, несущественных — мы не будем останавливаться, ибо ограничены местом даже

для более полного раскрытия его положительного содержания. Одно несомненно: «Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах» — хотя и первый опыт коллективной работы по обобщению знаний в указанной области, но опыт вполне удачный.

И. К. Горский

А. Р. ВОЛКОВ. *Драматургия Карела Чапека*. Львів, 1972

Вероятно, о Кареле Чапеке написано у нас значительно больше, чем о каком-либо другом чешском писателе¹.

Однако, несмотря на обилие работ, читая книгу А. Р. Волкова, мы убеждаемся, что она заполняет существенный пробел в изучении творчества писателя и что, как это ни странно на первый взгляд, нужны новые исследования о Чапеке. Дело в том, что К. Чапек, писатель-мыслитель принадлежит к таким художникам слова, в противоречивом, сложном творчестве которых исследователи открывают все новые глубины мысли и обнаруживают новые связи художника с эпохой. Кроме того, А. Волков в связи с драматургией Чапека решает теоретические вопросы развития критического реализма, указывает на различные аспекты анализа художественного творчества, открывая тем самым возможные перспективы дальнейших исследований, вызывая на раздумья и полемику.

Во многих современных литературоведческих работах чувствуется стремление обобщить литературный опыт. Но только там, где тщательный анализ художественного текста, скрупулезное изучение отдельных явлений сочетаются с умением увидеть в единичном проявлении общих закономерностей литературного развития — достигаются хорошие результаты.

А. Р. Волков приступил к написанию своей книги после ряда научных статей,

в которых он тонко проанализировал отдельные пьесы К. Чапека, установил типологические связи чешского писателя с В. Маяковским, Б. Брехтом, Н. Хикметом, определил место драматургии Чапека в мировой литературе. Благодаря вдумчивому изучению конкретных вопросов исследователь мог перейти к обобщению и построить свою книгу проблемно. Она читается с неслабеющим интересом, поскольку творчество писателя рассматривается синтетически, с учетом ведущих тенденций, эволюции взглядов художника и их воплощения в образах.

Драматургия Чапека рассматривается в тесной связи с прозаическими произведениями писателя, а также в контексте чешской литературы 20—30-х годов и как часть европейского литературного процесса. Книга состоит из разделов: Интеллектуализм, Обобщенность, Лаконизм, Тропизм, Фантастика, Динамизм, Психологизм, Экспрессивность, Синтетизм, Жанр, отражающих проблемы актуальные не только в плане изучения межвоенной литературы, но и для современной театра и драматургии.

В книге говорится о влиянии точных наук на духовный мир людей, о том, что «искусство не только отвечает на социальные проблемы времени, но всегда отображает уровень человеческого познания и мышления»² (стр. 24). Рецензируемая книга позволяет говорить и о влиянии точных наук на литературоведение. Автор сообщает о своей рабочей методике, о своем понимании отдельных терминов, объясняя значение предлагаемого термина «тропизм». Он старается четко выразить и логично обосновать каждое из выдвинутых положений и без излишнего красноречия, на конкретном материале раскрыть неповторимость творческой манеры писателя.

Для многих современных произведений характерен интеллектуализм, философичность. Не раз уже ставился вопрос, не идет ли это во вред художественности

¹ Вышли книги: В. Шевчук. Карел Чапек. Антифашистські твори. Київ, 1958; О. Малевич. Карел Чапек. М., 1968; И. Бернштейн. Карел Чапек. М., 1969; С. Никольский. Война с саламандрами. М., 1968; С. Никольский. Карел Чапек — фантаст и сатирик. М., 1973; статьи этих же ученых и К. Забарилы, Л. Солнцевой, Б. Шайкевича, Соколянского, А. Машковой, А. Волкова и других. Кроме того, в общих работах о чешской литературе XX в. К. Чапеку уделяется очень много внимания.

² Перевод цитат сделан автором рецензии.

произведения. Полемизуя с исследователями, отрицающими психологизм и художественную типизацию в драмах Чапека, А. Р. Волков справедливо отмечает, что философская, политическая направленность произведения, желание поставить большие вопросы порождает изменение типизации. «Литература остается человековедением, но все чаще рассматривает не судьбу отдельного человека, а судьбу большой категории — класса, народа, всего человечества» (стр. 24—25). Отсюда и обращение к условности: «Возникают новые принципы создания образов, их группирования, отношений и самой типизации. Образы-персонажи становятся условным средством передачи политических, научных, философских и моральных категорий» (стр. 27). И конкретно: «Чапек стремится раскрыть закономерности, которые руководят не только и не столько судьбой отдельной личности, (...) сколько судьбой мира» (стр. 30).

Совершенно правильно А. Р. Волков протестует против мнения, что обращение к условности всегда является отступлением от реализма. Условность, по мнению исследователя, предполагает обращение к резким экспрессивным формам, к тропам, к фантастике, к гротеску, к традиционным сюжетам и т. п.

В данном случае и там, где проводятся параллели между Чапеком и другими драматургами, следовало, на мой взгляд, обязательно обратиться к творчеству Б. Шоу. У него мы находим начало многих тенденций драматургии XX в., в частности тех, о которых говорится в книге А. Р. Волкова: «создание экспериментальных, внешне часто невероятных, но отображающих внутреннюю социально-философскую правду обстоятельств, в которых более четко можно провести авторскую концепцию, дать героям до конца проявить свои возможности, глубже исследовать данные явления жизни» (стр. 26). Говоря о Б. Брехте, о создании «театра не сопереживания, а сораздумий», о «конфликте идей и мировоззрений, а не чувств и страстей» (стр. 29), стоило вспомнить о новаторских попытках Г. Ибсена и Б. Шоу.

Проблема обращения к фантастике в XX в. тоже является одной из самых актуальных. Является ли это обращение отходом от реальности и реализма, или «одним из многих средств изображения социально типичного?» (стр. 117). Анализируя с этой точки зрения произведения К. Чапека, А. Р. Волков считает, что в драме «Разбойник» — «фантастический элемент не входит органически в ряд причинно-следственных мотивировок» (стр. 117), что же касается позднейших произведений Чапека, то в них обнаруживается большая идейно-сюжетная функциональность фантастического. В целом же «фантастическое са-

мым тесным образом связано с интеллектуализмом и принципами обобщения как средство передачи авторской социально-философской концепции, средство социального анализа и социальной сатиры» (стр. 119). В этой связи А. Р. Волков касается и отношения к фольклору, замечая, что «использование фантастики как действительно существующего родственно фольклорному отношению к невероятному» (стр. 122).

Интересно сравнивается в книге отражение национального колорита в очерках и художественной прозе Чапека. Как очеркист Чапек стремится понять национальный дух народов, о которых пишет, но Чапека-романиста и драматурга «национальные особенности интересуют прежде всего постольку, поскольку они являются самыми типическими проявлениями интернациональных общественных явлений» (стр. 77).

Исходя из этих соображений, А. Р. Волков находит американский колорит в ономастике и реалиях пьесы «RUR», но почему-то считает, что этому колориту противоречат немецкие, французские, еврейские, английские, славянские фамилии директоров, в то время как для США как раз характерна национальная неоднородность. Другое дело, что Чапек сознательно концентрировал внимание читателя не на какой-то конкретной стране, а на «духе капитализма» в целом.

Считая, что в драматургии Чапека переплетаются разные жанровые элементы (стр. 164), А. Р. Волков касается и весьма интересного и мало исследованного пока вопроса о взаимовлиянии и взаимопроникновении разных жанров и видов искусств. Весьма уместны в работе замечания о постановке пьес Чапека различными театрами и полемика автора с их трактовкой сюжета и образов, благодаря чему яснее раскрывается концепция драматурга.

В разделе «Лаконизм» на творчестве К. Чапека прослеживается характерная для современной мировой литературы тенденция к «концентрации» мысли, емкости художественного образа, замене описаний одной выразительной деталью.

Автор нередко полемизирует с другими исследователями творчества Чапека, отстаивая свои взгляды. Так он отстаивает психологизм драмы «RUR», хотя на предыдущих страницах книги сам же убедительно доказывал, что основной образ драмы (люди — роботы) и ее направленность (предостережение перед угрозой вырождения и гибели человечества) требовали переключения внимания с психологически-индивидуального на социально-обобщенное.

Стремясь доказать, что Чапек не схематизирует образы персонажей, А. Р. Волков говорит о наличии некоторых положительных черт у Маршала, о его прозрении в конце пьесы «Белая болезнь».

Однако это не прозрение, а капитуляция, это не положительные черты, так как даже храбрость, проявленная Маршалом, в предыдущих сценах, в итоге кажется позой, маской, которую срывает страх. Кроме того, не нужно искать положительное, чтобы отрицать схематизм, так как и отрицательный персонаж у большого писателя не является схемой или карикатурой.

Возникает желание поспорить с А. Р. Волковым по поводу трактовки идейного содержания, философского подтекста драмы «Мать». Так называемое «мужское начало» вряд ли можно сводить только к «общественным интересам, идее, долгу» и говорить, что «сюжет непосредственно отображает столкновение двух правд, двух идей» (стр. 67), так как противопоставляется «личное человеческое счастье смерти за великие дела» (стр. 67). Релятивизм Чапека гораздо сложнее: каждый персонаж в пьесе гибнет за свою «правду», которая отнюдь не всегда является «великим делом», поскольку это и служба в колониальных войсках, «военный долг и офицерская честь», или защита интересов «белых», расстреливавших рабочих. И сам исследователь на предыдущих страницах книги убедительно показал, что Чапек противопоставлял «героизации империалистической солдатни» (стр. 64) у реакционных писателей, свое, близкое к фучиковскому пониманию героя, действующего «в интересах человеческого общества» (стр. 64). Учитывая сомнения Чапека относительно тех благ, которые несет обществу развитие техники, трудно с уверенностью утверждать, что и рекорд летчика-испытателя писатель считал великим делом, ради которого стоит отдать жизнь.

Чапек побуждает самого читателя взвесить все «правды» и подводит его в итоге к своей, согласно которой главным является защита родины от фашизма. А. Р. Волков пишет: «Мужчины вершат большие дела, умирают за них, двигают общество вперед, а женщинам, матерям остаются только страдания и воспоминания об ушедших... Так изображает Чапек диалектику жизни» (стр. 68). Категоричность и однозначность этого утверждения не отвечают сложному об-

щественно-философскому содержанию пьесы. Как уже было сказано выше, мужские дела не оцениваются так упрощенно, а женщинам тоже отводится не только пассивная роль. Образ матери гораздо глубже. Она воплощает не только «круг обычных семейных интересов», но и идею сохранения жизни и мира на земле, создающего начала, которое противостоит воинственному инстинкту разрушения. Именно благодаря этому в конце пьесы она выходит за пределы личных интересов и поднимается к высокому героизму.

Вызывают несогласие и некоторые обобщения, которые делает автор рецензируемой книги. Правильно, что в литературе XX в. проявляется тенденция к сжатости изложения, но сказать: «в истории мировой литературы наблюдается движение от тщательности к сжатости» (стр. 87) — означает придавать литературному процессу несвойственную ему однолинейность, потому что, например, романтизм отличается от классицизма большей детализацией описаний, а натурализм — тем же от критического реализма 30—40-х годов XIX в. Также нельзя сказать, что принцип лаконизма «отражает движение художественного мышления к научному», потому что, например, Золя в своей теории натурализма стремился осуществить эту связь искусства и науки на противоположных лаконизму основах детализации.

А. Р. Волков допустил некоторую неточность на стр. 15, где говорится об интересе чешских писателей к Закарпаты. По инициативе И. Ольбрахта при чехословацкой секции «Международной рабочей помощи» был создан «Комитет спасения трудящихся Подкарпатской Руси». Название Закарпатье и закарпатец употреблялось в буржуазной Чехословакии только в коммунистической прессе. К. Чапек не был членом Комитета, он только подписался под его воззваниями.

В заключение хочется подчеркнуть, что книга А. Р. Волкова «Драматургия К. Чапека» интересна не только для богемистов, но и для всех интересующихся современной литературой и литературоведением.

Н. Ф. Копытянская

ИВАН ДОБРЕВ. *Глаголический текст на Боянския палимпсест. Старобългарски паметник от края на XI век.* София, 1972, 125 стр.

ИВАН ДОБРЕВ. *Глаголический текст Боянского палимпсеста. Старославянский памятник конца XI в.*

Открытая в 1845 г. В. И. Григоровичем рукопись евангелия-апракоса (краткого) списка XII—XIII вв. в с. Бояна близ Софии¹ (откуда и название рукописи «Боянское евангелие»; далее: Боян. ев.) сразу привлекла внимание исследователей тем, что кирилловский текст в ней был написан по стертой глаголице. На это обратил внимание сам В. И. Григорович². П. Шафарик на основании изучения снимков Боян. ев., присланных ему В. И. Григоровичем, установил на одном месте наличие чтения Мк. VII, 31—37³.

И. В. Ягич, кроме прочитанного (в основном) П. Шафариком места, обнаружил еще чтение Мф. I. 18—25 (л. 37 об.) и остатки чтений от Л. XII, Л. III, 1, И. XII, 26—27 и некоторые другие⁴.

Как известно, рукопись Боян. ев., состоящая из 109 листов, представляет собой только часть евангелия-апракоса. Полностью, по расчетам, она состояла из 224 листов, или 28 тетрадей⁵. Из оставшихся 109 листов палимпсестными оказались 42 листа. По особым фотоснимкам, выполненным Н. П. Петровой, И. Добреву удалось полностью прочитать 26 палимпсестных листов. В 1-й тетради автору не удалось выявить какой-либо глаголический текст. Во 2-й тетради оказались едва заметные следы глаголических букв. На снимке II/3v (л. 10v) с трудом прочитан текст Мк. II, 5—12; на снимке II/2v (л. 10 v) прочитан Мк. VII, 31—37, который в лакунах в свое

время был прочитан еще И. В. Ягичем⁶, и т. д. Кроме прочтения 26 листов, на некоторых листах И. Добреву удалось заметить отдельные буквы или слова, позволяющие восстановить остатки евангельских чтений. Например, на снимке II/8v на строках 2 и 3 прочитано:

... въ искоушenne нъ из
... отъ ажжаваго. ѿко. . .

Как видно, это остаток от текста молитвы «Отче наш» по Мф. VI, 13, который в Ас. читается так:

И не въведе насъ въ искоушenne
нъ избави нын ѿ ажжаваго (л. 33d).

Чтение указанной молитвы в приведенной редакции — архаичное; вероятнее всего оно является текстом первичного перевода⁷. Об этом свидетельствует наличие глаголов с южнославянскими приставками *ис-/из-*, а также слов *искоушenne* и *отъ ажжаваго*, замененных в западнославянских редакциях соответственно на *напастъ*, *отъ неприязи*. Такие места в рукописи, где имеются остатки того или иного текста и которые приведены в рассматриваемой книге, находятся на стр. 12—16.

Рецензируемая книга открывается разделом «История, описание и содержание памятника» (стр. 7—18).

В разделе «Текст и примечания к тексту» (стр. 19—63) напечатан весь прочитанный текст с подстрочными примечаниями. Прочитанный текст, разбросанный в разных местах рукописи Боян. ев., расположен так же, в каком месте находятся они в Ас., Сав. и Остр.

В разделе «Палеографические особенности» (стр. 64—81), к сожалению, нет попытки палеографического анализа глаголической рукописи Боян. ев. В свое время И. В. Ягич считал, что по начеркам букв Боянская глаголица похожа на почерк Македонского глаголического листа, в точности изданного Г. А. Ильинским⁸, и напоминает первый лист Киевских листов. «Впрочем, — писал он, — почерк, по-видимому, красивее упомянутого в следующем номере (т. е. 1-го л.

⁶ И. В. Ягич. Там же, стр. 233 и сл.

⁷ А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 191—202.

⁸ Г. Ильинский. Македонский глаголический листок, отрывок глаголического текста Ефрема Сирина. СПб., 1909; переиздан И. Гошевым в книге «Рилски глаголически листов». София, 1956.

¹ В. И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848, стр. 189.

² В. И. Григорович. О древнейшей письменности славян. «Журнал Министерства народного просвещения», 1852, № 3, стр. 152 и сл.

³ P. Šafařík. Pohled na prvověk hláholského písemnictví. «Časopis Českého Museum» (Praha), 1852, № 1, s. 82 a. nsl.; P. Šafařík. Über den Ursprung und Heimat des Glagolitismus. Praga, 1858; русский перевод: П. И. Шафарик. О происхождении и родине глаголитизма. «Чтения в Обществе истории и древнейшей русской при Московском университете». М., 1860, кн. 4.

⁴ И. В. Ягич. Глаголическое письмо. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 3. СПб., 1911, стр. 129.

⁵ С. М. Кульбакин. Материалы для характеристики среднеболгарского языка. «Известия Отделения русского языка и словесности», т. IV, кн. 3. СПб., 1899, стр. 800—863.

Киевских листков. — А. Л.), он скорее похож на № 7⁹, т. е. на упомянутый Македонский листок. И. Добрев не подтверждает и не уточняет дополнительными наблюдениями мнения И. В. Ягича, а после беглого описания заглавных глаголических букв «В» и «Р» (стр. 64—68) занимается установлением кинематических схем отдельных глаголических букв (стр. 68—81) без учета старших и младших почерков, и эти схемы собственно не имеют никакого отношения к опубликованной рукописи. (Ср. хотя бы сказанное И. Добревым о кинематической схеме «Л»).

В разделе «Языковые особенности» (стр. 82—86) отмечены, хотя и не все, характерные особенности языка Боян. ев.

Книга заканчивается «Указателем словоформ» (стр. 87—122), где зафиксированы все слова, встречающиеся в прочитанной рукописи.

Прочитанный глаголический текст Боян. ев. — остаток краткого апракоса. Расшифрованная часть начинается с Мф. XIV, 27—31, т. е. с того места, которое читается в церкви в 9-е воскресенье по пятидесятнице. Это свидетельствует об утере значительной части начала рукописи (не менее 8 тетрадей, или 64 листов).

В словарном отношении прочитанная и напечатанная часть глаголического текста Боян. ев. отражает архаическую лексику. Здесь почти не чувствуются как-либо западнославянские и восточноболгарские замены, поэтому тут находим различающиеся в значениях година и часъ; ср. И. XIX, 14: година же вѣкъко... (третѣжа — Ас.), — л. К, 24), греч. ὥρα ἢ ὦ τρίτη (последнее τρίτη только в реликтовых текстах александрийской, или всихиевской, редакции); И. XIX, 27: (отъ того — Ас.) часа по(ж)тъ (ж) оученикъ вѣско си (М, 3), греч. ἀπ' ἐπιούσης τῆς ὥρας ἔλαβεν. Зафиксированы вѣкннѣ са (N, 18), полоубнѣди; дрѣкѣльми (I, 2), зѣлов; етери (Д, 3), тивас; искоушение (стр. 14), пѣрасиѣб; клепа (J, 13), сѣдианѣв; кннѣгѣ (M, 5—6), ѣ графѣ; (I, 15), аї графѣаї; (W, 21), ἐν βίβλῳ; отъ лжваго (стр. 14), *από τοῦ ποιητοῦ; параскѣвѣгн (M, 7; K, 23), параскѣвѣ; пастѣннѣ (P, 2—3, 6; T, 8—9), поцѣнѣ; приторѣ (L, 7), греч. πριτόριον; ср. И. XIX, 16: они же поемѣше вѣсж и вѣ приторѣ (L, 6—7; в Сав. — вѣ приторѣ); соответствующий греческий текст находится только в редких кодексах сирийско-палестинской редакции. Зафиксированы архаические формы аориста: прижд (же воннѣ) — M, 11—12; и не вѣзмож (F, 1); аса (I, 9); изѣкса (C, 9); прикса (E, 6), распаса (L, 11), рѣхѣ (X, 5); нарѣша (T, 13); формы 3 л. дв. ч.: развѣсте (E, 13), глѣсте (N, 9), сѣнѣсте са (O, 1); начѣтъ (Z, 16), оумрѣтъ (G, 6); оукѣтъ (G, 15) и др.; архаические формы прилагательных: члѣвѣч (J, 19, 18—19); вѣлен (Z, 13; H, 16); причастий: прѣклонѣ (главѣж) — (M, 6); остаѣъ (назарѣтъ) — (Z, 3); смѣшишѣшо (O, 6); рож-

дѣше са (O, 10); местоимения чѣсо (N, 14), прѣлога радн (J, 3, 9; X, 9) и др.

Все приведенные данные свидетельствуют, что глаголический текст Боян. ев. действительно восходит к весьма архаическому протографу.

Правда, Мк. II, 7 читается хоульн на месте греч. βλασφημῆς; ср. что съ тако глѣтъ хоульн (D, 5—6). И. В. Ягич признавал, что слово хоульн употреблено вместо первичного влѣсфмѣн¹⁰. К. Горалек, по нашему мнению, справедливо упрекнул Ягича в механическом — в данном конкретном случае — подходе к вопросу о том, что все греческие слова были употреблены в первичном переводе, а их славянские эквиваленты появились только позже¹¹. На самом деле более вероятно, что в первичном переводе греч. βλασφημία было передано словом хоула, поэтом Мф. XII, 31 Ас., Остр., Мар. читается хоула, в Сав. хоуленне, лишь в Зогр. влѣсвннѣж. Мк. II, 7 на месте греч. βλασφημῆς в Сав. и Боян. ев. читается хоулы, в Остр. — хоула, Ас. — влѣсвннѣж, Мар. — влѣсфмннѣ. Форма вин. п. мн. ч. хоулы могла появиться только в результате перевода греч. βλασφημῆς, но отнюдь не в результате замены греч. влѣсвннѣж или влѣсфмннѣ.

Таким образом, глаголический текст Боян. ев. сохранил так называемую первичную лексику, или лексику самых первых переводов.

Но в этом памятнике заметны следы приспособления языка к местной речи. Надо полагать, что все стяженные формы вроде диалѣкж са (D, 22), заврѣшаше (E, 17), хотѣше (оумрѣтъ) (J, 14), лѣвалѣше (L, 24), (мца) еноуѣк (T, 5; ср. в Остр.: мѣца еноуѣара, л. 256а, греч. Μην' Ἰαννουάριος), отѣпоуѣшннѣ (Q, 13); (нмж)чаго (N, 15; ср.; нмжчаго — Ас. 124 б), оусннѣкнѣ (V, 20. ср. оусннѣкнѣ — Ас. 138а; оусннѣнѣж — Савл. 146) и многие другие отражают западнославянскую контракцию¹². Из западнославянских пределов идет употребление пропѣти (M, 13) наряду с распѣти; слово пѣназѣ (N, 18), восходящее к др.-в.-н. pfennig¹³, в греч. читается ἀσαρῶν, которое в Мф. X, 29 Ас., Остр., Мар. нахо-

¹⁰ V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, S. 304 und folg.

¹¹ K. Hořálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, s. 65 a. nasl.

¹² P. Haxthausen. Славянские языки. М., 1963, стр. 75 и сл.; С. Б. Бернштейн. Конструкция и структура слога в славянских языках. «Славянское языковедение. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 19—31.

¹³ M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1955, S. 336; V. Mačák. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968, s. 443.

⁹ И. В. Ягич. Там же, стр. 129.

ских списках: *εἶπεν αὐτῷ*; видимо, текст Боян. ев. восходит тут к варианту *εἶπεν πρὸς αὐτόν*, если этот оборот речи употреблен не по аналогии.

Мф. XXI, 33: *и оплотома ограда* (В, 2—3), в Ас. и др. — *и оплотома пограда*, согласно греч. *καὶ φραγμὸν αὐτῷ περιέθηκεν*; ниже: *и вѣдестъ дѣлательемъ* (В, 5—6), в Ас. и др.: *и вѣдестъ и дѣлательемъ*, согласно греч. *καὶ ἔξεδοτο αὐτὸν ὑφ' αὐτοῦ*.

Мк. II, 8: *что си помъниша* вѣсте въ срѣднѣхъ своихъ (D, 10—11), в Ас. и др.: *въ срѣднѣхъ вашихъ*, греч. *ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν*, что можно перевести только как *вашихъ*. Откуда тут в Боян. ев. *своихъ*? И т. п.

Хотя издатель в заглавном листе обозначил, что глаголическое Боян. ев. от-

носится к концу XI в., в тексте книги он, однако, нигде не обосновал эту дату. Надо полагать, предстоит еще специальные изыскания, чтобы более или менее точно определить время происхождения рецензируемого памятника.

По своим характерным архаическим признакам языка данный памятник письменности входит в старославянский канон, хотя он и претерпел изменения в процессе приспособления его к местной моравской и болгарской речи. Таким образом, можно констатировать, что семья памятников старославянской письменности пополнилась еще одним кодексом.

А. С. Львов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1974 г.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Ярошевский Т. Социализм и левокатолическая интерпретация христианского гуманизма. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1974, № 8.

30 лет социалистических революций и социалистического строительства в социалистических странах Европы

Анаш М., Весоловский В. Изменения в структуре польского общества. Социол. исследования, 1974, № 1.

Барковский А., Костиков П. Расцвет социалистической Польши. Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 7.

Брежнев Л. И. Социалистической Польше — 30 лет. Речь товарища Л. И. Брежнева. Эконом. газ., 1974, № 30.

Боков Г. Тридцать лет по пути социализма (30-летие победы социалистической революции в Болгарии). «Агитатор», 1974, № 16.

Зюганов В. Польша: размах социализации. Социалистическое строительство в ПНР (1944—1973 гг.). «Коммунист Узбекистана», 1974, № 7.

Илиев И. Социалистической Болгарии — 30 лет. Эконом. газ., 1974, № 36.

Лукашевич Е. Тридцать лет социалистического строительства в народной Польше. Полит. самообразование, 1974, № 7.

Лукашевич Е. 30 лет Польской Народной Республики. «Коммунист Украины», 1974, № 7.

Макаренко Я. Успехи и перспективы Народной Польши. К 30-летию ПНР. Междунар. жизнь, 1974, № 7.

Михайлов И. Три десятилетия по пути социализма. (30-летие социалистической революции в Болгарии). Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 17.

Савчук В. Славный юбилей народной Польши. Цифры и факты. Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 14.

30 лет Польской Народной Республики. Вестн. статистики, 1974, № 7.

Шабунина В. Под знаменем социализма и братства. (К 30-летию социалистической революции в Болгарии). Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 9.

Шевчик Л. Народной Польше — тридцать лет. Эконом. науки, 1974, № 8.

Яблонский Г. Народной Польше — тридцать лет. «Коммунист», 1974, № 10.

Ягельский М. Пути развития народной Польши. «Новое время», 1974, 28 июня, № 26.

Ярошевич П. Тридцать лет народной власти. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 7.

Ярошевский Т. М. 30 лет развития народной Польши. Вопр. философии, 1974, № 8.

2. *Между ародные отношения. Взаимотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Вацлавский Р. В братском союзе с советским народом. «Коммунист Белоруссии», 1974, № 7.

Липский А. Е. Позиция ПНР по вопросу европейской безопасности и сотрудничества. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 1. М., 1974.

Молодцыгин М. Ленинский принцип интернационализма в организации военной защиты социалистических стран. (Боевое дружество стран Варшавского Договора). Воен. ист. журн., 1974, № 9.

Муцкый В. К. Во имя мира и социализма. (Об итогах совещания Политического консультативного комитета стран-участниц Варшавского Договора). «Коммунист Украины», 1974, № 6.

Немчинский Я. Братство — союз — социализм. К тридцатилетию Польской Народной Республики. «Дон», 1974, № 7.

Ольшовский С. Народная Польша в борьбе за мир и безопасность. Международный. жизнь, 1974, № 8.

Пуый Ф. О согласованности дипломатии социалистических стран. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 8.

Селянинов О. Советско-чехословацким отношениям 40 лет. Международный. жизнь, 1974, № 7.

Совещание Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора (Варшава, 17—18 апр. 1974 г.). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 6.

3. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Алексич М. Югославия и СЭВ: крепнущее сотрудничество. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 7.

Алжир — развитие сотрудничества со странами — членами СЭВ. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, № 98.

Аперьян В. Е. Вопросы интенсификации общественного производства в странах — членах СЭВ. Учен. зап. по статистике АН СССР, 1974, т. 24.

Асипков Е. В. Некоторые вопросы хозяйственного развития НРБ в условиях социалистической экономической интеграции. Весн. Беларус. ун-та, Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права, Мінск, 1974, № 2.

Байбаков А. И., Мазуров В. К. Вопросы дальнейшего развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран. М., 1974.

Баганич А. А. Вопросы развития специализации и кооперации между СССР и ЧССР в машиностроении. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 1, М., 1974.

Байбаков А. И., Мазуров В. К. Долгосрочное планирование — важный фактор управления социалистической экономикой. В кн. Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран. М., 1974.

Байбакова И. Н. Организация информационной деятельности в странах — членах СЭВ. В кн. Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран, М., 1974.

Барковская Л. А. Современный этап социалистической экономической интеграции. В кн. Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран. М., 1974.

Басс Л. А. Вопросы сотрудничества СССР и НРБ в условиях экономической интеграции. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 1. М., 1974.

Белинский Г. М. Проблемы развития социалистической экономической интеграции в шахтном строительстве стран — членов СЭВ. Экономика угольной пром-сти, 1974, № 7.

Бобров Д. В. Концентрация производства и структурные сдвиги в промышленности стран социализма. Тр. Уральского политех. ин-та, Свердловск, 1974, сб. 232.

Богданов В., Лагадинова Д. Национальный аграрно-промышленный комплекс и вертикальная интеграция в НРБ. В кн. Аграрно-промышленное кооперирование в европейских странах СЭВ. М., 1974.

Боушка И., Нахтигал Б. Составление и применение баланса межотраслевых связей в народном хозяйстве Чехословакии. Уч. зап. по статистике АН СССР, 1974, т. 24.

Бутаков Д. Д. Изменение процентов по банковским кредитам и сберегательным вкладам в ПНР. «Деньги и кредит», 1974, № 8.

Бычков Г. А. Научно-техническое сотрудничество стран социалистического содружества в области сельхозмашиностроения. «Тракторы и сельхозмашины», 1974, № 8.

Вайс Т. Сотрудничество стран СЭВ в использовании рабочей силы. Экон. науки, 1974, № 7.

Виде В. Слагаемые экономической эффективности производства. (Из опыта ТХЗХ с. Экзарх Антимова). Международный. с.-х. журн., 1974, № 4.

Галецкая Я. Р. Демографическая ситуация в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 4.

Ганев А. Аграрно-промышленные

комплексы — форма углубления специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в НРБ. В кн. Аграрно-промышленное кооперирование в европейских странах СЭВ. М., 1974.

Ганковский В. Расширение экономических связей социалистическими и развивающимися странами. Экон. науки, 1974, № 7.

Гворецкы И. Чехословацко-советское экономическое и научно-техническое сотрудничество в области текстильной промышленности. Текстильная пром-сть, 1974, № 7.

Гурвич Я. Мясная промышленность социалистической Чехословакии. «Мясная индустрия СССР», 1974, № 6.

Гурченко В., Надъ Я. Развитие зернового хозяйства в странах — членах СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 4.

Дворжак З. Об управлении трудовыми ресурсами в социалистическом обществе. Научн. упр. об-вом, 1974, вып. 8.

Дворжак И., Ежек Т. Проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов Чехословакии. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 3.

Джебраилов Э. Могучая сила братского сотрудничества. «Азербайджан коммунист», Баку, 1974, № 4.

Дивила Э., Гоулли Р., Заглава Ф. Развитие аграрно-промышленной кооперации в ЧССР. В кн. Аграрно-промышленное кооперирование в европейских странах СЭВ. М., 1974.

Дылбовов С. Кардинальный вопрос партийной работы. (Национальная партийная конференция о повышении производительности общественного труда. София, март 1974 г.). Парт. жизнь, 1974, № 14.

Еншина Г. М. Совершенствование организационной структуры речного транспорта зарубежных социалистических стран. Тр. Центр. научн.-исслед. ин-та экономики и эксплуатации водного транспорта, 1974, вып. 108.

Ерусалимская О. Л., Ушаков И. Г. Некоторые методические вопросы исследования систем городских поселений социалистических стран. В кн. Развитие и регулирование систем расселения в СССР. М., 1974.

Жамин В. Страны — члены СЭВ в мировой экономике. Вопр. экономики, 1974, № 8.

Задарновский Б. Б. Дальнейшее расширение всестороннего сотрудничества социалистических стран — одно из важных средств ускорения темпов коммунистического строительства в СССР. В кн. Партийные организации Северного Кавказа на путях строительства социализма. Вып. 2. Пятигорск, 1974.

Захарова О. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Мировая экономика и междунар. отношения, 1974, № 7.

Зиндерман Х. Экономическая интеграция суверенных государств. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 6.

Зубовський В. М. Соціалістична економічна інтеграція — об'єктивна тенденція в розвитку світового соціалізму. В кн. Наукові основи партійного керівництва суспільством. Київ, 1974.

Импорт в СССР важнейших товаров в распределении по группам стран за 1972 и 1973 гг. Внешн. торговля, 1974, № 7.

Каневский М. В. Интеграция социалистических стран в действии. Лесная пром-сть, 1974, № 8.

Караваев В., Семенова А. О методах определения места и роли капитального строительства в народном хозяйстве стран — членов СЭВ. Вести. статистики, 1974, № 7.

Карпенко О. Научно-техническое сотрудничество СССР с социалистическими странами. Внешн. торговля, 1974, № 7.

Квочкин М. П. Болгария: на путях индустриализации сельскохозяйственного труда. Весп. Беларус. ун-та. Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права, Мінск, 1974, № 2.

Клековский Р. Плодотворное сотрудничество стран СЭВ с арабскими странами. Внешн. торговля, 1974, № 8.

Ковалев Н. П. Единая система электронных вычислительных машин социалистических стран — членов СЭВ. Автомоб. пром-сть, 1974, № 8.

Коларова М. Тенденция развития отраслевой системы научной и технической информации по сельскому хозяйству, пищевой промышленности и лесному хозяйству как подсистемы национальной системы научной и технической информации НРБ. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Коммюнике о XXVIII сессии Совета Экономической Взаимопомощи (София, 18—21 июня 1974 г.). Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, 25 июня, № 74.

Константинов Ю. А. Экономическое сотрудничество СССР со странами СЭВ. «Финансы СССР», 1974, № 6.

Котов В., Козьменко В. Сотрудничество стран СЭВ с развивающимися государствами. Междунар. жизнь, 1974, № 8.

Крашенинников А. Сотрудничество кооперативных организаций социалистических стран. Междунар. жизнь, 1974, № 7.

Крутько В. Перспективы югославского села. «Новое время». 1974, 12 июля, № 28.

Курдова Е. Некоторые вопросы учета и планирования группы «А» и «Б».

в европейских странах СЭВ. В кн. Вопросы планирования групп «А» и «Б» промышленности. М., 1974.

К у р я ш и н В. Совершенствование организации управления материально-техническим снабжением в странах—членах СЭВ. В кн. Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран. М., 1974.

К у р и л и н Н. Валютно-финансовые отношения стран—членов СЭВ в условиях экономической интеграции. Вопр. экономики, 1974, № 4.

Л а д ы г и н Б. Плановая экономика социализма. «Новое время», 1974, 5 июля, № 27.

Л а с т о в с к и В., З а б ч ы к Б. Состояние патентной информации в ПНР и перспективы ее развития до 1980 г. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Л у ш н и к о в О. Е. Выравнивание уровней экономического развития Чехии и Словакии. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. I. М., 1974.

М а с л е н н и к о в С., Ш к а т о в В. Плата за природные ресурсы в европейских социалистических странах. Вопр. экономики, 1974, № 8.

М о к а н И. Концентрация сельскохозяйственного производства в Народной Республике Болгарии. Экон. науки, 1974, № 8.

Н и к о л а е в Л. Новые организации стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1974, № 8. Новый уровень сотрудничества. Экономико-статистический обзор о социалистической интеграции. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 6.

Н о с к о П., М и р е н к о в А. Методическая работа по проблеме эффективности капитальных вложений в Международном инвестиционном банке. В кн. Методы и практика определения эффективности капитальных вложений и новой техники. Сборник науч. информации, вып. 28. М., 1974.

О 25-летию Совета Экономической Взаимопомощи. Постановление юбилейной сессии СЭВ. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, 22 июня, № 73.

О р л о в с к а я С. К. Аграрно-промышленное кооперирование в европейских социалистических странах. Сборник науч. трудов Всесоюз. науч.-исслед. ин-та экономики сельск. хоз-ва, 1974, вып. 69.

Основные направления развития Международной специализированной информационной системы по промышленным каталогам. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

П а в л о в Т. Научно-технический прогресс в условиях социализма и капи-

тализма. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1974, № 4.

П и л и п е н к о Н. В. Особенности протекания научно-технической революции в различных социально-экономических системах. Социол. исследования, 1974, № 1.

П о л ь а к В. С. Соціалістичне змагання в промисловості ПНР (1961—1965 pp). Укр. іст. журн., 1974, № 7.

П о р в и т К. Об основных направлениях совершенствования планирования в Польской Народной Республике. Вопр. экономики, 1974, № 7.

Проблемы информационного обеспечения научно-технического прогнозирования. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

П р о х о р о в Г. М. Современный этап экономического сотрудничества стран—членов СЭВ с развивающимися государствами. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 4.

П т и ч к и н Н. Совету Экономической Взаимопомощи — 25 лет. Основные этапы деятельности. Внешн. торговля, 1974, № 4.

П э р у н Д. Развитие сельского хозяйства народной Польши. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 4.

П у с е н к о в Н. Н. Развитие народного хозяйства ЧССР в I полугодии 1974 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, 31 авг., № 104.

Развитие народного хозяйства Болгарии в I полугодии 1974 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, 13 авг., № 96.

Р о в и н с к и й Е. А. Международно-правовые формы управления в области валютно-финансовых отношений стран—членов СЭВ. Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, 1974, т. 31.

Р ы б а к о в О. К. Программное решение проблем социалистической экономической интеграции. В кн. Комплексные программы в системе перспективного народнохозяйственного планирования. М., 1974.

С е н и н М. В. Страны СЭВ: становление и развитие нового, социалистического типа международных отношений. Вопр. философии, 1974, № 7.

С е ц о м с к и К. Общественно-экономическое развитие Польши. Вопр. экономики, 1974, № 7.

С и м ч е р а В. М. Методологические вопросы сравнительной характеристики межотраслевых балансов зарубежных стран. Уч. зап. по статистике АН СССР, 1974, т. 24.

С к а ч к о в С. Экономическое и техническое сотрудничество Советского Союза со странами—членами СЭВ. (1949—1973 гг.). Внешн. торговля, 1974, № 8.

С о к о л о в А. XXV лет СЭВ — итоги, задачи, перспективы. Мировая эконо-

номика и междунар. отношения, 1974, № 8.

Сорокин Г. Мировое хозяйство и социалистическое воспроизводство. План. хоз-во, 1974, № 7.

Степелмах В. Научно-техническая революция и возрастание роли рабочего класса в управлении социалистическим производством. Научн. упр. об-вом, 1974, вып. 8.

Степанова Е. А. Основные формы внешнеэкономических связей СФРЮ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. I. М., 1974.

Структурные методы народнохозяйственного планирования (опыт ЧССР). Уч. зап. по статистике АН СССР, 1974, т. 24.

Сухаревский Б. Развитие тарифных систем оплаты труда в промышленности стран — членов СЭВ. Соц. труд, 1974, № 4.

Теперман В. А. Тенденции сотрудничества стран СЭВ и СФРЮ с государствами Латинской Америки. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. I. М., 1974.

Трофимова И. Торжество политики братских партий. Итоги XXVIII юбилейной сессии СЭВ. «Новое время», 1974, 28 июня, № 26.

Филякин Ю. П. Сущность социалистической экономической интеграции. В кн. Московский автомеханический институт. Научн.-техн. конференция. 1974. Сборник материалов. М., 1974.

Хавица С. О современных буржуазных и ревизионистских теориях экономики социализма. Экон. науки, 1974, № 6.

Хасбулатов Р. И. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Вопр. философии, 1974, № 7.

Хакимов В. Сотрудничество стран СЭВ в области черной металлургии. Внешн. торговля, 1974, № 8.

Хачатуров А. А. Экономическое сотрудничество — важный фактор повышения эффективности народного хозяйства социалистических стран. Тр. Всесоюз. заочн. фин.-экон. ин-та, 1974, вып. 9.

Хейфец Б. А. Использование опыта СССР в индустриализации европейских стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. I. М., 1974.

Хозяйственные объединения в странах СЭВ. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1974, № 3.

Хонигсман Я. Развитие и укрепление советско-польского сотрудничества в условиях экономической интеграции. (К 30-летию Польской Народной Республики). Экономика Сов. Украины, 1974, № 7.

Христович Л. Возможности применения сетевого планирования в сель-

ском хозяйстве. Междунар. с.-х. журн. 1974, № 4.

Хунек Т., Смоленьски З. Формирование аграрно-промышленного комплекса в ПНР. В кн. Аграрно-промышленное кооперирование в европейских странах СЭВ. М., 1974.

Чеклина Т. Н. Развитие внешнеэкономических связей Польши. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, 6 июля, № 79—80.

Чижек Р. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области электроэнергетики. Внешн. торговля, 1974, № 4.

Чужинов И. Й. Поглиблення міжнародного соціалістичного поділу праці та економічна інтеграція країн Ради Економічної Взаємодопомоги. В кн. Наукові основи партійного керівництва суспільством. Київ, 1974.

Чумакова Э. Е. Влияние научно-технического сотрудничества на эффективность производства стран — членов СЭВ. Тр. Уральского политех. ин-та, Свердловск, 1974, сб. 232.

Шаманьский Р. Сегодня и завтра польско-советского экономического сотрудничества. Внешн. торговля, 1974, № 7.

Шарый А. И. Аграрная реформа в Польше и пути сельского хозяйства страны. В кн. Московский автомеханический институт. Научн.-техн. конференция. 1974. М., 1974.

Шрам В. П. Некоторые вопросы распределения личных доходов в СФРЮ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. I. М., 1974.

Щуревский М. В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области стандартизации и его роль в повышении эффективности общественного производства. Тр. Всесоюз. заочн. фин.-экон. ин-та, 1974, вып. 9.

Юшкевич В. П. О направлениях сотрудничества стран — членов СЭВ. Жил. стр.-во, 1974, № 6.

Яворски В. Краткосрочное кредитование в Польской Народной Республике. «Деньги и кредит», 1974, № 8.

Ягельски М. Сотрудничество с Советским Союзом — движущая сила развития социалистической Польши. Вопр. экономики, 1974, № 7.

4. Коммунистические партии социалистических стран

Батик Й. Деятельность КПЧ по формированию научного мировоззрения трудящихся в борьбе с буржуазным и ревизионистским влиянием. Вопр. эффективности парт. пропаганды и полит. информации, 1974, вып. 2.

Верблян А. ПОРП — ведущая сила строительства социализма в Польше. Вопр. истории КПСС, 1974, № 7.

Жандаровский З. Ведущая сила социалистического строительства в Польше. Парт. жизнь, 1974, № 14.

Жемличка А. Некоторые особенности идеологической работы КПЧ в 1945—1968 гг. Вопр. эффективности парт. пропаганды и полит. информации, 1974, вып. 2.

Зарубин Г. Борьба КПСС и братских партий с идеологией маоизма и «левого» ревизионизма. В кн. Маоизм и мировой революционный процесс, ч. 2. М., 1974.

Иляхин М. И. Болгарские коммунисты в период борьбы за возрождение профсоюзов (1944—1946 гг.). Рабочий класс и соврем. мир, 1974, № 4.

Пекшев Ю. Братские коммунистические партии и развитие сотрудничества стран СЭВ. Полит. самообразование, 1974, № 8.

Социальная активность молодежи и коммунисты. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 8.

5. Государственное строительство. Право

Бухарин Н. И. Формирование новой социалистической интеллигенции в ПНР. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 1. М., 1974.

Делиев И. Механизмы управления в социальных системах и их моделирование. Научн. упр. об-вом, 1974, вып. 8.

Демократия и право развитого социалистического общества. Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение, 1974, № 3.

Иванова А. Ответственность за браконьерство. Соц. законность, 1974, № 7.

Кавко А. К. Международное значение опыта национально-государственного

развития СССР. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 1. М., 1974.

Каменецкий В. М. Из истории решения национального вопроса в СФРЮ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1974.

Коган Е., Малярова М. Экономическая роль государства в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 8.

Конецкий Т. Народное Войско Польское в послевоенный период. Воен.-ист. журн., 1974, № 7.

Куцина С. Правовое обслуживание предприятий в зарубежных социалистических странах. Сов. юстиция, 1974, № 14.

Лисовой М. И. Источники обязательственного права Польской Народной Республики. Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1974, вып. 8.

Малярова М. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. Экон. науки, 1974, № 8. Международная социалистическая собственность. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 6.

Примаченко А. А. Ответственность несовершеннолетних и охрана их прав и интересов по уголовному законодательству НРБ. Вестн. Беларус. ун-та. Гистория, философия, навук. камунізм, эканоміка, права, Мінск, 1974, № 2.

Рябова И. Т. Общественно-прогрессивное движение в польском католицизме («Паек»). Вестн. Моск. ун-та. Философия, 1974, № 3.

Шульженко Ю. Л. Польская объединенная рабочая партия и представительные органы государственной власти. Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1974, вып. 8.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Агіевіч У. У. Вывучэнне культурнай спадчыны сляян. Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, 1974, № 4.

Алданазаров А. Участие казахстанцев в боях за освобождение Польши (1944—1945 гг.). В кн. Казахстан в Великой Отечественной войне. Вып. 2. Алма-Ата, 1974.

Ангелов Д. Въпросът за политическите емигранти в отношенията между Византия и средновековна България. Антич. древност и среди. века, Свердловск, 1973, сб. 10.

Антосяк А. Выдающаяся победа советских войск (К 30-летию Яско-Кишиневской операции). Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 16.

Бонев В. В борьбе за единый фронт. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 7.

2. Культура

Руда Т. П. Прогресивна східнослов'янська фольклористика як джерело формування поглядів Франка на народну творчість. В кн. Т. П. Руда. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору. Київ, 1974.

Руда Т. П. Иван Франко і польський фольклор та фольклористика. В кн. Т. П. Руда. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору. Київ, 1974.

Руда Т. П. Сербо-хорватський фольклор як об'єкт наукових та художніх зацікавлень І. Франка. В кн. Т. П. Руда. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору. Київ, 1974.

Русев К. Попытка построения модели управления профессиональной ориентацией. (Общие и специфические показатели профессиональной ориентации уча-

щихся в Болгарии). Сов. педагогика, 1974, № 5.

Савицкий Н. В пути. (Проблемы современного чехословацкого кино 60-х годов). «Искусство кино», 1974, № 4.

Садковский В. В борьбе за социалистическую культуру. Иностран. лит-ра, 1974, № 5.

Серчик В. Изучение истории Великой Октябрьской революции в ПНР. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 6.

Соколов А. Г. Расширение контактов с Варшавским университетом. Вестн. Моск. ун-та. Философия, 1974, № 3.

Сучков В. Карел Чапек. Опыт современного прочтения. «Знамя», 1974, № 1.

Танапаева Л. Варшавский фестиваль искусств (1972). «Художник», 1974, № 4.

Федоренко Д. Т. До питання про вплив ідей К. Д. Ушинського на розвиток педагогічної науки в Болгарії. В кн. Педагогічні ідеї К. Д. Ушинського. Київ, 1974.

Шамович Е. На Вроцлавском фестивале. «Театр», 1974, № 4.

Юрьев Ю. Театр на Виноградах в Москве. «Театр», 1974, № 5.

Яковенко В. М. Тема революційно-визвольної боротьби в творчості Мірослави Сопілки. Укр. літературознавство, Львів, 1974, вип. 21.

3. Наука

Бащин М. Проблемы научно-технической революции. Междунар. симпозиум в Москве (январь — февраль 1974 г.). Вопр. экономики, 1974, № 5.

Гыльбов Ж. Состояние и современные проблемы географических наук в Болгарии. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1974, № 2.

Каспжак В., Косицьки Ю., Наперала М. Перспективная модель высшего технического учебного заведения. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс, международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974 (Материалы). Секция 8. М., 1974.

Коптев Д. В., Филатова Л. Е., Купчин А. П. О конференции по вопросам борьбы с пылью, шумом и вибрацией. (Болгаро-советская научная конференция). Варна, 9—12 ноября 1973 г. Науч. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС, 1974, вып. 88.

Лихин А. Ф. Логический анализ языка в работах К. Айдукевича 30-х годов. В кн. Логика и методология научного познания. М., 1974.

Ораевский П. С., Иванова Е. Р. На основе многостороннего сотрудничества (XIII совещание представителей академий наук социалистических

стран. Варшава, октябрь 1973 г.). Вестн. АН СССР, 1974, № 4.

Пышкова Н. С. Некоторые проблемы научной политики ЧССР и ПНР. В кн. Институт истории естествознания и техники. Москва. Научн. конференция аспирантов и младших научн. сотрудников, 16-я. 1973. Труды. Секция истории и теории организации научной деятельности. М., 1973.

4. Языкознание

Алымов В. В. Формирование имени прилагательного как особой части речи в славянских языках. Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки, Ростов н/Д, 1974, № 1.

Бронская А. А. Об одном типе бессознанных сложных предложений в словенском языке. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974, т. 33, № 2.

Гудков В. П. Месяц работы в Белграде и Новом Саде. Вестн. Моск. ун-та. Философия, 1974, № 3.

Дзедзелевский И. А., Фекета И. И. Совещание по вопросам Общеславянского лингвистического атласа (Ужгород, 25—28 сентября 1973 г.). Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974, т. 33, № 2.

Дибров А. А. К методике реконструкции предложения в праславянском языке. Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки, Ростов н/Д, 1974, № 1.

Замыслова З. Значение последних работ В. И. Ленина для строительства социализма в братских странах. Учебно-метод. бюл. Заоч. ВПШ при ЦК КПСС, 1974, № 23.

Климчук Ф. Д. До питання про зони рефлексії Е, Ї, Ъ, А після твердих приголосних у слов'янських діалектах. В кн. Культура і побут населення українських Карпат. Ужгород, 1973.

Кобилянський Б. В. З ономастики Східнокарпатського ареалу (Назви: Крента, Могура, Віпче, Хотимир та ін.). В кн. Культура і побут населення українських Карпат. Ужгород, 1973.

Копецкий Л. В. О статье двуязычного славянского словаря. В кн. Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.

Мартынов В. В. От старославянского вокализма — к индоевропейскому. Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки, Ростов н/Д, 1974, № 1.

Проценко Б. Н. О роли лексических данных в решении проблемы балтославянского языкового взаимодействия. Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки, Ростов н/Д, 1974, № 1.

Фролова И. А. К вопросу о древнеславянском сложном предложении. В кн. Вопросы словообразования и грамматики русского языка. Горький, 1974.

Шин М. Ф. Слов'янські нашарування в німецькі говірках Закарпаття. В кн.

Культура і побут населення українських Карпат. Ужгород, 1973.

Яковшин В. С. Реконструкция ИЕ и системная интерпретация праславянских гласных. Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки, Ростов н/Д, 1974, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1974, № 3

Б. Калора. Софийские рабочие в начальный период второй мировой войны; А. Пантев. Проблемы взаимоотношений между большими и малыми государствами в новое время; Е. Атанасова. Георгий Кирков и сербское социалистическое движение (1902—1919 гг.); Е. Грозданова. Болгарские общины как сторона, получавшая кредиты в ростовщических операциях (XVII—XVIII вв.).

«Български език», 1974, № 1

М. Лилов. Историческое своеобразие нормы в современном болгарском литературном языке; Е. Тодорова. Семантические взаимоотношения между прилагательными, обозначающими пространственные размеры, в свете данного статистического анализа; М. Виденов. К характеристике болгарской диалектной лексикологии; Г. Герджиков. Характер морфологических отношений и организация многочленных систем; М. Чоролеева. О болгарских личных именах, образованных от причастий; Д. Михайлова. К вопросу об эвфемистических названиях болезней в болгарском языке; М. Вьгленов. Происхождение и значение слова *свила*; М. Моллова. Об этимологии некоторых болгарских личных имен и фамилий; В. Анастасов. «Майка Тонка»; Л. Андрейчин. Неправильное произношение слова *комюнике*; В. Кювлиева. *Клоу — клоунеса*; Р. Русинов. Еще раз об ударении в звательных формах существительных *цар* и *крал*.

№ 2

Л. Андрейчин. Видный болгарский славист (К 70-летию чл.-корр., проф. И. Лекова); Д. Ханджиева. Научные труды чл.-корр., проф. И. Лекова (1964—1973); И. Кочев. Основные фонологические единицы в древнеболгарском языке; С. Иванчев. К грамматической характеристике числительных; Л. Лашкова. О некоторых аспектах синтаксического отрицания в славянских языках; М. Деянова. Измене-

ния в дистрибуции сербскохорватского инфинитива (Наблюдения над утратой присубстантивного инфинитива); Д. Тилков. Функционирование фонемы [v] в болгарском литературном языке; В. Георгиев. О так называемом «отвердении» мягких согласных в западноболгарских говорах; Й. Пенчев. Семантика частей предложения и роль предлогов; К. Иванова. Окружение партиципального предлога *от*; А. Лазарова. К вопросу о морфологической и семантической характеристике синтаксических единиц; К. Томова. Суффикс *-атай* в развитии славянских языков; М. Младенов. Из наблюдений над болгарской диалектной лексикой; И. Буюклиев. О любобитном названии кузничка в Манасиевой хронике; М. Вьгленов. Материалы к этимологическому словарю болгарского языка; Р. Русинов. Данные эпохи Возрождения о перемещении ударения на суффикс *-ов* в некоторых фамилиях; М. Младенов. Диалектологические материалы. Текст из с. Байлово, р-н Елина Пелина; Л. Димитрова. *Живеещ, а не живущ*; М. Нацева. О неправильном употреблении глагола *изявявам се*; С. Василева. О формах *фасонка* и *фасунга*.

№ 3

Л. Андрейчин. Болгаристика в русском и советском языкознании (По случаю 250-летия АН СССР); П. Петков. Валентность глагола-сказуемого и минимальная структура предложения; М. Кырпачева, Г. Михайлова. Синтаксическая структура и информативное содержание заглавий в ж. «Български език»; А. Людсканов, К. Илиева, Е. Гуркова, И. Мицев, И. Стаменова. Автоматизация индексирования в системе поиска информации в Институте радиоэлектроники; Х. Георгиев. Частотный словарь внешнеполитической лексики (На уровне слова); Р. Русинов. Болгарские ученые в оценке русского языковеда А. А. Шахматова; М. Рачева. Восточные заимствования в болгарском языке. 4. *Калевера*; Д. Ханджиева. Сигнальная информация и ее применение в лингвистике; С. Александров.

Омофонные выражения (каламбуры) в речи; Л. Андрейчин. Каламбуры и омофонные выражения; Э. Субашиев. Диалектные тексты из г. Смолян; Л. Андрейчин. Есть ли глагол *заобиквам* в нашем языке? Э. Пернишка. Неправильное употребление некоторых безличных глаголов: Б. Николчев. *Галиматия*, а не «езикова галиматия»; К. Иванова. Нелогичное употребление слов в некоторых случаях.

«Език и литература», 1973, № 6

Б. Ценков. Литературный критик-воин; П. Пенкова. Древнеболгарские синонимы и лексикографическая практика; Н. Коссева. Семантические особенности в переводах стихотворений Д. Методиева на украинском языке; Д. Бошнаков. Георгий Бакалов и русская литература.

1974, № 1

И. Лекков. Понятия и положения кибернетики в современном языкознании; У. Ведер. Новооткрытый сборник древнеболгарских гомилий; Я. Бойчев. Творческий путь Богдана Овесицина; Р. Коларов. К проблеме поэтической фонетики прозы; Е. Метев. Массовая советская песня среди членов «Революционного союза молодежи» в 30-е и начале 40-х годов; С. Чирнанлиев. Возникновение одного крылатого выражения.

№ 2

Р. Русинев. Редакционные изменения в «Рыбном букваре» и формирование болгарского литературного языка; И. Радев. Философские поэмы Пенчо Славейкова; А. Славов. Ритмическая структура болгарского пародного восьмисложника и десятисложника; В. Константинова. Семантика и функция предлога (*отъ*) при выражении пространственных отношений в современном болгарском литературном языке; Т. Ангелиева. Параллелизм образов в болгарских и греческих народных песнях. П. Радева. К вопросу об императивной функции форм будущего времени; М. Марковская. Незвестное литературное произведение Ивана Вазова.

№ 3

Об активном литературно-критическом отношении; Ж. Желязков. Георгий Караславов и утверждение социалистического реализма в болгарской литературе; И. Буюклиев. Иван Лекков — известный представитель славистики в Болгарии; С. Русакиев. Рассказы и повести Горького; А. Супрун, Б. Норман. Историко-типологиче-

ская характеристика некоторых грамматических категорий; Х. Джамбазкий. Сравнения в творчестве Елина Пелина; Д. Выханова. Боян Пенев об Иване Бушине; В. Вапорджиев. Пары слов как фразеологические единицы в болгарском языке; В. Дьяков. Еще раз о реалиях; Д. Бошнаков. Зигмунт Милковский и Болгария; И. Факелджиев. Об одной древнефракийской легенде; С. Стояпов. О причинах пропуска вспомогательного глагола *съм* в составных именных сказуемых.

«Zeitschrift für Slawistik», 1974, № 2

Р. Эккерт. Вступительные замечания к выпуску; Г. Г. Бильфельдт. Виктор Фалькенхан; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей; Л. Г. Невская. Балтийская терминология возвышенного рельефа в сопоставлении со славянской; Б. Баршелев. Некоторые проблемы историко-языковой мотивации перехода индоевропейских имен с корнем на согласный в *i*-склонение в балтийском; Р. Я. Бертулис. Сравнительно-семантический анализ лексики (на материале латышского и литовского языков); В. В. Иванов. Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой; С. Каралюнас. Из этимологических наблюдений над балтийскими словами; В. Н. Топоров. Лит. *dañdaras*, лтш. *dañdala* и друг.; А. Сабаляускас. К вопросу о происхождении лит. *paĩve*; В. Мажулис. Древнепрussкие этимологии; Р. Эккерт. К вопросу об именах с *i*-корнем в древнепрussком языке; Х. Гурнович. Древнепрussкий суффикс *-it-* и польский суффикс *-ic-* в местных названиях прусской Помезании; В. Амбразас. К вопросу о развитии причастных конструкций с косвенным падежом в литовском языке; Э. Генюшене. Категории литовского глагола в пассивном залоге; Т. М. Судник. О литовском влиянии на морфологию белорусских говоров (Диалектологические заметки); К. Гутшмидт. Балтийские заимствования в языке белорусской литературы; Б. Шпильхаус. Мифологические образы в латышских дайнах и причины их отражения в латышской литературе; Ф. Редлих. О пословицах в латышском языке; Ф. Метшк. О некоторых вопросах исследования творчества Сапервейна; Г. Бензе. Литуанистика в Галле.

«Przegląd Historyczny», 1974, № 2

Е. Стжелчик. Славяне на южной возвышенности массива Гарци на Золотой Ниве; Я. Пеленский. Инкорпорация украинских земель в 1569 г.

Идеология и интересы — попытка взглянуть по-новому; Г. Р у ц и н с к и й. Литературное братство в Кошпивице как картина общественной структуры мелкого города в 1694—1795 гг.; Г. Г а с с. Поколения интеллигенции Королевства Польского; А. Ф. Г р а б с к и й. Воззрение Владислава Смоленского на польскую историю; Я. К о ф м а н. Крупно-промышленные круги и политика дефляции в 1930—1935 гг.

«*Slavia orientalis*», 1974, № 3

Х. Б ж о з а. Стилистика «отсрочки решения» у Достоевского; Э. Н о в а к-Л и т в и н о в а. Рассказчик в русской лирической прозе 80-х гг. XIX в.; М. Н е в р л и, С. К о з а к. Киевские неоклассики; В. В и т к о в с к и й. 400 лет украинской книге; К. Р а к о ч и. Русские соответствия польских модальных слов.

«*Pamiętnik Literacki*», 1974, № 2

Т. В и т ч а к. Дискуссия по поводу «Жизни и дел достойного польского шляхтича Миколая Рея из Нагловиц»; М. Е в с т а х е в и ч. Польская «Псалмодия» Веспасиана Коховского в контексте старопольских библейских стилизаций; М. К л и м о в и ч. Комедия дель арте в Варшаве XVIII в. и ее влияние на развитие национальной сцены; З. С и н к о. К проблеме восприятия «Страшного суда» и «Ночных мыслей» Эдварда Юнга.

«*Język Polski*», 1974, № 3

Е. О с т р о в с к а я. Два стихотворения Яна Кохановского; Б. К р е я. Новые формы языка как следствие изменения оппозиции (На примерах из польского языка); М. Б о б р а н. К изучению дистрибутивного метода в исследованиях системы синтаксиса; Е. З а в и с л я к о в а. Подвижные окончания в формах прошедшего времени; Х. П о л о в с к а я-Т а б о р с к а я. К вопросу об интерпретации польских диалектных форм дательного — местного падежа *ciebie, siebie*; Т. М а л е ц. Диалектные тексты из Любевского повета.

«*Ceskoslovenský časopis historický*»,

1974, № 1

М. К р о п и л а к. Наша совместная революционная традиция; А. Б а р т л о в а. Сотрудничество буржуазных партий в Словакии в 1930—1935 гг.; Ю. Н. Щ е р б а к о в. Чехословацкие интернационалисты и формирование идейно-политической базы КПЧ (1918—1921 гг.); П. К р ж и в с к и й. Парижская Коммуна в новейшей французской историографии; К о л л е к т и в с т у д е н т о в философского факультета Карлова уни-

верситета в Праге. В вопросе о применении статистических методов при исследовании истории цен.

«*Slovenská reč*», 1974, № 3

Я. Г о р е ц к и й. Система десубстантивных субстантивов в словацком литературном языке; Ш. О н д р у ш. Первичное значение и происхождение слова *dľh*; Л. У х л и р о в а. О частотности членов предложения в связном тексте; М. М а й т а н. Два типа предложных типографических названий; Й. М л а ц е к. Синтаксис первых сельских рассказов; М. К у к у ч и н а, Ю. Р ы б а к. Выражение причины в помощью союзов *že* и *lebo*; В. У х л а р. Звуковые свойства словацкого языка и произношение форм *prosieb, kresieb*; М. И в а н о в а-Ш а л и н г о в а. Словацкие эквиваленты чешским словам *nemluva, němota*; Й. С а б о л. Шестидесятилетие Само Мазура; Д. Д в о н ч. Список работ Само Мазура (1941—1973).

«*Slavica Slovaca*», 1973, № 3

А. П о п о в и ч. Передача научной информации и перевод; Б. И л е к. Значение теории перевода специального текста для науки о переводах; Ф. М и к о. Стилистика и теория перевода специального текста; Д. Э р д е и. К вопросу о компетенции переводчика; А. Е д л и ч к а. Лингвостилистические предпосылки науки о переводе; В. Б а р н е т. Стиль специальной литературы с точки зрения отношения теории перевода к сопоставительной стилистике и сопоставительной лингвистике; И. Б е ч к а. Перевод специального текста в свете положений сопоставительной стилистики; О. М а н. Некоторые возможности переводческого сопоставления; В. Ш в а н ц е р. Неопределенные и обобщенные высказывания в специальных научных текстах; М. С о т а к. Проблемы и методика перевода специального текста в преподавании иностранных языков.

«*Jezik*», 1973—1974, № 1

З. Ю н к о в и ч. Структура слога и фонологическая значимость согласного в системе литературного языка; С. Б а б и ч. Образование существительных с помощью суффикса-*telj*; А. Ш о я т. Литературный облик прилагательных на *-ski*, образованных от кайкавских топонимов с беглым *e*; С. С е к е р е ш. Различительная функция ударения в хорватском литературном языке.

№ 2

Б. Ф и н к а. Введение в анализ языка и стиля сочинений М. Крлежа; З. Ю н к о в и ч. Структура слога и фонологиче-

ская значимость согласного *v* в системе литературного языка. С. Тежажак. Названия местных жителей и их производные в Орфографическом словаре; М. Лончарич. Название жителей Копривницы.

«Jezik in slovestvo», 1973—1974, №1—2

Б. Чоп. Семидесятипятое проф. К. Оштира; А. Баец. В моей словарной мастерской; М. Боршник. Роман Тавчара «Мертвые сердца»; Ф. Безлай. Заметки на полях сербскохорватского (и словенского) этимологического словаря; Й. Погачник. Незвестный Енко; Е. Ловшин. Род Отона Жупанчича.

№ 3

М. Кмецл. Принцип рассказа в рассказе Тавчара; Т. Кермаунер. Идеологическая структура повести Тавчара «Цветы осенью»; Ф. Безлай. Заметки на полях сербскохорватского (и словенского) этимологического словаря; Т. Сребот. Опыт контрастного анализа словенской фонемы [v] и английской фонемы [v].

№ 4

Ф. Якопин. Памяти проф. К. Оштира; Н. Рупел. Историко-литературная экскурсия по Верхней Крайне; М. Смолик. Словенский язык в служебниках; Ф. Безлай, А. Шивич. Заметки на полях сербскохорватского (и словенского) этимологического словаря.

№ 5

Ф. Жагар. Речевые упражнения в начальной школе; С. Фатур. Прежиков Воранц и как его легко представить в средней школе; Б. Орожен. Учебная экскурсия по центральной Штирии.

№ 6—7

Ф. Безлай. Liber de simplicibus Benedicti Rini; Т. Логар. Графика и язык «Старогорской рукописи»; Б. Погорелец. Значение Старогорской рукописи для истории словенского литературного языка; Й. Коруза. Старогорская рукопись и новая постановка вопроса о традиции письменности в средние века; В. Новак. Прекмурские рукописные песенники; Я. Кос. Э. Умек. Две словенские песни XVIII столетия; Й. Коруза. О неизвестном словенском песеннике периода до издания «Писаниц»; Б. Погорелец. Язык и стиль новых находок; Д. Людвик. «Liebeswechsel» Янковича (1712 г.); Й. Штабей. Влияние и значение словаря Похлина; Т. Домей. Плиберская присяга второй половины XVIII в.; П. Рибикар. Словенские образцы клятвы середины XVIII в.; Э. Умек. Индивидуальная клятва пред беспристрастным судьей 1691 года; Э. Прунч. Рукописные и архивные материалы Коринти; Э. Умек. Присяга Мекиньи; Й. Коруза. Дополнение к обзору «О письменных образцах канцелярского словенского языка XVII—XVIII вв.».

№ 8

Й. Топоршич. К выражению и типологии словенской типологии; П. Здовц. О роли диалекта при изучении литературного языка; Ф. Клопчич. Замечания о переводах сочинений Ленина на словенский язык; В. Куделка. О некоторых современных проблемах в литературах народов Югославии; А. Видович-Муха. *Zmrzniti* или *zamrzniti*; Н. Рупел. Историко-литературная экскурсия по Верхней Крайне.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 30-ЛЕТИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

В конференц-зале Отделения истории АН СССР 3 сентября 1974 г. состоялась научная конференция, посвященная 30-летию социалистической революции в Болгарии. Для участия в сессии прибыла делегация болгарских ученых в составе: вице-президента БАН, члена ЦК БКП акад. Д. Косева (руководитель делегации), члена ЦК БКП, директора Института истории БКП при ЦК БКП проф. Д. Елазара, проректора Академии общественных наук и социального управления при ЦК БКП проф. Ц. Николова и старшего научного сотрудника Института истории БАН проф. М. Исусова.

Юбилейную сессию открыл председатель Национального комитета историков СССР и председатель советской части Комиссии историков СССР и НРБ акад. Е. М. Жуков. В кратком вступительном слове он отметил, что 30-летие социалистической революции — не только праздник болгарского народа, но и наш общий праздник, свидетельствующий об укреплении стран социалистического содружества. Успехи болгарских трудящихся в строительстве социалистического общества имеют важное значение для понимания закономерностей социалистического строительства в современную эпоху.

Акад. Д. Косев в своем приветствии обратил внимание на традиционные болгаро-русские связи, которые переросли в болгаро-советские, а в условиях социалистического строительства не только приобрели огромный размах, но и наполнились новым содержанием. Они стали примером братской дружбы, взаимопомощи и подлинного интернационализма.

В докладе д-ра ист. наук А. И. Соболева (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) «Выдающиеся итоги революционного творчества (30-летие Народной Республики Болгарии)» в центре внимания были важнейшие политические, экономические и хозяйственные достижения болгарских трудящихся в строительстве социализма. Докладчик особо оста-

новился на том новом, что болгарские коммунисты вносят в практику и теорию социалистического строительства. Проф. М. Исусов в докладе «Формирование народной демократии в Болгарии» рассказал о начальном этапе социалистической революции, когда БКП в условиях развития Отечественного фронта постепенно занимала ключевые позиции в государстве и укрепляла диктатуру пролетариата. Доцент Л. М. Минаев (Академия общественных наук при ЦК КПСС) прочел доклад «Международные аспекты борьбы БКП за прочный рабоче-крестьянский союз», в котором были рассмотрены важнейшие моменты борьбы БКП за союз рабочего класса с крестьянством как в период монархо-фашистского режима (в 20-30-е годы), так и в условиях построения социалистического государства. В докладе проф. Ц. Николова (Академия общественных наук при ЦК БКП) «Советско-болгарская дружба — интернационализм в действии» были прослежены важнейшие этапы в развитии разносторонних советско-болгарских отношений со времени начала социалистической революции в Болгарии до вступления в период построения развитого социалистического общества. В заключение участники сессии заслушали доклад д-ра филол. наук В. И. Злыднева (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Социалистическая культура Народной Республики Болгарии». В докладе были освещены основные этапы развития болгарской социалистической культуры, а также охарактеризованы важнейшие ее достижения в разных областях.

Для участников юбилейной сессии Институтом научной информации АН СССР и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР была организована выставка научной литературы, посвященная 30-летию социалистической революции в Болгарии. На выставке широко были представлены труды советских и болгарских ученых.

В. И. Злыднев

ВТОРОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ
ПО «ОБЩЕКАРПАТСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ»

В рамках международного сотрудничества академий наук и университетов ряда европейских социалистических стран начато изучение языков и диалектов карпатского ареала. Актуальность исследования проблем карпатистики отмечена в решениях VII Международного съезда славистов в Варшаве (август 1973 г.). Важнейший аспект карпатистики в настоящее время — лингвогеографический. «Общекарпатский диалектологический атлас» (далее: ОЖДА), идея создания которого была поддержана на Первом международном совещании по проблемам карпатского языкознания (Москва, апрель 1973 г.)¹, даст возможность изучить контакты языков и диалектов Карпат, составить полный инвентарь их общих черт и представить территориальное их распространение, а также установить связь карпатской этнолингвистической зоны с соседними регионами (главным образом, с балканским).

15—17 мая 1974 г. в местечке Модра под Братиславой состоялось Второе международное совещание по карпатскому языкознанию, специально посвященное работе над ОЖДА. Оно было проведено по инициативе Университета им. Я. Коменского в Братиславе при поддержке Министерства просвещения Словацкой Социалистической Республики. Непосредственным организатором совещания являлось руководство Философского факультета и кафедры словацкого языка Университета. Вся подготовка его была осуществлена членом этой кафедры проф. П. Ондрусом. На открытии совещания, 15 мая, участников приветствовал проф. Е. Паулини, зав. кафедрой словацкого языка Философского факультета. В работе совещания приняли участие лингвисты НРБ, ПНР, СССР и ЧССР.

В первый день были заслушаны и обсуждены три доклада.

Проф. С. Б. Бернштейн (Москва) в докладе «„Общекарпатский диалектологический атлас“ — задачи и методы» подчеркнул исключительную важность и актуальность изучения языков и диалектов карпатской зоны в лингвогеографическом аспекте. В этой зоне издавна происходили и происходят в настоящее время интенсивные взаимодействия родственных и неродственных языков, в результате чего возникла определенная языковая общность. Взаимосвязи и отношения между ними могут быть выявлены и охарактеризованы наиболее полно и наглядно с помощью кар-

тографирования языковых явлений. Общекарпатские особенности отмечаются главным образом в лексико-семантической сфере, в словообразовании, фразеологии, синтаксике; они сформировались в результате длительного развития языков и диалектов карпатского ареала. В ОЖДА необходимо изучать все общие элементы, как старые (которые условно могут быть названы «карпатизмами»), так и более поздние («балканизмы»).

Проф. А. В а ш е к (Брно) в докладе «Концепция и реализация „Общекарпатского лингвистического атласа“» высказал мысль, что данный атлас поможет глубже познать и изучить социальные, экстралингвистические явления, будет иметь большое значение для конкретной разработки и развития общей теории языковых контактов. Докладчик предложил исследовать в ОЖДА не только различные разделы лексики (в частности, связанные с пастушеской культурой), но и явления звукового и грамматического строя. По его мнению, важным условием успешного развертывания работы над ОЖДА в славянских странах явилось бы создание при Международном комитете славистов особой Комиссии по языковым контактам.

Г. П. К л е п и к о в а (Москва) в докладе «О вопроснике — программе ОЖДА» подчеркнула, что качество будущего вопросника (и, следовательно, материала, собираемого по нему) зависит от возможно более полного охвата лексем, необходимого для всесторонней характеристики основной проблемы ОЖДА — интерференции языков и диалектов карпатской зоны. В плане этой задачи следует учесть в вопроснике возможность изучения близости севернославянских диалектов с южнославянскими языками, которая является наследием диалектного членения праславянского языка. В докладе были предложены некоторые принципы формулировки вопросов программы ОЖДА и тип их построения — необходимая предпосылка сбора надежного материала по семантике: вопросы должны быть комбинацией двух традиционных типов вопросов — «от слова к значению» и «от значения к слову» (это позволит составить «свернутое» семантическое микрополе, конструируемое по методу Н. И. Толстого).

При обсуждении этих докладов были высказаны существенные соображения, касающиеся общей идеи Атласа, его содержания и характера, а также конкретные замечания относительно построения будущего вопросника. Так, А. З а р е м б а (Краков), М. М л а д е н о в (София) и др. в принципе согласились с

¹ Хроникальную заметку о нем см. «Советское славяноведение», 1973, № 6, тр. 114—116.

необходимостью отражать в ОКДА элементы, имеющие различную стратификацию, а также соответствующую топономастику. По мнению А. Зарембы, Атлас должен иметь лексико-семантическую направленность, а собранный материал — содержать данные о частотности картографируемого признака. Все выступавшие признали, что при анкетировании особое внимание должно быть обращено на тщательное исследование семантики [Г. Поповска-Таборска (Варшава), М. Младенов, П. Ондрус и др.]. Соглашаясь с С. Б. Бернштейном, подчеркнувшим важность включения в вопросник ОКДА фразеологического раздела, участники совещания указывали вместе с тем на трудности выявления специфически карпатских фразеологизмов (Г. Поповска-Таборска, П. Ондрус и др.).

16 мая были прочитаны шесть докладов. Г. Поповска-Таборска в докладе «Из проблематики изучения карпатской лексики» привела большой и во многом новый материал, касающийся, с одной стороны, кашубско-южнославянских лексических параллелей (например, кашуб. *barńiec, barńiec* — болг. *побъркам се*, кашуб. *blozno* — чакав. *blazina*, кашуб. *blēze* — с.-хорв., болг. *близу* и под.), а с другой — характеризующий кашубско-карпатские соответствия. Она обратила внимание на существование целой группы слов, которая в кашубском имеет значение пейоративов, а в польских говорах Карпат представляет собой термины пастушества (например, кашуб. *bača, caban, cabón, gazdina, zuga, zuk* и др.). По возможности полное выявление указанных сходжений (наряду с вероятным изменением семантики), несомненно, будет иметь большое значение для исследования собственно карпатской проблематики.

Доклад вызвал оживленную дискуссию. А. Заремба, основываясь на собственных наблюдениях, развил идею о том, что чем дальше от источника распространяются слова, тем значительнее изменения их семантики. С. Б. Бернштейн подчеркнул важность поисков новых кашубско-карпатско-южнославянских соответствий. Е. Русек (Краков) предложил увеличить сферу этих поисков за счет привлечения данных полабского языка.

В докладе И. Рипки (Братислава) «Об изучении словацких наречий и обработке диалектных данных в Атласе» содержалась подробная информация о создаваемом в Институте языкознания им. Л. Штура САН «Атласе словацкого языка» и характеристика лексико-семантической дифференциации словацких наречий и были изложены ценные соображения относительно работы над ОКДА.

В частности, И. Рипка высказался за неравномерность сетки обследования; по его мнению, включение в территорию обследования южнословацких говоров проблематично. Подробно остановился он и на важности описания семантики в ОКДА с помощью сематических микрополей.

Проф. А. Заремба представил доклад «Из изучения карпатской пастушеской лексики», в котором показал необходимость диахронического плана в лингвогеографическом изучении различных лексических разрядов. Обрисовав современное распространение названий сыворок, он уделил особое внимание терминам с корнем **kap-*: *kapalica*, силезско-ляшк. *kapalka* (в некоторых словарях *kapalka*). Привлекая данные польских памятников письменности, А. Заремба делает вывод, что вариант *kapalica* существовал в языке лишь до XV в. и что *kapalka* — заимствование из соседних языков. Подробно в докладе была охарактеризована семантика польск. *masłanka*, укр. *маслянка* и под.

Выступая в прениях по этому докладу, Г. Поповска-Таборска предложила иную интерпретацию названий с корнем **kap-*: *kapalica* — старопольская лексема, *kapalka* — новая (с XV в.) польская форма, а не заимствование в силезских говорах.

Е. Русек (Краков) в докладе «Из украинско-южнославянских лексических параллелей» проанализировал лексемы *brič, prozir, vuzir* и под., *podr'a (podra)*. Особую ценность имеет последняя, поскольку она впервые вводится в список подобных сходжений [ср. болг. *пбдере, пбдаре* (Н. Геров) < **po-dbr-*]. Большой интерес вызвал и широко цитированный в докладе материал памятников (средне)болгарской письменности. Эти достоинства доклада отметили все выступавшие в прениях (М. Младенов, А. Заремба, Г. Поповска-Таборска). Были высказаны и критические замечания. Так, М. Младенов акцентировал внимание на том, что при рассмотрении подобных параллелей следует учитывать как возможность заимствований (через румынский) из южнославянского, так и исконность тех или иных элементов в карпатской зоне (в частности, *brič*).

П. Ондрус в докладе «Карпатизмы в словацких диалектах» показал важность для работы над ОКДА сбора и обработки лексических данных (терминологической лексики), собираемых под его руководством в разных районах Словакии по специальной программе². Он привел значительный список слов, которые могут быть включены в будущую

² P. Ondrus. Výskum slovnej zásoby slovenských nárečí. Bratislava, 1966.

программу ОКДА (например, *pražit' vrelí* и др.).

В докладе Й. Малацкого (Братислава) «Карпатизмы в с. Горные Орешаны» были изложены результаты выборочного обследования лексики этого говора по «Программе Карпатского диалектологического атласа» (задача которого состояла, как известно, в обследовании карпатоукраинских говоров)³. Было показано, что значительная часть вопросов этой программы актуальна для некоторых типов словацких говоров и, следовательно, может быть использована при подготовке словацкого варианта программы вопросника ОКДА.

После официального закрытия совещания, на котором присутствовали представители руководства Философского факультета, 17 мая была организована диалектологическая поездка в одно из сел недалеко от Модры. Там участники, разбившись на группы, производили наблюдения над лексикой местного говора.

Принятое совещанием решение содержит ряд важных пунктов. В частности,

установлены этапы и сроки создания Атласа: составление общей программы — вопросника (до конца 1976 г.), сбор диалектного материала (1977—1979 гг.), картографирование и комментирование его (1979—1981 гг.), окончательное завершение работы — 1982 г. Общее число пунктов, подлежащих анкетированию на территории Карпат, — около 260; предполагается обследовать известное число пунктов к югу от Дуная (25); кроме того, по редкой сетке будут изучены села к северу от Карпат. Окончательно сетка обследования должна быть определена в национальных коллективах до конца 1974 г. Признано целесообразным составление библиографии трудов, освещающих проблемы карпатского языкознания. Высказано пожелание о чтении в университетах курсов лекций и проведении занятий по общим и частным вопросам карпатистики. Совещание признало полезным издание в отдельных странах специального бюллетеня, в котором публиковались бы материалы научного и научно-организационного характера, связанные с созданием ОКДА.

³ С. Б. Берштейн и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. 127 стр + 212 карт.

Г. П. Клепикова

К 550-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЯНА ЖИЖКИ

17 октября 1974 г. в Доме дружбы состоялся вечер, посвященный 550-летию со дня смерти героя чешского народа, замечательного полководца Яна Жижки. На вечере присутствовали активисты Общества советско-чехословацкой дружбы, студенты московских вузов, а также сотрудники посольства Чехословакии в СССР. Вечер открыл секретарь Центрального правления Общества Б. А. Ушаков. С докладом об исторических заслугах Яна Жижки выступила д-р ист. наук Л. П. Лалтева. Докладчик показала Яна Жижку как замечательного чешского патриота, борца за социальную справедливость, за независимость родной страны. Охарактеризовав кратко историю гуситского революционного движения и расстановку сил, докладчик подчеркнула, что в эту грозную для Чехии эпоху Жижка был вождем чешского народа. Он возглавил борьбу против гнета немецких феодалов и католической церкви. При жизни Жижки против Чехии было организовано три крестовых похода, в которых участвовали лучшие воинские силы феодальной Европы, и все они были

отбиты гуситами под руководством Жижки. Автор подчеркнула, что армия Жижки, «божьих бойцов», не знала поражений, ибо это была армия революционного народа. Именно благодаря этой армии Чехия в XV в. отстояла свою национальную независимость и чешский народ завоевал право на самостоятельное существование. В чешском народе имя Жижки стало символом революционности, стойкости убеждений, воинской доблести.

Особо проявился гений Жижки как полководца. Созданная им непобедимая армия отличалась высоким моральным духом, твердой дисциплиной. Это была принципиально новая для феодальной Европы армия, которая применила совершенно новую оригинальную тактику боя, используя наряду с артиллерией, копьями, мечами неизвестное феодальным войскам оружие — боевые косы, крючья, ежи, цепи. Из обыкновенных возов были созданы боевые, каждый из которых являлся воинской единицей. Из возов на местности быстро создавалось неприступное укрепление.

На вечере силами Государственной публичной исторической библиотеки была развернута книжная выставка, посвященная Жижке. С краткой информацией о ней выступила главный библиотекарь ГПИБ канд. ист. наук Н. М. Пашаева.

В трехмиллионном фонде Исторической библиотеки гуситское революционное движение и, в частности, материалы о деятельности Яна Жижки представлены весьма многопланово. В фонде находятся все важнейшие опубликованные источники, из которых на выставке были представлены такие как «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезовой в чешском издании и в выпущенном несколько лет назад русским переводом, собрание источников по истории гусизма Ф. Палацкого, опубликованное в Чехии в 60-х годах XIX в. и ныне переизданное в Чехословакии, и др. Привлекли внимание собравшихся труды старых чешских историков Ф. Палацкого, В. Томека, Й. Коржана, А. Седлачека и др. Современные чехословацкие издания были представлены работами Ф. М. Бартоша, Т. Ч. Желинки, В. Гусы и др., а также специальными статьями из сборников периферийных издательств Чехословакии. В нашей стране имя Жижки давно известно читателю. Недаром уже в конце 80-х годов XIX в. вышел перевод труда В. Томека о Жижке.

Полно подобраны в библиотеке работы советских гуситологов — П. И. Резонова, А. И. Озолина, Б. Т. Рубцова, Г. И. Липатниковой, Г. Э. Санчука и многих других. В последние годы в советской гуситологии наблюдается особенный интерес к русской и советской историографии гусизма. За последние пять лет защищены две диссертации — кандидатская А. И. Митряева (Харьков) и докторская Л. П. Лаптевой (Москва), появились ряд статей этих авторов, а также работы Г. Э. Санчука, Ю. Ф. Иванова.

Интересны и еще ждут своего исследователя коллекции редкой книги Исторической библиотеки. В изданиях XV—XVII вв. мы находим упоминания о Яне Жижке. В библиотеке хранится издание чешской истории Энея Сильвия Пикколomini¹ (будущего папы Пия II), вышедшее в 1524 г., где автор, современник Жижки, с нескрываемой ненавистью говорит о нем, и весьма реакционная хроника Гайка 1541 г.² Совсем иначе оценивали Жижку протестанты XVII в. — чешские и немецкие. Для написанных на злобу дня в начале XVII в. протестантских изданий характерны попытки обращения к гуситской традиции (недаром

ряд брошюр 1619 г., хранящихся в библиотеке, подписаны именем «воскресшего Гуса»). В этом смысле заслуживает специального упоминания редкое издание 1621 г. Это трехтомная история гуситских войн под заглавием «Гуситские войны то есть жизнь, учение и смерть магистра Иоганна Гуса и как он был отлучен богемскими гуситами и в особенности Иоганном Жижкой и его учение сохранено в Королевстве»³. Автор этого труда — Захария Теобальд, немецкий протестантский писатель, родившийся и живший в Чехии, считавший себя чехом, участник Чешского восстания 1618—1620 гг. Работа написана им в 1609 г. Хранящееся в библиотеке издание — второе, вышедшее в Нюрнберге, куда автор эмигрировал после восстания. К этому изданию приложен текст Чешской конфессии 1575 г., Грамота величества 1609 г. и другие протестантские документы.

Среди редких книг, хранящихся в библиотеке, любопытен конволют, в котором сшиты в один том занимательные календари исторических событий различных земель, вышедшие в Лейпциге и Бремене в 1698—1699 гг. Среди них, рядом с занимательным календарем истории «Московского княжества», содержащим абсолютно непохожий на оригинал портрет «Петера Алексовича», мы находим и календарь чешских событий со смерти Жижки до начала реформации Лютера (1512)⁴. Очевидно, и для составителя XVII в. было ясно, что именно смерть Жижки была поворотным пунктом в истории Чехии.

Образ Жижки вдохновил не одного романиста, что было также отражено на выставке, где были представлены романы А. Ирасека и Жорж Занд в подлинниках и в русских переводах. Знаменательно, что во Франции роман Ж. Занд вышел лишь с коротким предисловием, а в России его перевод был снабжен большим историческим введением проф. А. Трачевского, объемом более 50 страниц⁵. Вскоре русский читатель (на этот раз юный) получил оригинальный роман о Жижке, написанный известной писательницей М. В. Ямшиковой (Ал. Алтаевым). Изданный в пору реакции в 1908 г. в серии «Библиотека для семьи и школы» роман кончался знаменательной фразой: «Несмотря на долгое угнетение, дух

³ Z. T h e o b a l d. Hussiten Krieg... Th. 1—3. Nürnberg, 1621.

⁴ Courieuse continuation des hussitischen. Geschichts-Calenders von Johannis Ziskae Absterben anno 1424 bis zum Anfang der grossen Reformation durch den seeligen hn D. Martin Luthern anno 1512. Bremen, 1699.

⁵ Ж. З а н д. Ян Жижка. Под редакцией, с введением и примечаниями проф. А. Трачевского. СПб., 1902.

¹ Aeneae Silvii Senensis de Bohemorum origine ac gestis historia variarum rerum narrationem complectens. Coloniae, 1524.

² H a g e k z Liboczan. Kronyka, czeska. Praha, 1541.

свободы, зажженный в чешском народе Гусом и Жижкою не угас, и, сказываясь в периоды великих национальных бедствий, не раз спасал народные массы от материального и нравственного порабощения»⁶. Из произведений художественной литературы о Жижке заслуживает внимания скромная книжечка издания 1851 г. «Смерть Жижки» — историческая трагедия в шести действиях Йозефа Йиржи Колара⁷. Некогда автор считал-

ся одним из лучших чешских драматургов. Сама книжка принадлежала русскому слависту А. Ф. Гильфердингу. Его автограф сохранился на обложке.

Особый раздел выставки был посвящен воинскому уставу Жижки. (Жижка был создателем устава, который был положен в основу воинских уставов ряда стран Европы.) Здесь привлекали внимание работы Яна Дурдика, исследование советского правоведа Г. П. Беляевой, а также сам текст устава, представленный в подлиннике и в русском переводе, помещенном (с сокращениями) в хрестоматии по истории средних веков для преподавателей средней школы.

Вечер закончился просмотром кинофильма о Жижке.

⁶ Ал. Алтаев. Троцновский пан. М., 1908, стр. 296. Впоследствии роман был переработан писательницей совместно с дочерью Л. А. Ямшиковой-Дмитриевой и издан в серии «Жизнь замечательных людей». Ал. Алтаев, А. Феличе. Могучий слепец. М., 1959. Обе книги имеются в библиотеке.

⁷ J. J. K o l a r. Zizkova smrt. Praha, 1851.

Н. М. Пашиева

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ГУНДОРОВ

На 79 году жизни скончался генерал-лейтенант инженерных войск в отставке, председатель Славянского комитета СССР, член партии с 1915 г.— А. С. Гундоров.

А. С. Гундоров родился 11 февраля 1895 г. в селе Большие Соли, Костромской губернии, в семье кузнеца-кустаря. А. С. Гундоров прошел славный трудовой путь от слесаря паровозного депо до генерала Советской Армии. После окончания Большесольского ремесленного училища в 1912 г. он поступает слесарем на ст. Дно Московско-Виндавской железной дороги. В 1913 г. переезжает в Петербург, где на заводах работает слесарем, токарем до апреля 1918 г. В 1915 г. вступает в ряды большевистской партии. После Февральской революции был членом Невского райкома РСДРП и входил в состав отряда Красной Гвардии.

С декабря 1918 г. до конца жизни находился в рядах Советской Армии. После окончания в 1923 г. Ленинградской Высшей военно-педагогической школы в течение всего межвоенного периода занимал ряд командных должностей в Советской Армии.

1923—1928 гг.— преподаватель военно-инженерного дела Самарской кавалерийской и Тифлисской пехотной школ. 1928—1931 гг.— дивизионный инженер Армянской стрелковой дивизии. 1931—1937 гг.— помощник начальника инженеров Особой дальневосточной армии. 1937—1942 гг.— начальник Военно-инженерной Академии им. Куйбышева.

В годы Великой Отечественной войны командовал 8-й саперной армией, был начальником Инженерной службы Московского фронта ПВО, заместителем генерал-инспектора инженерных войск Советской Армии, по окончании войны в 1946—1951 гг.— помощником начальника инженерных войск Советской Армии.

Затем находился по болезни в отставке.

В годы Великой Отечественной войны А. С. Гундоров службу в Советской Армии совмещал с большой общественной работой. С сентября 1941 г. по декабрь 1946 г. он выполнял обязанности председателя Всеславянского комитета, а в апреле 1947 г. был избран председателем Славянского комитета СССР.

Много сил и энергии вложил А. С. Гундоров в деятельность, направленную на объединение усилий в борьбе против гитлеровской агрессии. На митингах, организуемых комитетом, со всей силой звучал голос Александра Семеновича Гундорова, призывавшего славянские народы к самоотверженной борьбе против гитлеровских захватчиков.

С июля 1942 г. Всеславянский комитет проводил специальные радиопередачи для славянских народов. У микрофона с горячими призывами к славянским народам часто выступал А. С. Гундоров.

Живой интерес к истории славянских народов, к их культуре и революционно-освободительной борьбе А. С. Гундоров проявлял и в послевоенное время. Он состоял членом Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, в работе которого принимал активное участие. Являясь членом Центрального правления Общества советско-польской дружбы, он внес немалый вклад в дело расширения и упрочения советско-польской дружбы.

Свой жизненный путь, включая и участие в Октябрьской революции, А. С. Гундоров запечатлел в написанной им книге «Революцией мобилизованный» (М., 1968). Это был путь большевика, отдавшего жизнь делу служения своему народу.

И. А. Хренов

ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПОХИЛЕВИЧ

29 мая 1974 г. скончался известный советский ученый, заслуженный деятель науки УССР, доктор исторических наук, профессор Львовского университета Дмитрий Леонидович Похилевич.

Д. Л. Похилевич родился в сентябре 1897 г. в с. Водотыи Киевской губернии. Первые годы его деятельности в качестве сельского учителя пришлось на эпоху великих исторических событий в жизни нашей страны — революционный 1917 год, гражданскую войну, начало социалистического строительства. В 1923 г. молодой учитель вступает в ряды Коммунистической партии. В 1924 г. он успешно заканчивает Киевский институт народного образования.

С 1921 г. Д. Л. Похилевич работал на ответственных должностях в учреждениях народного образования, науки и культуры: уездным комиссаром народного просвещения, директором Института народного образования, в Наркомпросе УССР, а с 1933 г. — директором Научно-исследовательского института истории украинской культуры. Все последующие годы своей жизни Д. Л. Похилевич посвятил педагогической работе в высшей школе. Во время Великой Отечественной войны он преподает в Свердловском и Ярославском пединститутах; с 1946 г. работает во Львовском университете, заведует кафедрой истории средних веков, а в 1952—1973 гг. — кафедрой истории южных и западных славян.

Научная деятельность Д. Л. Похилевича охватывает широкий круг вопросов, он автор свыше ста статей, монографий и учебников. Основной темой его исследований является аграрная история Восточной Европы, история крестьян Белоруссии, Литвы и Украины в XVI—XVIII вв. Этой теме были посвящены диссертации Д. Л. Похилевича — кандидатская «Аграрная реформа Сигизмунда — Августа в исторической литературе» и докторская «Государственные крестьяне Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв.» Значительным вкладом в разработку актуальных проблем аграрной истории Восточной Европы явились, наряду с многими статьями, монографии ученого «Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.» (Львов, 1957) и «Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в.» (Вильнюс, 1966).

Эти же проблемы он освещает также в ряде глав многотомной «Истории Белорусской ССР». Неоднократно Д. Л. Похилевич обращался и к изучению истории Польши феодальной эпохи. Он соавтор первого тома «Истории Польши» (М., 1956). Решение им ряда спорных проблем истории феодальной Речи Посполитой нашло широкое признание среди историков ПНР. Польская научная общественность высоко оценила эту сторону научной деятельности Д. Л. Похилевича, издав некоторые его работы на польском языке, а Люблинский университет избрал его своим почетным доктором.

Стилю научной работы Д. Л. Похилевича были свойственны постоянное внимание к теоретическим вопросам, глубокое проникновение в сущность изучаемых явлений, оригинальный подход к решению сложных проблем, блестящее знание фактического материала. Многие выводы Д. Л. Похилевича стали общепризнанными в советской и зарубежной исторической литературе.

Д. Л. Похилевич был одним из организаторов и руководителей всесоюзных симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, ответственным редактором межведомственного республиканского сборника «Українське слов'язнавство», а в 1973 г. — председателем Оргкомитета VI Всесоюзной научной конференции историков-славистов, проходившей во Львове. Видный ученый отдал много сил подготовке молодых научных кадров. Он был также автором ряда научно-популярных работ, в которых разоблачается реакционная роль католицизма и униатства в истории украинского народа.

За плодотворную научную, педагогическую и общественную деятельность Д. Л. Похилевич награжден двумя грамотами Президиума Верховного Совета УССР. В 1974 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Украинской ССР.

Светлая память о талантливом ученом, педагоге, общественном деятеле Д. Л. Похилевиче навсегда останется в сердцах тех, кто имел счастье знать его, вместе с ним жить и работать.

Н. Г. Крикун, В. П. Чорный

CONTENTS

- M. M. Sumarokova.* V. I. Lenin on the Balkans wars and the participation of Serbia in the I World War. *G. M. Slavin.* Soviet Press of 1941—1942 on the people liberation struggle in Yugoslavia. *N. N. Chernyh.* Yu. Marhlevskii on the significance of the Great October Socialist Revolution for the restoration of independence in Poland. *L'ubomir Havlik* (Czechoslovakia). The early stage of the development of feudalism in Moravia (On the problem of its social system in the light of written sources). *L. N. Budagova.* From antifascist to socialist literature. 3

COMMUNICATIONS

- I. Ya. Marash.* From the history of the study of V. I. Lenin's works by political prisoners in bourgeois-landlord Poland. *L. A. Zarubin.* The sun and dawns in the preslavonic fine arts 61

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

- P. Olshanskii.* J. Kumaniecki. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923. *I. D. Pavlushina.* Book on the University named after Adam Mickewicz in Poznan. *A. L. Yastrebinskaia.* Book on the political struggle on the Balkans at the beginning of the 13th century. *S. P. Bobrova.* V. P. Grachiev. Serbian state in the X—XIV centuries (Criticism of the theory of Zhupa organization). *I. K. Gorskii.* The investigation of the high quality. *N. F. Kopyst'anskaia.* А. В. Волков. Драматургия Карела Чапека. *A. S. Lvov.* Иван Добрев. Глаголическият текст на Боянския полимшест. Старобългарски паметник от края на XI век 72

B i b l i o g r a p h y

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1974 (continued). The contents of the foreign periodicals. 93

SCIENTIFIC LIFE

- V. I. Zlydnev.* The scientific session dedicated to the 30th anniversary of the Socialist Revolution in Bulgaria. *G. P. Klepikova.* The Second International Conference on the General Carpathian Dialectological Atlas. *N. M. Pas-hajeva.* To txe 550-th anniversary of Fan Zhizhka's death 104
- I. A. Khrenov.* Alexandr Semenovich Gundorov 110
- N. G. Krikun, V. P. Chornii.* Dmitrii Leonidovich Pohilevich 111

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 11/X-1974 г. Т-20915 Подписано к печати 12/XII-1974 г. Тираж 1265 экз.
 Зак. 1215 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,8 Бум. л. 3¹/₂ Уч.-изд. л. 11,7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Б ОРДНИКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К